

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№4
2021

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 4/2021

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Главный редактор П.А. Ореховский
Отв. секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева <i>зам. гл. редактора</i>
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	Р.М. Нуреев
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	А.Н. Олейник (Канада)
Г.Д. Гловели	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Р.С. Гринберг	Л.И. Полищук
В.Е. Дементьев	В.М. Полтерович
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	Т.Ф. Ремингтон (США)
Л.В. Зеленоборская	А.Я. Рубинштейн
Р.И. Капелюшников	М.Е. Симон
С.Г. Кирдина-Чэндлер	Н.Е. Тихонова
О.Б. Кошовец	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

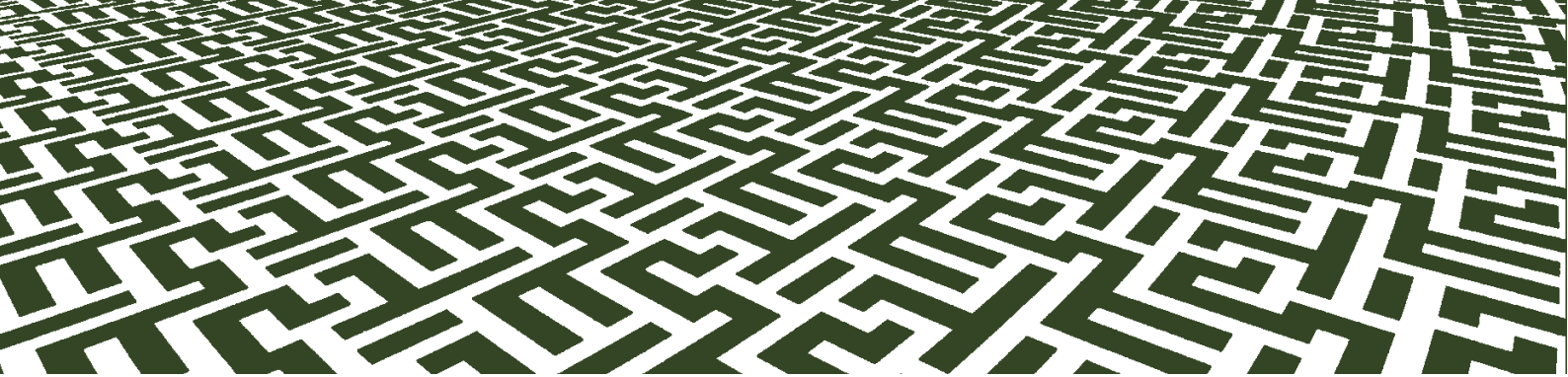

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.

Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

THEORETICAL ECONOMICS

- **Economic theory**
- **Methodology of economic science**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary studies**
- **Economic history**
- **Surveys & reviews**

Nº4
2021

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

MOSCOW

VOPROSY TEORETICHESKOY EKONOMIKI
scientific journal

№ 4/2021

Chief Editor Petr Orekhovskiy
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva <i>Deputy Chief Editor</i>
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	R.M. Nureyev
M.I. Voyeikov <i>Deputy Chief Editor</i>	A.N. Oleinik (Canada)
G.D. Gloveli	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
R.S. Grinberg	L.I. Polishchuk
V.E. Dementiev	V.M. Polterovich
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	T.F. Remington (USA)
L.V. Zelenoborskaya	A.Y. Rubinshtein
R.I. Kapelyushnikov	M.E. Simon
S.G. Kirdina-Chandler	N.E. Tikhonova
O.B. Koshovets	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com

© Voprosy teoreticheskoy ekonomiki, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.В. Галеев, М.М. Жохов

Ex-post анализ международной торговли: сравнение методологических подходов 7

А.М. Либман

Возможны ли открытия в общественных науках? 24

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.А. Яковлев

Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию..... 41

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Д.А. Мачерет

Роль плотности, мобильности населения и перемещения материальных благ в разных концепциях экономического роста 50

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.Я. Косалс, А.И. Изюмов

Внешняя и внутренняя коррупция в организациях — типология и взаимосвязь (на примере полиции) 79

Н.А. Бураков

Нематериальные активы и экономический рост в отрасли культуры..... 92

Д.М. Логинов

Шок и адаптация: год пандемии в оценках и жизненных практиках россиян 105

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

С.А. Васильев

Реформаторское движение в Китае в эпоху династии Северной Сун 121

М.А. Фельдман

Первая пятилетка: проблема пространственного размещения промышленности (современные подходы) 138

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

«Региональная экономика и региональная политика»: 20-я ежегодная международная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» 150

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

- A. Galeev, M. Zhokhov**
Ex-Post Analysis of International Trade: Comparison of Methodological Approaches..... 7

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

- A. Libman**
Are Discoveries Possible in Social Sciences?..... 24

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

- A. Yakovlev**
Variety of Capitalism Concept: Application to Russia..... 41

HISTORY OF THOUGHT

- D. Macheret**
Role of Population Density and Mobility and the Movement of Material Goods
in different concepts of economic growth..... 50

INTERDISCIPLINARY STUDIES

- L. Kosals, A. Izyumov**
External and Internal Corruption in Organizations: Typology and Interdependence.
A Case of the Police 79
- N. Burakov**
Intangible Assets and Economic Growth in the Cultural Sector 92
- D. Loginov**
A Shock and the Adaptation: The Year of the Pandemic in Assessments and Life Practices
of the Russians 105

ECONOMIC HISTORY

- S. Vasiliev**
The Reform Movement in China During the Northern Song Dynasty..... 121
- M. Feldman**
The First Five-Year Plan: the Problem of Spatial Distribution of Industry (Modern
Approaches) 138

SURVEYS & REVIEWES

- A. Zaoztrovtssev**
“Regional Economy and Regional Policy”: The 20th Annual International Conference
from the Cycle “Leontiev’s Readings” 150

А.В. Галеев

научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

М.М. Жохов

стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская экономическая школа (Москва)

EX-POST АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ: СРАВНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Аннотация. В статье приводится сравнение методологических подходов к ex-post анализу эффективности мер экономической политики в области развития международной торговли на примере работы Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). С одной стороны, рассматривается оценка деятельности организации с помощью индексов. Приведены данные индексов используемых непосредственно АТЭС при подведении итогов работы, а также индексов, рекомендованных ВТО, ЮНКТАД и Всемирным Банком. С другой стороны, рассматривается методология ex-post анализа с помощью эконометрических моделей, в частности гравитационной модели. Даются результаты оценки влияния АТЭС на объем импорта, торговые трансакционные издержки и эффективность политики, направленной на упрощение процедур торговли. По результатам сравнительного анализа методологических подходов можно сделать вывод о том, что использование исключительно индексов при ex-post анализе не может в полной мере характеризовать результаты экономической политики, так как в этом случае невозможно выделить эффект конкретных мер. В частности, значения индексов не отражают вклад АТЭС в развитие международной торговли в регионе. Для получения достоверной оценки экономической политики необходимо использовать также и эконометрическую оценку — применение гравитационной модели может дополнить анализ индексов и количественно оценить результаты проводимой политики.

Ключевые слова: международная торговля, ex-post анализ, индексы, гравитационная модель, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

JEL: B41, F13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_07_23.

Введение. Об измерении результатов деятельности наднациональных организаций

В конце XX в. корпус рекомендаций по макроэкономической политике, известный как Вашингтонский консенсус, стал одним из краеугольных камней экономического либерализма и глобализма. За прошедшие десятилетия положения Вашингтонского консенсуса столкнулись с серьезной теоретической критикой и практическими вызовами (см., например, [Slobodian, 2018; Ананьин, Хаиткулов, Шестаков, 2010; Stiglitz, Schoenfelder, 2003; Krugman, 1995]). Однако эти положения продолжают составлять консенсус для правительств и наднациональных организаций. Одни организации (например, Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития) специализиру-

ются на развитии международной торговли и снижении торговых барьеров на глобальном уровне, другие — на региональном уровне (например, Европейский союз и Евразийский экономический союз). В то же время в литературе обращается внимание на развитие идей неомеркантилизма и экономического национализма [Pryke, 2012; Helleiner, Pickel, 2005; Crane, 1998], представляющего альтернативу экономическому либерализму при принятии политических решений [Брюне, Гишар, 2012; McDermott, 1999]. Рост противоречий и конфликтов в глобальной политике и экономике усиливает конфликт между двумя противостоящими идеями организации мирового порядка.

Научный анализ содержания противостоящих подходов и связанных с ними политических рекомендаций затрудняется не только резким идеологическим противостоянием, но и сложностью корректной оценки макроэкономических результатов деятельности наднациональных организаций в области развития международной торговли. Многообразие объектов анализа приводит к созданию большого количества методологий [Бирюкова, Бежанишвили, 2017], которые, в свою очередь, имеют строгие ограничения применимости и часто не могут корректно передать реальную ситуацию [Ненадышина, 2019]. Некоторые из них дополняют друг друга, а некоторые — противоречат. В условиях, когда различные методологии дают различные оценки, корректное представление роли наднациональных организаций в тех или иных событиях оказывается сложной задачей. Более того, в большинстве случаев предписания и постановления наднациональных организаций носят рекомендательный характер, что сказывается при их реализации в национальных законодательствах. В таких условиях одни цели могут игнорироваться в пользу других [Ali, Hussain, Zhang, Nurunnabi, Li, 2018], а статистика и отчеты носить избирательный характер.

Примером методологических проблем является слабая корреляция между показателями Enabling Trade Index, Logistics Performance Index и Doing Business. Все эти индексы (или отдельные их компоненты) измеряют наличие торговых барьеров для определённой страны. Из единства объекта измерения можно предположить, что между индексами должна быть сильная корреляция. Однако это не всегда так, и результаты описанных показателей для одной и той же страны сильно отличаются между собой [Ненадышина, 2019. С. 114]. Более того, сравнение этих индексов с результатами опроса предпринимателей о торговых барьерах выявило слабую взаимосвязь и с мнением предпринимателей об их наличии [Behar, 2010].

Тем не менее существуют примеры комплексных количественных индикаторов, адекватно отражающих динамику развития стран. Один из них — индекс Целей устойчивого развития (ЦУР), отражающий прогресс стран в области достижения Целей устойчивого развития ООН. Для 17 целей измеряется 91 показатель, а для стран ОЭСР в силу доступности информации — ещё 30 дополнительных показателей. Всесторонняя оценка индекса ЦУР, основанная в том числе на добровольных отчетах стран по выполнению задач ООН, позволяет оценить результаты стран по выполнению ЦУР [Ланьшина, Барина, Логинова, Лавровский, Понедельник, 2019], а также эффективно реагировать на такие мировые кризисы, как, например, пандемия COVID-19, дорабатывая методологию, а не выстраивая её заново [Bobilev, Grigoryev, 2020]. Так, в 2021 г. при расчёте индекса использовалось на 6 показателей больше, чем в предшествующем году [Sachs, Kroll, Lafortune, Fuller, Woelm, 2021].

При анализе международной торговли также предпринимались попытки систематизировать различные показатели и модели для удобства дальнейшей работы. В 2012 г. совместными усилиями учёных из ВТО и Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) было разработано руководство по анализу торговой политики [Bacchetta, Beverelli, Cadot, Fugazza, Grether, Helble, Nichita, Piermartini, 2012]. Оно включает в себя описание методологии ex-post анализа, позволяющего оценить положение экономики в прошедшем периоде. В качестве инструментов ex-post анализа приводится ряд индек-

сов, отражающих динамику торговых потоков и наличие торговых барьеров. Отмечается, что различные индексы хорошо подходят для оценки совокупного эффекта принимаемых мер в рамках отдельно взятой страны (например, индекс сравнительных преимуществ, открытости торговли и диверсификации торговли). Также в руководстве изложены основные положения ex-ante анализа — методологии прогнозирования на основе определенной модели. Однако, как отмечают авторы руководства, определённые инструменты ex-ante анализа подходят для проведения ex-post исследований в зависимости от исследовательского вопроса политики [Bacchetta, Beverelli, Cadot, Fugazza, Grether, Helble, Nichita, Piermartini, 2012. P. 8]. Одним из таких инструментов выступает гравитационная модель, рекомендованная для анализа влияния отдельных мер торговой политики и участия в наднациональных организациях. Более того, её актуальность привела к созданию в 2016 г. второго тома руководства [Yotov, Piermartini, Monteiro, Larch, 2016], полностью посвященного различным способам применения гравитационной модели, ее недостаткам и развитию. Тем не менее многие международные организации продолжают использовать лишь общие показатели и индексы для анализа собственной деятельности, несмотря на доступность более продвинутой методологии. Примером здесь может выступать Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Особый интерес эта организация вызывает также потому, что она объединяет экономики одного из наиболее динамично развивающихся регионов мира. Деятельность этой организации представляет непосредственный интерес для России, являющейся ее членом.

Цель данной работы — сравнение методологии оценки эффективности мер экономической политики в области развития международной торговли на примере деятельности АТЭС. Для этого проводится сравнение между используемой в деятельности АТЭС оценкой на основе статистических индексов (индекс экономической свободы, открытости торговли и индекс проникновения на экспортные рынки) [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a] и предлагаемой экспертами оценки на основе гравитационной модели [Hur, Lee, 2017; Park, Park, 2016; Shepherd, 2016]. На этой основе выявляются основные преимущества и недостатки обоих подходов.

Статья имеет следующую структуру: сначала приводится краткий обзор деятельности АТЭС, затем, в следующих двух частях рассматривается оценка деятельности организации с помощью индексов и гравитационной модели соответственно, наконец, в последней части проводится сравнение методологий.

АТЭС и выполнение Богорских целей

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество было образовано в 1989 г. в Канберре как форум для неформального диалога участников на министерском уровне. В первый состав организации входило 12 членов, включая США и Японию. До 1998 г. шло расширение состава участников, пока он не достиг 21 экономики¹, в том же году в число этих экономик вошла Россия. В 1994 г. во время саммита в Богоре (Индонезия) организация обозначила цели и задачи на период до 2020 г. [Asia-Pacific Economic Cooperation, 1994]. Основной стратегической целью стало формирование системы свободной торговли и инвестиций внутри Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). В 2020 г. с окончанием срока исполнения Богорских целей прошел очередной саммит АТЭС в Малайзии, где были подведены итоги работы организации и определены новые «Путраджайские ориентиры» до 2040 г. [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020b].

¹ В результате присоединения Тайваня и Китая к организации, в её рамках принято использовать термин «экономики» для обозначения стран-участниц.

За весь срок своего существования АТЭС не раз подвергалось критике за невозможность обеспечения условий для сотрудничества в рамках Богорских целей. Организация не способствовала значительному снижению транзакционных издержек, а также не смогла достичь одной из ключевых целей — создания зоны свободной торговли «Free Trade Area of the Asia Pacific» (FTAAP) [Solis, Wilson, 2017]. В то же время происходило усиление конкурирующих структур — Транстихоокеанского партнёрства² (ТТП) и Всестороннего регионального экономического партнёрства³ (ВРЭП). Их существование привело к поляризации Азиатско-Тихоокеанского региона [Потанов, 2017; Портанский, 2017; Веремеев, 2016]. Само противостояние этих структур лишь подчеркивает политические проблемы АТЭС, чьи предписания (как и предписания других наднациональных организаций) носят рекомендательный характер. Отсутствие у АТЭС политической воли, способной совладать с поляризацией, становится препятствием для дальнейшей интеграции региона. Будучи по сути платформой, на которой сошлись различные политические силы, АТЭС становится неспособна к постановке и выполнению четких целей, а ее успехи весьма спорны [Osakwe, Ani, 2014]. Тем не менее отмечается и положительный вклад АТЭС в международную торговлю. Так, в литературе обращается внимание на увеличение объёмов торговли между странами-членами, позитивное влияние на объём инвестиций [Makin, Chai, 2018] и общую либерализацию торговли [Drysedale, 2009].

Методология ex-post оценки на основе индексов

Несмотря на существование продвинутых эконометрических моделей для оценки деятельности наднациональных организаций, чаще всего при принятии политических решений и подведении итогов политики предпочитают смотреть на показатели и индексы. Однако такой подход при оценке деятельности АТЭС вызывает сомнения относительно достоверности и качества выводов [Hur, Lee, 2017. P. 1078]. В итоговом отчёте по выполнению Богорских целей использовались такие показатели и индексы, как динамика экспорта и импорта, динамика различных видов тарифов, индекс экономической свободы и другие индексы, однако отсутствует эконометрическая оценка деятельности АТЭС [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a]. При рассмотрении отдельных стран чаще всего отмечались лишь общие изменения, такие как изменения ставок тарифов, которые могут быть связаны как с прямой деятельностью АТЭС, так и с общими трендами мировой экономики.

Ограниченное количество инструментов анализа, представленных в итоговом отчете АТЭС, потребовало дополнить список индексов, описывающих деятельность форума. Для этого были выбраны следующие индексы: индекс экономической свободы, представленный в итоговом отчёте АТЭС; индекс открытости торговли, рекомендованный ВТО и ЮНКТАД; индекс проникновения на экспортные рынки, представленный в World

² Преференциальное торговое соглашение было заключено между 12 странами 4 февраля 2016 г. в Окленде (Новая Зеландия). Переговоры были начаты в 2008 г. по инициативе США, тем не менее вышедших из соглашения в 2017, что не помешало дальнейшему формированию ТТП в формате 11 стран. Текущие участники: Австралия, Перу, Бруней, Вьетнам, Новая Зеландия, Чили, Сингапур, Малайзия, Мексика, Канада, Япония.

³ Соглашение, подписанное в Ханое (Вьетнам), о крупнейшей зоне свободной торговли охватывает 15 стран (переговоры по его созданию начались в 2012 г.). Оно включает 10 участников АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 5 сторонних государств (Австралия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония). Одну из лидирующих ролей в соглашении занимает Китай, именно его противостояние с США является одной из основных причин конкуренции между ВРЭП и ТТП [Портанский, 2017].

Integrated Trade Solution⁴. При выборе индексов мы руководствовались следующими критериями: во-первых, набор индексов должен охватывать широкий спектр экспертных рекомендаций по анализу торговой политики, что привело к рассмотрению индекса открытости торговли и индекса проникновения на экспортные рынки. Во-вторых, каждый из индексов должен отражать результаты страны непосредственно в снижении торговых барьеров и налаживании экономических связей, а не общеэкономические показатели, какие были представлены в итоговом отчете АТЭС [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a. Pp. 12–15]. В-третьих, каждый индекс должен быть рассчитан на данных, охватывающих период аналогичный периоду, описанному в эконометрических исследованиях, такое условие позволит более ясно соотнести результаты, полученные при оценке гравитационной модели, с результатами анализа индексов.

Так как анализ динамики индексов одновременно для всех экономик АТЭС с помощью графиков представляется затруднительным в силу большого количества участников, было принято решение отразить на графиках только следующие страны: Россия, США, Китай, Филиппины и Чили. При выборе данных мы постарались охватить разные аспекты экономической деятельности и выбрали указанные страны по следующим причинам. Во-первых, необходимо изучить положение России среди экономик АТЭС. Во-вторых, США и Китай представляют особый интерес как экономические, так и идеологические противники [Boylan, McBeath, Wang, 2021]. Действия этих стран имеют последствия для всей мировой экономики [Zhang, Lei, Ji, Kutan, 2019] и непосредственно для АТЭС — именно вокруг США и Китая были образованы структуры, конкурирующие в рамках АТЭС, — ТТП и ВРЭП, соответственно. Филиппины были включены в список, где было существенно затруднено внедрение политики либерализации АТЭС [Quimba, Barral, 2019], а при оценке изменений торговых транзакционных издержек, страна показала наихудший результат [Shepherd, 2016. P. 9]. Также мы включили Чили как участника АТЭС, где достаточно интенсивно проводилась политика либерализации торговли и заинтересованного в торговле непосредственно с АТР [Baeza Freer, Griffiths, 2019].

Данные индекса экономической свободы [Heritage Foundation, 2021a] были использованы при анализе результатов деятельности АТЭС в финальном отчете [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a. P. 62]. Однако в документе приводится динамика только по одному из его составляющих — показателю инвестиционной свободы. Так как наша цель — анализ методологии исследования именно международной торговли, а не финансовых потоков в целом, было решено изучить другую его составляющую — индекс торговой свободы [Heritage Foundation, 2021b], данные по которому приводятся в базе данных [Heritage Foundation, 2021c]⁵. Данный индекс отражает уровень доступности страны для участия в международной торговле и принимает значения от 0 до 100 пунктов. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$Trade\ Freedom_i = \frac{Tariff_{max} - Tariff_i}{Tariff_{max} - Tariff_{min}} * 100 - NTB_i, \quad (1)$$

где $Tariff_{max}$, $Tariff_{min}$ — принятые границы тарифов, $Tariff_i$ — средний тариф в стране i , NTB_i — штраф за нетарифные барьеры.

⁴ World Integrated Trade Solution (WITS) — проект, призванный обеспечить доступ данным о международной торговле, созданный при сотрудничестве ЮНКТАД, Всемирного банка, статистического отдела ООН, ВТО и Международного торгового центра [World Integrated Trade Solution, 2021a].

⁵ Именно эти данные использовались при составлении отчета АТЭС [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2020a. P. 62]).

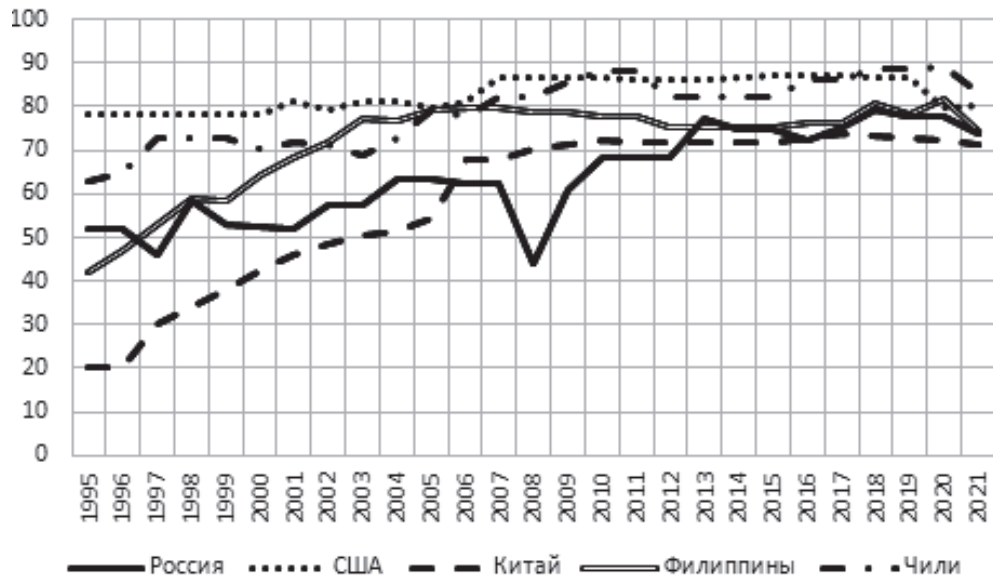

Рис. 1. Динамика индекса торговой свободы 1995–2021 гг. для экономик-членов АТЭС, %
 Источник: Index of economic freedom [Heritage Foundation, 2021b].

На рис. 1 приведена динамика индекса торговой свободы для ряда экономик — участников АТЭС. В период с 1995 по 2021 гг. Для них был характерен в целом возрастающий тренд индекса торговой свободы, в последнее десятилетие значение индекса не было подвержено значительным колебаниям и находилось в коридоре между 70 и 90 пунктами. Россия также следует этому тренду, однако наблюдается значительное падение индекса в 2008 г., которое сменяется ростом и выходом на значения, соответствующие другим странам, представленным на графике. С одной стороны, это может свидетельствовать о положительной роли АТЭС в увеличении открытости торговли, с другой — быть следствием общих трендов мировой экономики.

Индекс открытости торговли также часто используется при анализе международной торговли (см., например, [Bacchetta, Beverelli, Cadot, Fugazza, Grether, Helble, Nichita, Piermartini, 2012. Рр. 13–16]). Данный индекс отражает то, насколько экономика страны вовлечена в международную торговлю, измеряется в процентах и рассчитывается как отношение суммы экспорта и импорта к текущему ВВП:

$$O_i = \frac{Ex_i + Im_i}{Y_i}, \quad (2)$$

где Ex_i — экспорт страны i , Im_i — импорт страны i , Y_i — ВВП страны i .

На рис. 2 изображена динамика индекса открытости торговли для выбранных стран. На основании динамики индекса открытости торговли за период с 1995 по 2020 гг. невозможно выделить единый тренд для всех участников АТЭС, однако для большинства экономик характерен убывающий тренд значений индекса, начиная с 2000-х гг., как видно из динамики значений индекса для России. Важно отметить, что различия между странами практически необъяснимы в рамках анализа деятельности АТЭС. Соответственно, динамика индекса не может репрезентативно представить результаты деятельности данной организации.

Наконец, индекс проникновения на экспортные рынки отражает диверсификацию экспорта и развитие экономических отношений с другими странами и используется Всемирным Банком при оценке конкурентоспособности экспорта [Корытова, 2015. С. 170]. Для страны i и товара j индекс рассчитывается как отношение текущего количества экспорт-

ных отношений (количество стран, импортирующих товар j из страны i), к общему количеству потенциальных отношений (количество стран, которые в целом импортируют товар j):

$$P_{ij} = \frac{n_{ij}}{N_{ij}}, \quad (3)$$

где n_{ij} — текущее количество экспортных отношений, N_{ij} — потенциальное количество экспортных отношений.

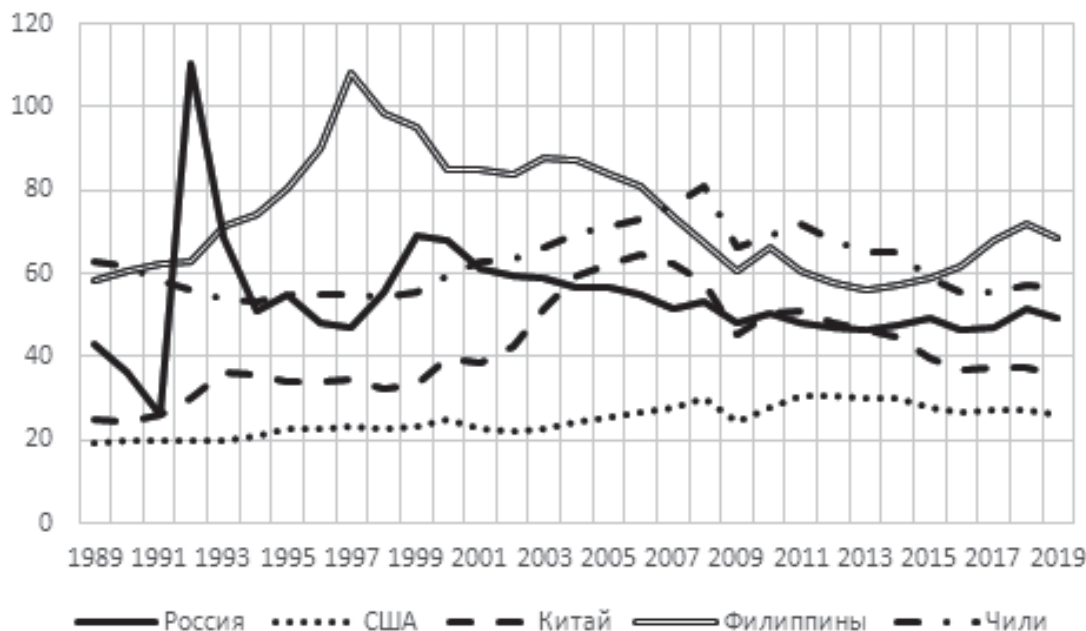

Рис. 2. Динамика индекса открытости торговли 1995–2017 гг. для стран АТЭС, %
 Источник: World Bank Databank [World Bank, 2021].

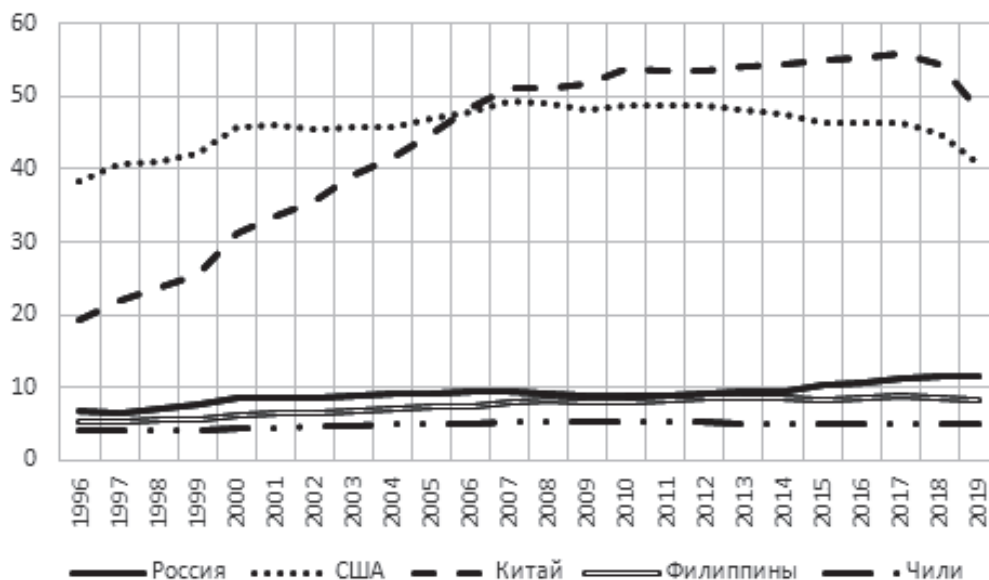

Рис. 3. Динамика индекса проникновения на экспортные рынки 1990–2019 гг. для стран АТЭС, в %
 Источник: World Integrated Trade Solution [World Integrated Trade Solution, 2021b].

Как видно из рис. 3, в течение всего исследуемого периода преобладал положительный тренд, который постепенно замедлялся и в последние годы для некоторых стран сменился отрицательным. Данные индекса для России соответствуют общим тенденциям —

значения индекса постоянно росли на протяжении всего обозначенного периода. В рамках рассмотрения данной динамики невозможно проследить прямой эффект от взаимодействия стран внутри АТЭС, равно как и его отсутствие.

Таким образом, с помощью рассмотренных индексов невозможно выделить эффект от участия стран в АТЭС. Несмотря на то, что индексы соответствуют экспертным рекомендациям, напрямую отражают информацию о международной торговле, а исследуемый период включает в себя наиболее активный период развития АТЭС, сделать однозначные выводы о результатах деятельности конкретной организации невозможно.

Методология ex-post оценки на основе гравитационной модели

Одной из наиболее эффективных и распространённых эконометрических моделей для оценки вклада наднациональных организаций в международную торговлю является гравитационная модель внешней торговли [Yotov, Piermartini, Monteiro, Larch, 2016]. Впервые она была предложена Яном Тинбергеном в 1962 г. и представляла собой инструмент для прогнозирования торговых потоков (ex-ante модель) [Tinbergen, 1962]. Её оригинальная функциональная форма повторяет формулу всемирного тяготения Ньютона, где массы объектов заменены на «массы» экономик — их общий выпуск, а целевой переменной является объем торговли между ними:

$$x_{ij} = k * \frac{y_i^\alpha * y_j^\beta}{D_{ij}^\gamma}, \quad \alpha > 0, \beta > 0, \gamma > 0, \quad (4)$$

где x_{ij} — торговый поток от экспортера i в страну j , y_i — ВВП страны i , D_{ij} — расстояние между странами, k , α , β , γ — оцениваемые коэффициенты. Гравитационная модель обладает высокой объясняющей силой с большим коэффициентом детерминации [Шумилов, 2017]. Модель была принята академическим и экспертным сообществом, ее описание присутствует в обзорных методологических статьях Международного валютного фонда уже в конце 1960-х гг. [Taplin, 1967]. Изначально отсутствие теоретических оснований гравитационной модели считалось значительным недостатком такого подхода [Hua, Porell, 1979]. Однако в дальнейшем под функциональную форму (4) удалось подвести теоретическую базу [Arkolakis, Costinot, Rodriguez-Claire, 2012; Eaton and Kortum, 2002; Deardoff, 1998; Bergstrand, 1985]. Успешный опыт эмпирической оценки гравитационной модели, начиная с конца 1960-х гг. [Yamazawa, 1970; McConnell, 1969; Allen, 1967], привёл к тому, что уже к 1990-м гг. данная методология повсеместно использовалась для анализа результатов экономической деятельности — ex-post анализа [McCallum, 1995; Bröcker, Rohweder, 1990]. В литературе отмечается, что гравитационные модели подходят и для анализа отдельных отраслей [Aichele, Felbermayr, Heiland, 2014].

В современных работах наиболее часто встречается гравитационное уравнение, полученное из модели с предпосылкой о функции полезности потребителей с постоянной эластичностью замещения (CES-функции) и включающее в себя показатели многостороннего сопротивления [Anderson, 1979; Anderson, van Wincoop, 2003]:

$$x_{ij} = \frac{y_i * y_j}{y^w} \left(\frac{t_{ij}}{\Pi_i * P_j} \right)^{1-\sigma}, \quad \text{где} \quad \Pi_i = \sum_j \left(\frac{t_{ij}}{P_i} \right)^{1-\sigma} * \frac{y_j}{y^w} \frac{1}{1-\sigma}, \quad (6)$$

где y^w — мировой ВВП, t_{ij} — торговые издержки, Π_i и P_j — показатели многостороннего сопротивления (Π_i — сопротивляемость экспорту из региона i , P_j — сопротивляемость импорту в регион j), σ — эластичность замещения между товарами стран $\sigma > 1$.

Специалисты ЮНКТАД и ВТО выделяют ряд преимуществ использования при анализе методологии гравитационной модели ex-post, среди которых стоит отметить тот факт, что модель позволяет реалистично представить взаимосвязь различных стран, секторов экономики, фирм и таким образом отследить косвенные эффекты, вызванные торговой политикой отдельно взятой страны [Yotov, Piermartini, Monteiro, Larch, 2016, P. 5]. Более того, используя аналогию закона всемирного тяготения Ньютона, модель позволяет интуитивно понять основные принципы международной торговли.

Использование гравитационной модели позволяет количественно измерить эффект от участия в различных торговых соглашениях и организациях. В рамках анализа деятельности АТЭС примером таких работ является измерение вклада АТЭС в увеличение торговых потоков входящих в нее экономик [Lee, Hur, 2009; Armstrong, Drysdale, 2009]. В одной из недавних работ было продемонстрировано, что АТЭС действительно вносит положительный вклад в объём импорта как промышленных, так и непромышленных товаров со стороны членов организации [Hur, Lee, 2017. Pp. 1085–1092]. В то же время стоит учитывать, что исследование сфокусировано на конечных товарах, однако в условиях усиления вертикальной специализации стоит обратить внимание и на потенциальный вклад АТЭС в торговлю промежуточными товарами. Тем не менее на основании этих результатов мы делаем вывод о том, что АТЭС выступает эффективной площадкой для внедрения мер по смягчению торговых барьеров среди членов форума [Ibid. P. 1092].

С помощью гравитационных моделей помимо измерения непосредственного эффекта от участия в различных соглашениях можно понять, приводят ли заключаемые политические соглашения к искажению условий, предписываемых теорией международной торговли, то есть наблюдается ли эффект отклонения торговли⁶ или, наоборот, тут наблюдается эффект создания торговли⁷. Для этого необходимо определить, приводят ли торговые соглашения к уменьшению существующих торговых потоков со странами, не участвовавшими в соглашении. В то же время гравитационная модель позволяет измерить влияние положений по упрощению процедур торговли. В 2016 г. была проведена оценка эффективности региональных торговых соглашений (РТС) — соглашений между двумя и более государствами с целью снижения торговых барьеров, создания зоны свободной торговли, таможенного союза или более глубоких форм интеграционных объединений. Целью работы было определить, ведут ли РТС к отклонению торговли, в частности был проведен анализ для региона действия АТЭС [Park, Park, 2016]. Исследование показало, что, во-первых, РТС внутри АТЭС вносят статистически значимый положительный эффект (эффект создания торговли) в развитие торговли при наличии положений об упрощении торговли [Ibid. P. 463]. Во-вторых, РТС внутри АТЭС не порождают эффект отклонения торговли, то есть не являются дискриминационными по отношению ко всем странам, входящим в РТС [Ibid. P. 463]. Таким образом, мы обращаем внимание на то, что усилия АТЭС по либерализации торговли в регионе имеют должный эффект и в целом могут быть эффективны.

Применение гравитационных моделей помимо прочего позволяет количественно оценить эффект торговых барьеров [Novy, 2013], а также их отдельных элементов [Chen, Novy, 2011]. Аналогичное исследование было проведено для анализа АТЭС [Shepherd, 2016]. В рамках АТЭС были приняты два плана Trade Facilitation Action Plans (TFAP) по снижению торговых барьеров — TFAP1 и TFAP2. Каждый из планов подразумевал пятипроцентное снижение торговых транзакционных издержек в течение 2002–2006 гг. и 2007–2010 гг., соответ-

⁶ В этом случае происходит перераспределение торговых потоков от более эффективных производителей к менее эффективным. Образование зоны свободной торговли с менее эффективным производителем подразумевает снижение (или отмену) тарифов, существующих для других стран. Это преимущество нивелирует неэффективность данного производителя и приводит к перенаправлению торговых потоков.

⁷ Увеличение торговых потоков от более эффективных производителей из-за уменьшения (или отмены) тарифов.

ственно. По окончании срока действия каждого из планов было заявлено, что цели выполнены, несмотря на то что не было представлено ни четкой методологии оценки результатов [Asia-Pacific Economic Cooperation, 2006. P. 2; Asia-Pacific Economic Cooperation, 2012], ни четкого определения торговых трансакционных издержек [Shepherd, 2016. P. 3]. Результаты анализа с помощью гравитационной модели по отдельным странам за 2002–2010 гг. показали, что многие участники АТЭС не смогли перешагнуть заявленные пороги по снижению торговых трансакционных издержек, а в некоторых случаях (например, для Филиппин) издержки даже выросли. Несмотря на то, что в среднем экономики-участники добились снижения торговых трансакционных издержек, в количественном выражении это изменение соответствовало общемировому. Таким образом, участие в АТЭС практически не оказало эффекта на темп изменения торговых трансакционных издержек, а темп их снижения в рамках АТЭС замедлился после принятия политики ТГАР, что дополнительно указывает на их неэффективность и плохую реализацию поставленных задач [Shepherd, 2016. P. 8].

Сравнение и выводы

Применение гравитационной модели позволяет количественно оценить конкретный вклад наднациональной организации в международную торговлю, в то время как использование индексов для ex-post оценки отражает совокупные результаты действий агентов международной торговли. Декомпозиция эффектов от конкретных мер экономической политики при использовании индексов трудозатратна, а во многих случаях практически невозможна. Представленная в финальном отчете о выполнении Богорских целей группа показателей и индексов фокусируется на общих трендах, не отражающих конкретного влияния АТЭС на международную торговлю экономик-участниц. Использование дополнительных индексов, рекомендованных международными агентствами, также не позволяет продемонстрировать эффект от деятельности наднациональной организации. Рост индекса открытости торговли (рис. 2) и индекса проникновения на экспортные рынки (рис. 3) и для экономик АТЭС отражает развитие международных торговых отношений участников АТЭС. Однако такой тренд характерен и для мировой экономики в целом. В то же время применение гравитационной модели позволяет количественно оценить вклад АТЭС по либерализации торговли, а именно — оценить рост импорта среди стран-участниц за период с 1985–2010 гг. [Hur, Lee, 2017], а также увеличение торговых потоков в результате заключения РТС между участниками форума [Park, Park, 2016].

Значения индексов не всегда могут достоверно отражать положение экономики, в этом случае применение гравитационной модели позволяет корректировать выводы. Ниже приводится пример необходимости использования различных методологий для получения достоверных результатов. Политика либерализация международной торговли, проводимая участниками АТЭС, подразумевает также снижение торговых барьеров между странами. С одной стороны, такое изменение можно количественно оценить с помощью индекса торговой свободы. Исходя из формулы (1), чем больше значение индекса торговой свободы, тем меньше торговых барьеров присутствует в экономике страны. Как видно на рис. 1, все участники АТЭС демонстрируют рост значения индекса торговой свободы в период с 2002–2010 гг., что может свидетельствовать об эффективной реализации политики либерализации торговли.

С другой стороны, изменение торговых барьеров можно оценить эконометрически, используя гравитационную модель. В работе [Shepherd, 2016] приводится количественная оценка торговых трансакционных издержек с помощью гравитационной модели для экономик-участников АТЭС за аналогичный период (с 2002–2010 гг.) [Shepherd, 2016. P. 5]. Торговые трансакционные издержки включают в себя факторы, которые увеличивают

разницу между ценами производителей страны-экспортера и потребительскими ценами страны-импортера [Shepherd, 2016. P. 3]. Такое определение позволяет прямо соотнести концепции торговых барьеров и торговых транзакционных издержек. В случае успешной работы АТЭС в области либерализации международной торговли торговые транзакционные издержки экономик-участников должны со временем уменьшаться. Таким образом, изменение индекса торговой свободы в целом должно быть обратно пропорционально измеряемым в статье [Shepherd, 2016] торговым транзакционным издержкам.

Однако, если сравнить официальные расчёты индекса с результатами оценки торговых транзакционных издержек с помощью гравитационной модели [Shepherd, 2016. Pp. 7–10], то можно заметить несоответствие. На рис. 4 отражено изменение индекса торговой свободы (измеряемое в процентных пунктах) и относительное изменение торговых транзакционных издержек (измеряемое в процентах) за период 2002–2010 гг. В случае эффективной либерализации международной торговли изменения этих величин должны быть разнонаправлены — индекс торговой свободы должен расти, а торговые транзакционные издержки падать. Как видно из рис. 4, для 4 стран из 13, описанных в [Shepherd, 2016. P. 9], изменение в индексе сонаправлено изменению торговых транзакционных издержек, что противоречит теоретическим выводам из анализа интерпретации значений индекса и оценки торговых транзакционных издержек.

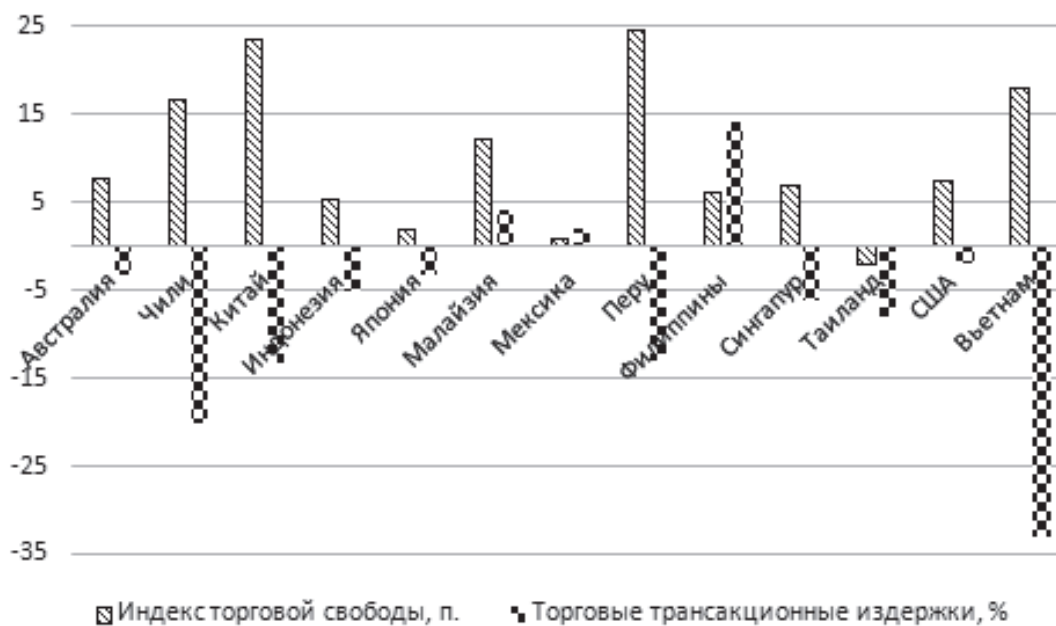

Рис. 4. Изменение торговых издержек в 2002–2010 гг.

Источник: рассчитано на основе данных [Shepherd, 2016] и [Heritage Foundation, 2021b].

Можно предположить, что ежегодная динамика (а не совокупное изменение) индекса торговой свободы для этих стран объяснит различные результаты интерпретации значений индекса и оценки гравитационной модели. Но из рис. 5 следует, что значения индекса торговой свободы для Малайзии, Мексики, Филиппин и Таиланда со временем растут — такая динамика совпадает с общими трендами, описанными выше. Это не позволяет сделать ясных выводов относительно причин расхождения результатов анализа с помощью индексов и гравитационной модели. Более глубокое изучение причин расхождения результатов анализа динамики изменения торговых барьеров с помощью индекса торговой свободы и гравитационной модели остается за рамками данной статьи. Однако этот пример наглядно показывает необходимость использования различных методологий для получения наиболее достоверных результатов.

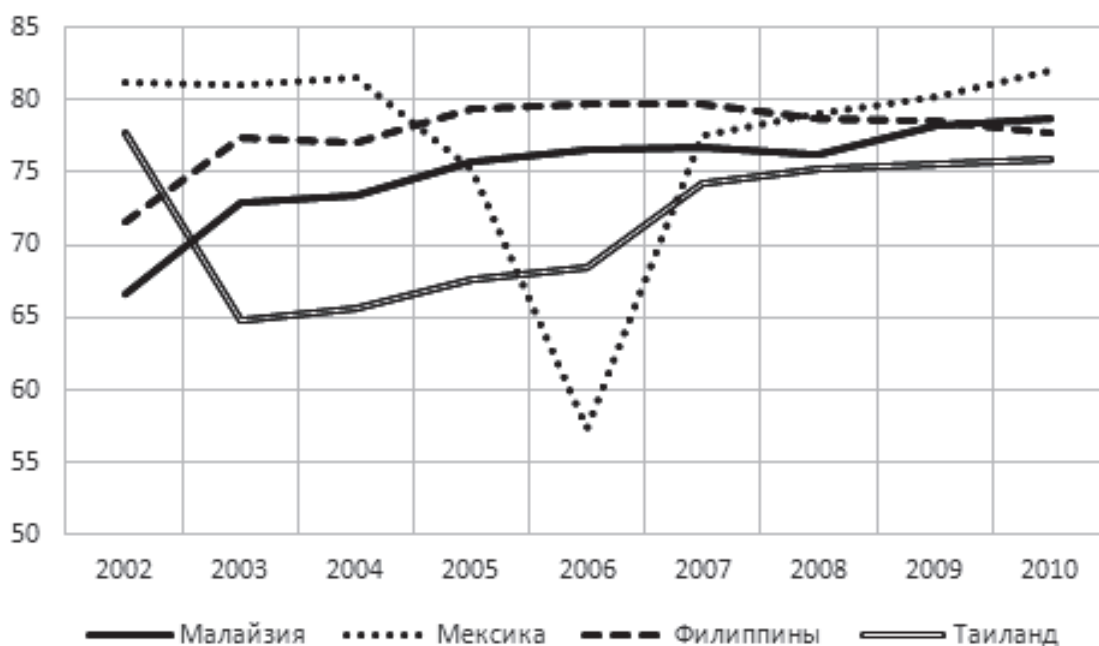

Рис. 5. Динамика индекса торговой свободы, 2002–2010 гг.

Источник: [Heritage Foundation, 2021b]

Таким образом, использование исключительно индексов при ex-post анализе не может в полной мере характеризовать эффективность результатов экономической политики в области международной торговли. Для получения наиболее реалистичной и достоверной оценки вклада наднациональных организаций в ее развитие необходимо использовать также и эконометрическую оценку — применение гравитационной модели может дополнить анализ индексов и выявить прямой эффект от проводимой политики.

К сожалению, применение такого подхода на практике представляется затруднительным. В отличие от эконометрической оценки индексы достаточно просты для восприятия и поэтому чаще используются в качестве аргумента при принятии политических решений. Из-за этого интеграция гравитационной модели и других более продвинутых методов анализа в подготовку экономической политики, особенно в области международной торговли, остаётся маловероятной.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьин О.И., Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 15–27.
- Бирюкова О.В., Бежанишвили А.Д. (2017). Современные методы оценки международной торговли услугами // *Международные процессы*. Т. 15. № 48. С. 126–142.
- Брюне А., Гишар Ж.-П. (2012). Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения. М.: Новый хронограф.
- Веремеев Н. (2016). Торгово-экономическая конкуренция на Тихом океане // *Международные процессы*. Т. 14. №2. С. 95–111.
- Корытова В.С. (2015). Способы анализа конкурентоспособности экспорта // *Торговая политика*. № 2. С. 163–174.
- Ланьшина Т.А., Баринаева В.А., Логинова А.Д., Лавровский Е.П., Понедельник И.В. (2019). Опыт локализации и внедрения целей устойчивого развития в странах — лидерах в данной сфере // *Вестник международных организаций*. Т. 14. № 1. С. 207–224.
- Ненадьшина Т.С. (2019). Оценка мер по упрощению процедур международной торговли // *Международная торговля и торговая политика*. № 1 (17). С. 105–116.
- Портанский А.П. (2017). О перспективах мегарегиональных торговых соглашений // *Мир новой экономики*. № 3. С. 47–53.

- Потапов М.А. (2017). Экономическая интеграция в АТР: поиск моделей // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. №. 11. С. 57–65.
- Шумилов А.В. (2017). Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. Т. 21. №. 2. С. 224–250.
- Aichele R., Felbermayr G. J., Heiland, I. (2014). Going Deep: The Trade and Welfare Effects of TTIP // CESifo Working Paper No. 5150.
- Ali S., Hussain T., Zhang G., Nurunnabi M., Li B. (2018). The implementation of sustainable development goals in “BRICS” countries // *Sustainability*. Vol. 10. No. 7. 2513.
- Allen J.W. (1967). *Illinois Interregional Trade, 1963: Trading Patterns of Manufacturing and Wholesale Industries*. Chicago: University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Anderson J.E. (1979). A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // *American Economic Review* Vol. 69. No. 1. Pp. 106–116.
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2003). Gravity with Gravitas: a Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 1. Pp. 170–192.
- Arkolakis C., Costinot A., Rodriguez-Claire A. (2012). New Trade Models, Same Old Gains? // *American Economic Review*. Vol. 102. No. 1. Pp. 94–130.
- Armstrong S., Drysdale P. (2009). The influence of economics and politics on the structure of world trade and investment flows: Working Paper No. 61 / East Asia Bureau of Economic Research.
- Asia-Pacific Economic Cooperation (1994). APEC Economic Leaders’ Declaration of Common Resolve. http://mddb.apec.org/Documents/1994/AELM/AELM/94_aelm_dec.doc (дата обращения 03.07.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2006). Ha Noi Declaration. http://mddb.apec.org/Documents/2006/AELM/06_aelm_declaration.doc (дата обращения 30.08.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2012). APEC’s achievements in trade facilitation 2007–2010: Final assessment of the second Trade Facilitation Action Plan (TFAP II) / Singapore: APEC Policy Support Unit. <https://www.apec.org/Publications/2012/01/APECS-Achievements-in-Trade-Facilitation-2007-2010---Final-Assessment-of-TFAPII> (дата обращения 30.08.2021)
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2020a). Final Review of APEC’s Progress Towards the Bogor Goals. https://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Achievements-and-Benefits/-/media/APEC/Publications/2020/11/Final-Review-of-APECS-Progress-Towards-the-Bogor-Goals/220_PSU_Bogor-Goals-Final-Assessment_rev2.pdf (дата обращения 03.07.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2020b). APEC Putrajaya Vision 2040. http://mddb.apec.org/Documents/2020/AELM/AELM/20_aelm_dec_1.pdf (дата обращения 03.07.2021).
- Bacchetta M., Beverelli C., Cadot O., Fugazza M., Grether J.-M., Helble M., Nichita A., Piermartini R. (2012). *A practical guide to trade policy analysis*. Geneva, CH: World Trade Organization.
- Baeza Freer J., Griffiths J. (2019). Chile and Asia Pacific: Political Strategy in an Age of Geometrical Variables Alliances. // *América Latina y el Caribe en un mundo en transición: actores extrarregionales y estrategias latinoamericanas*. Pp. 171–198.
- Behar A. (2010). Do Managers and Experts Agree? A Comparison of Alternative Sources of Trade Facilitation Data: Working Papers. No. 503. Economics Series.
- Bergstrand J. H. (1985). The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence // *The review of economics and statistics*. No. 3. Pp. 474–481.
- Bobylev S., Grigoryev L. (2020). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS // *BRICS Journal of Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 4–24.
- Boylan B.M., McBeath J., Wang B. (2021). US–China relations: Nationalism, the trade war, and COVID-19 // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14. No. 1. Pp. 23–40.
- Bröcker J., Rohweder H. C. (1990). Barriers to international trade // *The Annals of Regional Science*. Vol. 24. No. 4. Pp. 289–305.
- Chen N., Novy D. (2011). Gravity, trade integration, and heterogeneity across industries // *Journal of International Economics*. Vol. 85. No. 2. Pp. 206–221.
- Crane G.T. (1998). Economic nationalism: bringing the nation back in // *Millennium*. Vol. 27. No. 1. Pp. 55–75.
- Deardoff A. (1998). Determinants of Bilateral Trade: Does Gravity Work in a Neoclassical World? // *The Regionalization of the World Economy* / Ed. J.A. Frankel. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 7–32.
- Drysdale P. (2009). APEC’s Origins and its Future // *APEC at 20: Recall, Reflect, Remake* / K. Kesavapany, H. Lim (Eds.). Singapore: ISEAS Publishing. Pp. 17–29.
- Eaton B., Kortum S. (2002). Technology, Geography and Trade // *Econometrica*. Vol. 70. No. 5. Pp. 1741–1779.
- Helleiner E., Pickel A. (2005). *Economic nationalism in a globalizing world*. Ithaca, N.-Y.: Cornell University Press.
- Heritage Foundation (2021a). Index of economic freedom. <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения 03.07.2021).
- Heritage Foundation (2021b). Trade Freedom: Tariffs, Imports, Exports, and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/trade-freedom.aspx> (дата обращения 03.07.2021).

- Heritage Foundation* (2021c). Economic Data and Statistics on World Economy and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/explore> (дата обращения 30.08.2021).
- Hua C.I., Porell F.* (1979). A critical review of the development of the gravity model // *International Regional Science Review*. Vol. 4. No. 2. Pp. 97–126.
- Hur J., Lee H.H.* (2017). APEC has indeed created intra-regional trade: A systematic empirical analysis // *The Singapore Economic Review*. Vol. 62. No. 5. Pp. 1077–1095.
- Krugman P.* (1995). Dutch tulips and emerging markets // *Foreign affairs*. Vol. 74. No. 4. Pp. 28–44.
- Lee H.H., Hur J.* (2009). Trade creation in the APEC region: Measurement of the magnitude of and changes in intra-regional trade since APEC's inception. Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit.
- Makin A.J., Chai A.* (2018). Prioritizing Foreign Investment in APEC // *Global Economy Journal*. Vol. 18. No. 3. Pp. 1–30.
- McCallum J.* (1995). National borders matter: Canada-US regional trade patterns // *The American Economic Review*. Vol. 85. No. 3. Pp. 615–623.
- McConnell J.E.* (1969). An analysis of international trade networks: the examples of EFTA and LAFTA. Columbus (Ohio): The Ohio State University.
- McDermott J.* (1999). Mercantilism and modern growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 4. No. 1. Pp. 55–80.
- Novy D.* (2013). Gravity redux: Measuring international trade costs with panel data // *Economic Inquiry*. Vol. 51. No. 1. Pp. 101–121.
- Osakwe C., Ani K.J.* (2014). Asian Pacific economic cooperation: an appraisal // *American International Journal of Contemporary Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. 230–237.
- Park I., Park S.* (2016). Trade facilitation provisions in regional trade agreements: discriminatory or non-discriminatory? // *East Asian Economic Review*. Vol. 20. No. 3. Pp. 447–467.
- Pryke S.* (2012). Economic nationalism: Theory, history and prospects // *Global Policy*. Vol. 3. No. 3. Pp. 281–291.
- Quimba F.M.A., Barral M.A.A.* (2019). The evolution of APEC and its role in the Philippine trade and investment // *PIDS Discussion Paper Series*. No. 2019–07.
- Sachs J., Krull C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F.* (2021). The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shepherd B.* (2016). Did APEC's Trade Facilitation Action Plans deliver the goods? // *Journal of Asian Economics*. Vol. 43. Pp. 1–11.
- Slobodian, Q.* (2018). *Globalists*. Cambridge: Harvard University Press.
- Solis M., Wilson J. D.* (2017). From APEC to mega-regionals: the evolution of the Asia-Pacific trade architecture // *The Pacific Review*. Vol. 30. No. 6. Pp. 923–937.
- Stiglitz J., Schoenfeld L.* (2003). Challenging the Washington consensus // *The Brown Journal of World Affairs*. Vol. 9. No. 2. Pp. 33–40.
- Taplin G.B.* (1967). Models of World Trade // *IMF Staff Papers*. Vol. 14. No. 3. Pp. 433–455.
- Tinbergen J.* (1962). *Shaping the world economy — Suggestions for an international economic policy*. N.-Y.: Twentieth Century Fund.
- World Bank* (2021). DataBank | World Development Indicators | Trade (% of GDP). <https://databank.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS/1ff4a498/Popular-Indicators> (дата обращения 30.08.2021).
- World Integrated Trade Solution* (2021a). Data on Export, Import, Tariff, NTM. <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 19.08.2021)
- World Integrated Trade Solution* (2021b). Index Of Export Market Penetration By Country in 1988–2019 | WITS Data. <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/country/by-country/startyear/LTST/endyear/LTST/indicator/NDX-XPRT-МКТ-PNRTTN> (дата обращения 30.08.2021).
- Yamazawa I.* (1970). Intensity analysis of world trade flow // *Hitotsubashi Journal of Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 61–90.
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.A., Larch M.* (2016). An advanced guide to trade policy analysis: The structural gravity model. Geneva: World Trade Organization.
- Zhang D., Lei L., Ji Q., Kutun A.M.* (2019). Economic policy uncertainty in the US and China and their impact on the global markets // *Economic Modelling*. Vol. 79. Pp. 47–56.

Галеев Антон Владиславович

agaleev@hse.ru

Anton Galeev

Research fellow at Centre for the History and Methodology of Economic Science Department of Theoretical Economics HSE University (Moscow)

agaleev@hse.ru

Жохов Михаил Михайлович

mzhokhov@nes.ru

Mikhail Zhokhov

Research Assistant at Centre for the History and Methodology of Economic Science. HSE University New Economic School (Moscow)

mzhokhov@nes.ru

EX-POST ANALYSIS OF INTERNATIONAL TRADE: COMPARISON OF METHODOLOGICAL APPROACHES

Abstract. The article compares methodological approaches to the ex-post analysis of the economic policy in the development of international trade using the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) as an example. Firstly, we consider the use of indices for the assessment of the organization's performance. The article presents the data of the indices used directly by APEC when summing up the work results, as well as the indices recommended by the WTO, UNCTAD, and the World Bank. Secondly, we consider the methodology of ex-post analysis using econometric models, namely the gravity model. The results of assessing the impact of APEC on the volume of imports, trade transaction costs, and the effectiveness of policies aimed at facilitating trade are presented. Based on the results of a comparative analysis of methodological approaches, we conclude that the exclusive use of indices in ex-post analysis cannot fully characterize the results of economic policy, since it is impossible to single out the effect of specific measures. In particular, the values of the indices do not reflect the contribution of APEC to the development of international trade in the region. It is also necessary to use an econometric estimation to obtain a reliable assessment of economic policy — the application of the gravity model can complement the index analysis and quantify the results of the pursued policy. Thus, the authors recommend the use of econometric estimation in the development of economic policy and the analysis of its results in international trade.

Keywords: *international trade, ex-post analysis, indices, gravity model, Asia-Pacific Economic Cooperation.*

JEL: B41, F13.

REFERENCES

- Aichele R., Felbermayr G.J., Heiland, I. (2014). Going Deep: The Trade and Welfare Effects of TTIP // *CESifo Working Paper*. No. 5150.
- Ali S., Hussain T., Zhang G., Nurunnabi M., Li, B. (2018). The implementation of sustainable development goals in “BRICS” countries // *Sustainability*. Vol. 10. No. 7. 2513.
- Allen J.W. (1967). *Illinois Interregional Trade, 1963: Trading Patterns of Manufacturing and Wholesale Industries*. Chicago: University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Ananyin O.I., Haitkulov R.G., Shestakov D.E. (2010). Vashingtonskij konsensus: pejzazh posle bitv [Washington Consensus: Landscape after Battles] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 12. Pp. 15–27. (In Russ.).
- Anderson J.E. (1979). A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // *American Economic Review*. Vol. 69. No. 1. Pp. 106–116.
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2003). Gravity with Gravitas: a Solution to the Border Puzzle // *American Economic Review*. Vol. 93. No. 1. Pp. 170–192.
- Arkolakis C., Costinot A., Rodriguez-Claire A. (2012). New Trade Models, Same Old Gains? // *American Economic Review*. Vol. 102. No. 1. Pp. 94–130.
- Armstrong S., Drysdale P. (2009). The influence of economics and politics on the structure of world trade and investment flows // *East Asia Bureau of Economic Research Working Paper*. No. 61.
- Asia-Pacific Economic Cooperation (1994). APEC Economic Leaders' Declaration of Common Resolve. http://mddb.apec.org/Documents/1994/AELM/AELM/94_aelm_dec.doc (дата обращения 03.07.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation (2006). Ha Noi Declaration. http://mddb.apec.org/Documents/2006/AELM/06_aelm_declaration.doc (дата обращения 30.08.2021).

- Asia-Pacific Economic Cooperation* (2012). APEC's achievements in trade facilitation 2007–2010: Final assessment of the second Trade Facilitation Action Plan (TFAP II) / Singapore: APEC Policy Support Unit. <https://www.apec.org/Publications/2012/01/APECS-Achievements-in-Trade-Facilitation-2007-2010---Final-Assessment-of-TFAPII> (дата обращения 30.08.2021).
- Asia-Pacific Economic Cooperation* (2020a). Final Review of APEC's Progress Towards the Bogor Goals. https://www.apec.org/About-Us/About-APEC/Achievements-and-Benefits/-/media/APEC/Publications/2020/11/Final-Review-of-APECS-Progress-Towards-the-Bogor-Goals/220_PSU_Bogor-Goals-Final-Assessment_rev2.pdf (дата обращения 03.07.2021)
- Asia-Pacific Economic Cooperation* (2020b). APEC Putrajaya Vision 2040. http://mddb.apec.org/Documents/2020/AELM/AELM/20_aelm_dec_1.pdf (дата обращения 03.07.2021).
- Bacchetta M., Beverelli C., Cadot O., Fugazza M., Grether J.-M., Helble M., Nichita A., Piermartini R. (2012). *A practical guide to trade policy analysis*. Geneva, CH: World Trade Organization.
- Baeza Freer J., Griffiths J. (2019). Chile and Asia Pacific: Political Strategy in an Age of Geometrical Variables Alliances. // *América Latina y el Caribe en un mundo en transición: actores extrarregionales y estrategias latinoamericanas*. Pp. 171–198.
- Behar A. (2010). Do Managers and Experts Agree? A Comparison of Alternative Sources of Trade Facilitation Data // *Economics Series Working Papers*. No. 503.
- Bergstrand J.H. (1985). The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence // *The review of economics and statistics*. No. 3. Pp. 474–481.
- Birjukova O.V., Bezhanishvili A.D. (2017). Sovremennye metody ocenki mezhdunarodnoj trgovli uslugami [Modern methods of assessing international trade in services] // *Mezhdunarodnyye processy*. Vol. 15. No. 48. Pp. 126–142. (In Russ.).
- Bobylev S., Grigoryev L. (2020). In search of the contours of the post-COVID Sustainable Development Goals: The case of BRICS // *BRICS Journal of Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 4–24.
- Boylan B.M., McBeath J., Wang B. (2021). US–China relations: Nationalism, the trade war, and COVID-19 // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14. No. 1. Pp. 23–40.
- Bröcker J., Rohweder H. C. (1990). Barriers to international trade // *The Annals of Regional Science*. Vol. 24. No. 4. Pp. 289–305.
- Brjune A., Gishar Zh.–P. (2012). *Geopolitika merkantilizma: novyy vzgljad na mirovuju jekonomiku i mezhdunarodnyye otnosheniya* [The geopolitics of mercantilism: a new view of the world economy and international relations]. M.: Novyj hronograf. (In Russ.)
- Chen N., Novy D. (2011). Gravity, trade integration, and heterogeneity across industries // *Journal of International Economics*. Vol. 85. No. 2. Pp. 206–221.
- Crane G.T. (1998). Economic nationalism: bringing the nation back in // *Millennium*. Vol. 27. No. 1. Pp. 55–75.
- Deardoff A. (1998). Determinants of Bilateral Trade: Does Gravity Work in a Neoclassical World? // *The Regionalization of the World Economy* / Ed. J. A. Frankel. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 7–32.
- Drysdale P. (2009). APEC's Origins and its Future // *APEC at 20: Recall, Reflect, Remake* / K. Kesavapany, H. Lim (Eds.). Singapore: ISEAS Publishing. Pp. 17–29.
- Eaton B., Kortum S. (2002). Technology, Geography and Trade // *Econometrica*. Vol. 70. No. 5. Pp. 1741–1779.
- Helleiner E., Pickel A. (2005). *Economic nationalism in a globalizing world*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.
- Heritage Foundation (2021a). Index of economic freedom. <https://www.heritage.org/index/about> (дата обращения 03.07.2021).
- Heritage Foundation (2021b). Trade Freedom: Tariffs, Imports, Exports, and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/trade-freedom.aspx> (дата обращения 03.07.2021).
- Heritage Foundation (2021c). Economic Data and Statistics on World Economy and Economic Freedom. <https://www.heritage.org/index/explore> (дата обращения 30.08.2021).
- Hua C.I., Porell F. (1979). A critical review of the development of the gravity model // *International Regional Science Review*. Vol. 4. No. 2. Pp. 97–126.
- Hur J., Lee H. H. (2017). APEC has indeed created intra-regional trade: A systematic empirical analysis // *The Singapore Economic Review*. Vol. 62. No. 5. Pp. 1077–1095.
- Krugman P. (1995). Dutch tulips and emerging markets // *Foreign affairs*. Vol. 74. No. 4. Pp. 28–44.
- Korytova V.S. (2015). Sposoby analiza konkurentosposobnosti jeksporta [Ways to analyze export competitiveness] // *Torgovaja politika*. No. 2. Pp. 163–174. (In Russ.).
- Lan'shina T.A., Barinova V.A., Loginova A.D., Lavrovskij E.P., Ponedel'nik I.V. (2019). Opyt lokalizacii i vnedrenija Celej ustojchivogo razvitija v stranah — liderah v dannoj sfere [The experience of localization and implementation of the Sustainable Development Goals in the leading countries in this area] // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*. Vol. 14. No. 1. Pp. 207–224. (In Russ.)
- Lee H.H., Hur J. (2009). Trade creation in the APEC region: Measurement of the magnitude of and changes in intra-regional trade since APEC's inception // *Asia-Pacific Economic Cooperation Policy Support Unit*.
- Makin A.J., Chai A. (2018). Prioritizing Foreign Investment in APEC // *Global Economy Journal*. Vol. 18. No. 3. Pp. 1–30.

- McCallum J. (1995). National borders matter: Canada-US regional trade patterns // *The American Economic Review*. Vol. 85. No. 3. Pp. 615–623.
- McConnell J.E. (1969). *An analysis of international trade networks: the examples of EFTA and LAFTA*. Columbus (Ohio): The Ohio State University.
- McDermott J. (1999). Mercantilism and modern growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 4. No. 1. Pp. 55–80.
- Nenadyshina T.S. (2019). Ocenka mer po uproshteniju procedur mezhdunarodnoj trgovli [Evaluation of international trade facilitation measures] // *Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovaja politika*. No. 1 (17). Pp. 105–116. (In Russ.).
- Novy D. (2013). Gravity redux: Measuring international trade costs with panel data // *Economic Inquiry*. Vol. 51. No. 1. Pp. 101–121.
- Osakwe C., Ani K.J. (2014). Asian Pacific economic cooperation: an appraisal // *American International Journal of Contemporary Research*. Vol. 4. No. 1. Pp. 230–237.
- Park I., Park S. (2016). Trade facilitation provisions in regional trade agreements: discriminatory or non-discriminatory? // *East Asian Economic Review*. Vol. 20. No. 3. Pp. 447–467.
- Portanskij A.P. (2017). O perspektivah megaregional'nyh torgovyh soglashenij [On the prospects of mega-regional trade agreements] // *Mir novoj ekonomiki*. No. 3. Pp. 47–53. (In Russ.).
- Potapov M.A. (2017). Jekonomicheskaja integracija v ATR: poisk modelej [Economic integration in the Asia-Pacific region: search for models] // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. Vol. 61. No. 11. Pp. 57–65. (In Russ.).
- Pryke S. (2012). Economic nationalism: Theory, history and prospects // *Global Policy*. Vol. 3. No. 3. Pp. 281–291.
- Quimba F.M.A., Barral M.A.A. (2019). The evolution of APEC and its role in the Philippine trade and investment // *PIDS Discussion Paper Series*. No. 2019–07.
- Sachs J., Kröll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. (2021). *The Decade of Action for the Sustainable Development Goals: Sustainable Development Report 2021*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shepherd B. (2016). Did APEC's Trade Facilitation Action Plans deliver the goods? // *Journal of Asian Economics*. Vol. 43. Pp. 1–11.
- Shumilov A.V. (2017). Ocenivanie gravitacionnyh modelej mezhdunarodnoj trgovli: obzor osnovnyh podhodov [Evaluation of gravitational models of international trade: an overview of the main approaches] // *Ekonomicheskij zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki*. Vol. 21. No. 2. Pp. 224–250. (In Russ.).
- Slobodian, Q. (2018). *Globalists*. Cambridge: Harvard University Press.
- Solis M., Wilson J.D. (2017). From APEC to mega-regionals: the evolution of the Asia-Pacific trade architecture // *The Pacific Review*. Vol. 30. No. 6. Pp. 923–937.
- Stiglitz J., Schoenfelder L. (2003). Challenging the Washington consensus // *The Brown Journal of World Affairs*. Vol. 9. No. 2. Pp. 33–40.
- Taplin G.B. (1967). Models of World Trade // *IMF Staff Papers*. Vol. 14. No. 3. Pp. 433–455.
- Tinbergen J. (1962). *Shaping the world economy — Suggestions for an international economic policy*. N.Y.: Twentieth Century Fund.
- World Bank (2021). DataBank | World Development Indicators | Trade (% of GDP). <https://databank.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS/1ff4a498/Popular-Indicators> (дата обращения 30.08.2021)
- World Integrated Trade Solution (2021a). Data on Export, Import, Tariff, NTM. <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 19.08.2021)
- World Integrated Trade Solution (2021b). Index Of Export Market Penetration By Country in 1988–2019 | WITS Data. <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/country/by-country/startyear/LTST/endyear/LTST/indicator/NDX-XPRT-MKT-PNRTTN> (дата обращения 30.08.2021)
- Yamazawa I. (1970). Intensity analysis of world trade flow // *Hitotsubashi Journal of Economics*. Vol. 10. No. 2. Pp. 61–90.
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.A., Larch M. (2016). *An advanced guide to trade policy analysis: The structural gravity model*. Geneva: World Trade Organization.
- Zhang D., Lei L., Ji Q., Kutan A.M. (2019). Economic policy uncertainty in the US and China and their impact on the global markets // *Economic Modelling*. Vol. 79. Pp. 47–56.

А.М. Либман

д.э.н., PhD (Economics), профессор, Берлинский Свободный университет (Берлин)

ВОЗМОЖНЫ ЛИ ОТКРЫТИЯ В ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУКАХ?

Аннотация. История естественных наук содержит множество примеров непреднамеренных открытий — выводов, противоречащих господствующей на тот момент теории или полученных случайно; а также «открытий на кончике пера» — нетривиальных (и иногда противоречащих здравому смыслу) выводов теоретиков, впоследствии нашедших экспериментальное подтверждение. В настоящей статье рассматривается возможность подобных открытий в общественных науках на примере количественных исследований. Показывается существование своего рода «замкнутого круга»: количественные исследования в принципе способны стать источником непреднамеренных открытий, однако многие полученные результаты являются сомнительными. Теория позволяет отсеивать подобные результаты, однако активное использование «теоретического фильтра» ведет к другой проблеме — научное сообщество вместо тестирования теорий начинает заниматься интерпретацией фактов в соответствии с выводами теорий.

Ключевые слова: *непредвиденные открытия, открытия на кончике пера, количественные методы, революция достоверности, проверка устойчивости.*

JEL: B40, C51, C93.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_24_40.

Введение

Одним из центральных элементов представлений о сущности науки является идея «научного открытия» — выявления принципиально новых фактов и закономерностей функционирования предмета изучения той или иной научной дисциплины. При этом и в массовом восприятии, и во внутренней мифологии науки огромную роль играют принципиально новые, «революционные» открытия и прорывы. Можно говорить о двух типичных историях такого «научного прорыва». Во-первых, речь идет о *непреднамеренном* открытии, когда исследователи в своей работе (возможно, случайно) сталкиваются с чем-то неожиданным, заранее непредсказуемым явлением природы или феноменом. Примером можно считать открытие А. Флемингом пенициллина или А. Беккерелем радиоактивности¹. Во-вторых, история науки содержит множество примеров противоположной динамики — «открытий на кончике пера», когда теоретическое предсказание получает (порой десятилетия спустя) подтверждение в исследованиях реального мира. «На кончике пера» были открыты, например, планета Нептун (в отношении которой Д. Араго, собственно говоря, и использовал эту формулировку) или бозон Хиггса. Но еще более впечатляющим примером являются открытие антиматерии или выводы теории относительности или

¹ Можно спорить, в какой степени такие открытия возможны в современной науке [Foletti, Fais, 2019].

квантовой механики — в этом случае чисто формальная теория позволила сформулировать утверждения, в каком-то смысле противоречащие здравому смыслу, основанному на повседневном опыте, и, несмотря на это, в итоге подтвержденные экспериментами.

Историю общественных наук гораздо сложнее представить как историю открытий, подобных естественно-научным [Соколов, 2015] (хотя в дисциплинах, в меньшей степени склонных к внутренней рефлексии, таких как экономическая наука, — эти нарративы безусловно присутствуют). Речь идет не об отсутствии в общественных науках «революций» и новых «поворотов» — наоборот, такие явления происходят с завидным постоянством. Однако найти примеры революций, возникающих именно под воздействием новых фактов, ведущих к пересмотру существующих ранее аргументов и теорий, в общественных науках достаточно сложно. Революции чаще возникают под воздействием внутренней логики дисциплины (например, пересмотра самого понятия «научности», заимствований из других наук, интроспекции — обращения к собственному опыту исследователя или изменений норм и ценностей общества). Порой факты заставляют учёных пересмотреть свои подходы², но это происходит далеко не во всех областях общественных наук (и к тому же часто речь идет не об открытии новых фактов, а об изменениях общественной реальности [Кошовец, 2019]). Например, расцвет экспериментальной и поведенческой экономики связан не столько с тем, что исследователям удалось выявить «ошибочность» моделей рационального выбора, сколько с желанием расширить инструментарий исследований — то, что рациональный выбор представляет собой очень серьёзное упрощение человеческого поведения, было ясно с самого начала.

Конечно, в какой-то степени описанная ситуация связана с самой природой социальной реальности — сложностью человеческого поведения (которое часто не вписывается в рамки тех или иных теорий) и изменчивостью общественных институтов и практик. Однако, несмотря на это, все равно встает вопрос о *принципиальной* способности общественных наук «производить» непреднамеренные открытия и нетривиальные «открытия на кончике пера». Настоящая статья посвящена обсуждению проблем, с которыми в этой связи сталкиваются общественные науки. Конкретно, в центре внимания находятся количественные исследования в общественных науках — выявление закономерностей общественного развития с помощью статистических методов на основе достаточно больших наборов данных. Количественные исследования, как известно, доминируют в экономике³, однако и в политологии и социологии они играют важную роль.

В основе статьи лежит важное допущение, которое необходимо сформулировать с самого начала, — представление об общественных науках как об *эмпирических*, в которых важнейшим критерием истины является соответствие научных утверждений наблюдаемой реальности, и в то же время *основанных на теории*. Это представление о сути общественных наук разделяется далеко не всеми исследователями. Антропология, например, скептически относится к попыткам «теоретизирования» и «генерализации», сосредоточившись на сборе эмпирического материала (исторически подобный подход существовал и в экономике, например в немецкой исторической школе). За пределами общественных наук история также представляет собой дисциплину, в которой вполне возможны «непреднамеренные открытия» (скажем, новые архивные документы), но которая отказывается от чрезмерного увлечения абстрактной теорией. Существуют и направления общественных наук, скептически относящиеся к эмпирике и предпочитающие ей уже упомянутую интроспекцию или чисто логическую проверку теоретических утверждений. Тем не менее я начинаю анализ с признания необходимости как теории, так и эмпирических исследований.

² Так, историю макроэкономики XX в. в какой-то степени можно считать ответом на вызовы новых кризисов.

³ Это отчасти связано с тем, что квантификация основных экономических величин (например, цен) более «естественна» и «самоочевидна», чем основных величин других общественных дисциплин [Schumpeter, 1933].

«Непреднамеренные открытия» в количественных исследованиях

Начнём наше обсуждение с феномена «непреднамеренных открытий». В принципе никаких проблем здесь в количественных исследованиях, казалось бы, возникнуть не должно. Подобно тому, как физик может в процессе эксперимента столкнуться с принципиально новым эффектом, экономист или социолог может в процессе анализа данных обнаружить корреляцию, которую существующая теория игнорировала, или установить, что связь переменных оказывается прямо противоположной той, которую предсказывала теория. Собственно говоря, в этом и заключается кажущееся преимущество количественных методов с их (по сравнению с качественными исследованиями) однозначными выводами — статистически значимая связь переменных, скажем, в регрессионном или корреляционном анализе является недвусмысленным свидетельством существования эмпирического факта — возможно, противоречащего существующей теории. Немало исследователей на практике занимаются именно подобным «поиском корреляций» в эмпирических данных.

Однако, несмотря на распространённость этой практики (так называемого «data mining»), в общественных науках она воспринимается крайне негативно [Spanos, 2000]. Для этого есть причины. Количественные исследования в общественных науках уже давно сталкиваются с рядом серьёзных проблем, в какой-то степени противоречащих главному аргументу в их пользу — независимости результатов от личности исследователя, его предпочтений и убеждений. В принципе использование количественной методологии позволяет любому исследователю, работающему с теми же самыми данными, получить одни и те же выводы. Однако это представление не подтверждается практикой. Проведённые эксперименты (когда несколько команд учёных независимо друг от друга изучали одну и ту же тему с использованием одних и тех же наборов данных) показывают, что их выводы порой принципиально отличаются друг от друга [Young, 2009; Silberzahn, Uhlmann, Martin, Anselmi, Aust, Awtrey et al., 2018] (см. также дискуссию в [Auspurg, Brüderl, 2021]⁴). Это связано с несколькими факторами, один из которых особенно важен для интересующей нас темы — речь идет о так называемом «p-hacking». Для того, чтобы повысить шансы на публикацию, исследователи «подгоняют» свои методы (скажем, набор контрольных переменных в регрессии) таким образом, чтобы получить статистически значимые результаты, т.е. «обнаружить эффект», который и может стать предметом статьи. Исследования подтверждают значимость проблемы для большого числа дисциплин [McCloskey, 1985; De Long, Lang, 1992; Ioannidis, 2005; Fanelli, 2010; Fanelli, 2012; Lenz, Sahn, 2021].

В результате вполне возможным становится следующий сценарий — исследователь случайно «сталкивается» с любопытной корреляцией, а затем выбирает дальнейшие шаги своего исследования так, чтобы «подтвердить» полученный вывод. Последнее, кстати, не всегда является следствием злонамеренной воли, сознательно «искажающей» результаты — целый ряд интуитивно кажущихся верными исследовательских практик с неизбежностью приведет к тем же самым результатам [Gelman, Loken, 2014; Loken, Gelman, 2017]; к тому же учёному психологически сложно отказаться от интересного и многообещающего вывода. Проблема усиливается вследствие существования так называемого «publication bias» — журналы не склонны публиковать статьи, в которых сформулированные авторами гипотезы не были подтверждены, т.е. статистически значимый эффект обнаружить не удалось. «Publication bias» также наблюдается во многих отраслях общественных наук [Rosenthal, 1979; Gerber, Malhotra, 2008; Franco, Malhotra, Simonovits, 2014; Auspurg, Hinz, Schneck, 2014; Berning, Weiß, 2016; Andrews, Kasy, 2019]. В результате вполне возможна следующая дина-

⁴ Любопытно, что впервые об этой проблеме количественных исследований практически при возникновении эконометрики говорил Дж. М. Кейнс [Keynes, 1940].

мика: учёные в поисках «интересных» наблюдений обнаруживают те или иные корреляции переменных в эмпирических данных; эти корреляции становятся предметом научных статей (причем в статьях приводятся только элементы анализа, подтверждающие существование корреляции); а многочисленные исследования, в которых обнаружить эффект не удалось, так и не доходят до публикации (а иногда и не покидают письменного стола исследователя). В результате при чтении научных статей создается искажённое впечатление о состоянии эмпирических исследований в той или иной области в целом.

Пример — литература, посвященная влиянию исторических факторов на современное политическое, социальное и экономическое развитие (*historical legacies*). В последние десятилетия в экономических и политологических журналах были опубликованы многочисленные статьи, показывающие невероятно высокий уровень устойчивости социально-экономических явлений во времени. Наследие европейских континентальных империй, распавшихся после Первой мировой войны, колониальных империй (и доколониальных государств), средневековых городов и гильдий, распространения крепостного права или даже неолитических земледельческих практик оказывают влияние на современные общество и политику. Вопрос состоит, однако же, в том, сколько исследований существует, в которых такую устойчивость выявить не удалось, но про которые нам ничего не известно, поскольку они никогда не были опубликованы [Libman, 2018]?

При этом устойчивый тренд последних десятилетий — постоянно растущая доступность данных для исследователей. Государственные органы, крупные исследовательские проекты, международные организации, частные компании и НКО постоянно производят всё увеличивающийся объем данных, в которых учёные могут искать (и находить) корреляции, на самом деле являющиеся лишь артефактом статистического исследования [Smith, Cordes, 2020]. Прекрасным примером является то обстоятельство, что эмпирические исследования порой действительно обнаруживают корреляцию между человеческим поведением (скажем, преступностью) и знаком Зодиака, под которым родился человек, — речь идет, конечно, о статистической иллюзии [von Eye, Losel, Mayzer, 2003]. Склонность научного сообщества «вознаграждать» исследователей за публикацию новых и оригинальных результатов с неизбежностью ведет к накоплению таких статистических иллюзий [Grunow, Schneider, Wagner, Wagner, 2018]. Проблема усиливается по мере введения в научный оборот по-настоящему гигантских наборов данных — так называемых *big data*, — открывающих особенно большие возможности для поиска значимых корреляций. Исследования показывают, что в достаточно больших базах данных учёные с неизбежностью обнаружат корреляции переменных, даже если все эти переменные были сгенерированы случайным образом [Caluda, Long, 2017].

Иначе говоря, разрешив *data mining*, общественные науки выдали бы индульгенцию на введение в научный оборот огромного числа новых «фактов», являющихся на самом деле результатом использования сомнительных методов. Центральный элемент, используемой в большинстве общественных наук количественной методологии — тесты значимости (*significance tests*), — почти неизбежно гарантирует какую-то долю «ложно-положительных» результатов, когда учёный фиксирует взаимосвязь переменных, которой на самом деле не существует. В сочетании с *p-hacking* такие результаты вполне могут получить признание в дисциплине. Соответственно, чтобы этого избежать, практика *data mining* должна быть так или иначе ограничена. Примером того, что происходит в отсутствие этих ограничений, является так называемый кризис достоверности (*credibility crisis*) в психологии — многие необычные и оригинальные утверждения, основанные на психологических экспериментах и опубликованные в научных журналах, никому, кроме авторов статей, воспроизвести не удастся [Shrout, Rodgers, 2018]. На сегодняшний день в целом ряде областей психологии читателю научной статьи следует помнить, что ее результаты с вероятностью более 50% невозпроизводимы [Open Science Collaboration, 2015].

Общественные науки предлагают два варианта «корректировки» процесса накопления эмпирических результатов количественных методов: а) фокус на причинно-следственных связях; б) проверку устойчивости результатов (robustness) или их чувствительности к допущениям модели (sensitivity). В дальнейшем мы обсудим каждый из этих подходов⁵.

«Революция достоверности»

Внимание к причинно-следственным связям находится в центре так называемой «революции достоверности» (credibility revolution), произошедшей в экономике в начале 2000-х гг. и постепенно распространившейся на другие общественные науки [Angrist, Pischke, 2010; Samii, 2016; Baldassarri, Abascal, 2017]. «Революция достоверности» вводит дополнительные требования к эмпирическому анализу: от него требуется не только продемонстрировать существование корреляции переменных, но и показать, что изменения одной из переменных — причина изменений значений другой переменной. «Причинность» при этом понимается в категориях *контрфактического анализа*: если при прочих равных (ceteris paribus) изменение значений одной из переменных сопровождается изменением значений другой переменной, то эта первая переменная является причиной второй. В реальности допущение ceteris paribus практически никогда не соблюдается: всегда существуют некоторые ненаблюдаемые переменные, влияющие и на потенциальную причину, и на потенциальное следствие [Gelman, 2011]⁶. «Революция достоверности» требует от исследователя использовать только такие методы, в которых влияние этих ненаблюдаемых переменных можно устранить (или оно незначительно). Идеалом для учёного становится эксперимент [Dunning, 2012]. От него ожидается или обеспечение *случайного* распределения значений интересующей переменной-причины в выборке («настоящий» эксперимент, или randomized controlled trial, RCT), или, как минимум, нахождение такого эмпирического кейса, в котором распределение значений переменной причины оказалось бы практически случайным (или вызванным внешними факторами, никак не связанными с исследуемым явлением), — так называемый «естественный эксперимент» [Leatherdale, 2019]. В отсутствие полноценных экспериментов, исследователь должен исключить влияние ненаблюдаемых переменных статистическими методами — или с использованием метода инструментальных переменных (который на практике часто сочетается с экспериментами) [Angrist, Krueger, 2001; Sovey, Green, 2011], или, как минимум, за счёт адекватного подбора контрольных переменных в регрессии, в той степени, в которой это позволяют данные [Morgan, Winship, 2015].

Требования «революции достоверности» в теории позволяют исследователю избежать ловушки «случайных корреляций». Научный интерес представляют исключительно результаты, соответствующие строгим критериям эксперимента. Увы, и здесь ситуация не столь благополучна. Во-первых, эксперименты все же открывают определенные возможности для манипуляции и отбора наиболее привлекательных результатов: яркий пример тут — уже упомянутая психология. Неслучайно всё большее распространение получает требование «перерегистрации экспериментов». От учёного ожидается, что он заранее, еще до проведения эксперимента, публично объявит его дизайн и основные гипотезы; тогда

⁵ Исторически существовала еще одна альтернатива — отбор «оптимальных» моделей на основе формальных статистических критериев [Du Plessis, 2006]. Однако на сегодняшний день в общественных науках роль этих подходов является маргинальной — в отличие, кстати, от статистики, в которой существуют и совершенствуются методы поиска оптимальных моделей.

⁶ Существуют сомнения, соответствует ли в принципе концепция контрафактической причинности сложной природе социальных явлений, где все переменные одновременно влияют друг на друга [Karafilidis, 2013].

опубликовать случайно найденную корреляцию, скрыв часть «неудачных» результатов, будет гораздо сложнее. Статьи, использующие инструментальные переменные, очень часто страдают от проблемы *p-hacking* [Brodeur, Cook, Heyes, 2020]. Более того, активное использование методов причинно-следственного анализа в большом числе независимых друг от друга проектов может привести к тому, что эксперименты начнут влиять друг на друга⁷, а выводы статей, использующих инструментальные переменные, станут противоречить допущениям, необходимым для применения этого метода в других статьях [Gallen, Raymond, 2021; Mellon, 2021].

Во-вторых, набор тем, которые могут быть исследованы с использованием методов «революции достоверности», ограничен. Во многих ситуациях «настоящий» эксперимент (RCT) провести невозможно, а «естественные эксперименты» или хорошие инструментальные переменные отсутствуют. В результате учёные вместо поиска интересных тем для анализа сосредотачивают свое внимание на поиске возможностей для проведения эксперимента (или уже существующих естественных экспериментов). Обычно речь идет о достаточно специфических ситуациях, на основе которых крайне сложно сформулировать обобщённые выводы [Rodrik, 2008]⁸. К тому же допущения, на которых основаны эксперименты, также нередко подвергаются критике — речь идет как о принципе экспериментов в целом, так и о его воплощении в конкретных исследованиях общественных наук [Rosenzweig, Wolpin, 2000; Sims, 2010; Sekhon, Titiunik, 2012; Deaton, Cartwright, 2018; Krauss, 2018; Ravallion, 2020] (см. также [Лубман, 2018]). Возникает такое же «лоскутное одеяло» различных, порой не связанных между собой, результатов, как и в науке до «революции достоверности». Просто место многочисленных корреляций, выявленных с помощью *data mining*, занимают многочисленные эксперименты, выводы которых вполне могут противоречить друг другу и в конечном счёте не позволяют сформулировать общую картину изучаемого явления [Капелюшников, 2018].

Проверка устойчивости

Альтернатива ориентации на поиск причинно-следственных взаимосвязей в общественных науках хорошо известна и появилась задолго до «революции достоверности» [Leamer, 2010]: речь идет о тестах устойчивости результатов, выявляющих, как зависят оценки моделей от их параметров. Вычислительные мощности, доступные сегодня практически любому исследователю, с легкостью позволяют оценить тысячи и даже миллионы альтернативных моделей и таким образом выявить, насколько стабильными являются результаты [Sala-i-Martin, 1997; Athey, Imbens, 2017; Young, Holsteen, 2017; Munoz, Young, 2018; Simonsohn, Simmons, Nelson, 2019]. Такой подход также позволяет исключить множество случайным образом найденных корреляций — для науки важны лишь те корреляции, которые остаются стабильными после многочисленных модификаций модели. Проверка

⁷ Например, в социологии для изучения дискриминации активно используются так называемые «correspondence studies». В этом случае социологи создают базу фиктивных резюме, различающихся только одной характеристикой (фамилией соискателя, выдающей его принадлежность к этническому большинству, или полом соискателя) и рассылают их компаниям в ответ на объявления о найме персонала или владельцам жилья в ответ на объявления о сдаче в аренду квартир. Если работодатели реже приглашают на собеседование женщин, чем мужчин (несмотря на идентичность всех остальных характеристик резюме), это можно считать свидетельством дискриминации. Проблема состоит в том, что если множество социологов независимо друг от друга проводит такие исследования, а их результаты обсуждаются в СМИ, раньше или позже работодатели начнут приспосабливаться к этому, исходя из возможности получения ими резюме, направленного в рамках эксперимента, что сделает исследование бессмысленным.

⁸ В этом отношении эксперименты сливаются со своей, казалось бы, полной противоположностью — сугубо качественными методами антропологии [Shadish, 1995].

устойчивости (robustness check) в том или ином виде является сегодня обязательным элементом практически всех эмпирических работ; все большее распространение получают и формальные методы, позволяющие учесть все без исключения аспекты чувствительности результатов к допущениям модели.

Тем не менее и этот подход имеет ряд недостатков. Во-первых, единого стандарта проверки устойчивости в общественных науках (и даже в отдельных дисциплинах) не существует, а это означает, что исследователи могут «отбирать» инструменты проверки устойчивости по своему усмотрению, что, в свою очередь, открывает многочисленные возможности для *p-hacking*. Во-вторых, во многих случаях проверка устойчивости сводится к оценке многочисленных моделей, каждая из которых обладает тем или иным недостатком (а порой не соответствует базовым допущениям для используемого метода оценки). Непонятно, почему мы должны доверять множеству по существу неверных моделей, вместо того чтобы использовать «лучшую из возможных» моделей (как предполагает «революция достоверности», которая исходит из существования своего рода «золотого стандарта» исследований). Наконец, в-третьих, не совсем понятно, какие модели следует считать «неустойчивыми». Например, допустим, что результаты исследования воспроизводимы лишь с определённым набором контрольных переменных. Однако, возможно, именно этот набор контрольных переменных и следует включать в анализ для корректной оценки регрессий — а многочисленные регрессии, в которых результат воспроизвести не удалось, страдают от проблемы влияния ненаблюдаемых переменных. Как следует поступать в этом случае?

Идея проверки устойчивости связана с активно обсуждающейся сегодня темой — *репликацией* научных результатов [King, 1995; Hamermesh, 2007; Freese, Peterson, 2017; Duvendak, Palmer-Jones, Reed, 2017]⁹. В естественных науках многие «случайные открытия» (как и открытия в целом) также оказываются неверными или основанными на результатах сомнительных экспериментов. Однако против таких результатов работают социальные практики науки — полученные результаты подвергаются проверке другими учёными, раньше или позже выявляющими допущенные ошибки (невоспроизводимость результатов). Конечно, этот механизм отбора работает далеко не всегда, однако он хотя бы отчасти решает проблему сомнительных выводов отдельных статей. Иначе говоря, существует своего рода внутренний механизм корректировки науки, а, следовательно, публикация неверных результатов не является проблемой (раньше или позже они будут опровергнуты другими исследователями). Сама по себе репликация, кстати сказать, также может вести к «непреднамеренным открытиям».

В общественных науках до недавнего времени репликация результатов других исследований была скорее исключением, чем правилом. Сегодня ситуация несколько улучшилась, но все равно число учёных, пытающихся воспроизвести результаты уже существующих работ, остается крайне ограниченным. Это связано с существующей системой стимулов для исследователей — экономические, социологические или политологические журналы неохотно публикуют статьи-репликации (что в принципе можно понять: для редакторов интереснее опубликовать статьи, содержащие принципиально новые выводы, которые будут более активно цитироваться). Однако в какой-то степени недостаточное внимание к репликации связано с самой сущностью социальной реальности. Многие эффекты, полученные для той или иной выборки (скажем, в конкретной стране или социальной группе или для определенного периода времени), не воспроизводятся для других выбо-

⁹ Термин «репликация» обычно используется в двух значениях — проверка опубликованных результатов с использованием тех же методов и данных, что и в исходном исследовании, и «научная репликация» — проверка чувствительности результатов к изменениям в методологии и воспроизводство результатов для других выборок (стран, регионов, фирм и т.д.), чем использовавшиеся в первоначальном исследовании. Нас интересует именно вторая форма репликации, хотя на практике уже первая форма свидетельствует о существовании серьёзных проблем в общественных науках.

рок не потому, что исходные результаты были неверными, а потому, что условия в других выборках принципиально отличаются в силу другого социального контекста. В этом случае репликация ничего не говорит о качестве исходного исследования, а лишь показывает, что его выводы можно использовать лишь в конкретном социальном контексте.

Итак, и проверка устойчивости, и «революция достоверности» не позволяют полностью решить проблемы, возникающие при использовании data mining. Неизбежностью становится применение своего рода «фильтра теории» при интерпретации эмпирических данных. Иначе говоря, от учёного следует требовать не только проработанного дизайна эмпирического исследования (позволяющего исключить влияние ненаблюдаемых переменных и проверить устойчивость результатов к допущениям модели), но и демонстрации соответствия работы существующим теоретическим аргументам. Собственно говоря, именно этот подход и считается сегодня оптимальным в общественных науках — любое количественное исследование должно начинаться с детального обсуждения лежащей в его основе теории, на основе которой формулируются гипотезы¹⁰. Как минимум, можно считать результаты, явно противоречащие господствующей теории, «менее достоверными», чем результаты, эту теорию подтверждающие (идея различной степени достоверности результатов в зависимости от исходных ожиданий исследователя лежит в основе байесовской эконометрики, см., например, [Олейник, 2021]). Такой подход обладает многочисленными преимуществами, однако делает «непреднамеренные открытия» весьма маловероятными.

«Открытия на кончике пера» в количественных исследованиях

Возможны ли в общественных науках «открытия на кончике пера», связанные с использованием количественных методов? В центре внимания последующего обсуждения будут находиться именно *нетривиальные* следствия, возможно, противоречащие здравому смыслу, которые могут быть «выведены» из формальных моделей или аргументов теории и потенциально получить подтверждение в эмпирических исследованиях. Опять же, ситуация в общественных науках отличается от ситуации в науках естественных.

Во-первых, многие теоретические модели общественных наук *в принципе* не предназначены для тестирования — скорее, они представляют собой упрощенные описания общественных процессов, облегчающие их понимание. А. Рубинштейн сравнивает теоретико-игровые модели с «баснями», ценность которых не ограничивается их способностью генерировать гипотезы для эмпирического исследования [Rubinstein, 2006]¹¹ (аналогичные выводы для политологии приводятся в [Humpfreys, 2017]), а Х. Улиг считает естественным, что модели продолжают использоваться, даже если они не соответствуют наблюдаемым фактам [Uhlig, 2012]. Допущения моделей по определению упрощают реальность [Либман, 2008]. Соответственно, нет ничего странного в том, что они непригодны для открытий «на кончике пера». Во-вторых, в значительном числе случаев теории общественных наук, находящие подтверждение в эмпирике, в принципе, могут быть выведены и из элементарного «здравого смысла». Это, конечно, не снижает значимость теоретического исследования — формальная теоретико-игровая модель или использование точной научной терминологии позволяют выявить логические нестыковки в аргументации, — но всё же ведет к принципиально иной ситуации, чем та, с которой мы сталкиваемся в естественных

¹⁰ Другой вопрос, что на самом деле идеал эмпирического исследования, основанного на теории, часто нарушается: исследователи или уделяют теории гораздо меньше внимания, чем дизайну эмпирического исследования (сводя теорию к набору ссылок на существующую литературу), или даже готовят теоретическую главу исследования уже после того, как ими были получены эмпирические результаты.

¹¹ Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики, 2008. №11. С. 62–80. (В русском переводе. — Прим. ред.).

науках. В-третьих, в некоторых случаях корректнее говорить не о теории, *описывающей* реальность, а о теории, *меняющей* реальность — например, если теория становится основой поведения акторов или государственной политики.

Тем не менее есть и теории, не сводимые к уточнённой формулировке утверждений, представляющихся очевидными и с точки зрения здравого смысла. Во многих случаях господствующие в обществе представления о тех или иных явлениях противоречат выводам теории, но при этом справедлива именно последняя [Krugman, 1998] (другой вопрос, противоречит ли теория в этой ситуации *здравому смыслу* — или, скорее, нормативным убеждениям, сложившимся в обществе в тот или иной момент времени). Есть и примеры однозначно нетривиальных выводов теории, которые используются на практике, например при дизайне аукционов, избирательных систем или налогообложения [Roth, 2002]. В какой степени при формулировке государственной политики следует полагаться на выводы теории, а в какой на неформализованное знание практиков, является спорным [Colander, 1992; Mankiw, 2006; Su, Kolander, 2021]. Для нас важнее то, что такой дизайн институтов, основанный на теории, отчасти может считаться «открытием на кончике пера»: нетривиальные выводы теории позволяют описать человеческое поведение лучше, чем здравый смысл.

Однако такие нетривиальные открытия все же нетипичны для общественных наук. Гораздо чаще последние сосредоточены на совершенно другой задаче — *нестандартной интерпретации* человеческого поведения на основе той или иной теории. Так, одной из важнейших задач экономического империализма было объяснение разнообразных общественных феноменов (семьи, религии, политики) с использованием экономических моделей (и, шире, теории рационального выбора). Стандартом для моделей, скажем, теории общественного выбора (public choice) или школы «экономика и права» (law and economics) было описание тех или иных политических институтов или правовых учреждений «языком» экономики¹² (современная экономика отказалась от такого подхода — если в прошлом экономисты считали теорию рационального выбора конституирующим признаком своей дисциплины, сегодня им стали эмпирические методы «революции достоверности»). Аналогично для критической социологии основная задача — «выявление» скрытых форм неравенства и иерархий, существующих в обществе¹³. Подобно тому, как для теоретика общественного выбора любая иерархия представляет собой специфическую форму обмена, для критического социолога любой обмен основан на скрытой иерархии. Теория в этой ситуации пытается объяснить, чем «на самом деле» обусловлены поведение людей и развитие общественных институтов, постулируя, что общепринятые представления о поведении людей (в том числе их собственные представления о своей мотивации) неверны, и лишь «вооруженный» теоретическим аппаратом «глаз» может выявить подлинные механизмы функционирования общества.

Такой подход связан с несколькими проблемами. Во-первых, он делает практически невозможной фальсификацию базовых положений теории: если *задача* науки сводится к интерпретации всего в обществе как эксплуатации и угнетения или как рационального поведения, практически невозможно представить себе постановку вопроса, в которой те или иные общественные явления *не были бы* продуктом эксплуатации или рационального выбора. Иначе говоря, основные допущения теории невозможно протестировать эмпирически. В каком-то смысле учёные к этому и не стремятся — для них важнее дать соответствующую их теории интерпретацию наблюдаемых ими явлений, т.е. объяснить, каким образом эмпирические факты соответствуют теории, — а не отделить факты, соот-

¹² Такой подход принято называть конструированием «аналитических нарративов» [Bates, Greif, Levi, Rosenthal, Weingast, 1999].

¹³ Следует оговориться, что критическая теория почти никогда не используется в сочетании с количественными методами эмпирического исследования.

ветствующие теории, от фактов, теории противоречащих. Во-вторых, в предельном случае подобная всеобъемлющая теория имеет все шансы превратиться в идеологию. Именно такие обвинения регулярно звучат в адрес «неолиберальных экономистов» или «гендерных исследований»¹⁴. В этом случае сомневаться в теории становится опасно для карьеры исследователя, а значит, теория становится безальтернативной.

Интерпретация человеческого поведения на основе той или иной исследовательской парадигмы сама по себе, вне всякого сомнения, является интересным интеллектуальным вызовом, и с этой точки зрения заслуживает внимания. Ставя под вопрос утверждения, кажущиеся очевидными, и предлагая нетривиальный взгляд на социальные институты и практики (а также часто рекомендации для государственной политики), наука создает потенциал для новых нетривиальных исследовательских гипотез. Однако с точки зрения дисциплины, для которой эмпирика (а не соответствие базовым допущениям теории) является критерием истины, интереснее была бы теория, формулирующая *тестируемые нетривиальные гипотезы*. А в этом отношении общественные науки далеко не так успешны.

Заключение

Итак, общественные науки оказываются в своего рода замкнутом круге. С одной стороны, количественные исследования, хотя и позволяют учёным в принципе генерировать «непредвиденные результаты», в то же время не в состоянии «отсеивать» результаты, которым действительно следует уделять внимание, от статистических артефактов и случайных корреляций. Более того, стимулы, с которыми сталкиваются учёные (жёсткая конкуренция в науке и оценка учёных на основе публикационной активности), ведут к распространению исследовательских практик, способствующих публикации все новых и новых статей, содержащих сомнительные результаты. В результате «революции достоверности» на место многочисленных и противоречащих друг другу корреляций приходят многочисленные и противоречащие друг другу результаты экспериментов (в которых к тому же исследуется лишь очень узкий спектр тем, которые в принципе могут быть изучены с использованием экспериментов и других методов причинно-следственного анализа).

Опора на теорию позволяет эффективно отсеивать «сомнительные» результаты; в итоге в науке возникает непротиворечивая (и потому привлекательная) картина мира. Однако при этом возникает другая проблема: чрезмерное внимание к теории в конечном счёте превращает науку из проекта по изучению реальности в проект по её интерпретации в категориях теоретической парадигмы. А следовательно, выйти за рамки этой парадигмы становится практически невозможно; в предельном случае многие выводы дисциплины становятся своего рода интеллектуальной игрой (или даже упражнением по использованию соответствующей той или иной идеологии риторики), а не результатом эмпирического исследования.

Существует ли возможность выйти из этого замкнутого круга? В отличие от количественных исследований, качественные исследования предполагают возможность формулировки теории в процессе эмпирического исследования «снизу вверх» (*bottom up theory building*) [Eisenhardt, Graebner, 2007; Gehman, Glaser, Eisenhardt, Gioia, Langly, Corley, 2018]. Впоследствии такая теория может стать предметом количественного исследования [Lieberman, 2005]. Однако качественные исследования также страдают многочисленными проблемами. Их выводы очень зависят от того, каким образом исследователь «организует»

¹⁴ Хорошим примером можно считать дискуссию о так называемых *grievance studies* — удавшуюся провокацию группы учёных, в 2017–2018 гг. опубликовавших в ряде журналов критической теории и гендерных исследований набор заведомо бессмысленных статей, использующих принятую в этих сообществах риторику [Pluckrose, Lindsaz, Boghossian, 2021].

доступные ему факты, на что он обращает внимание (а что игнорирует), и каким образом он интерпретирует доступные ему данные («фильтр» его восприятия может очень серьёзно исказить результаты, особенно если предметом исследования являются общества другой культуры). Иначе говоря, сам по себе факт «открытия» нового феномена или механизма при использовании качественных методов во многом зависит от интерпретации данных исследователем. Учёные, использующие качественные методы не в меньшей степени, чем их коллеги, применяющие методы статистики и эконометрики, склонны к публикации сомнительных результатов, если это позволяет им добиться успеха в науке. К тому же выводы качественных исследований, основанные на изучении конкретного кейса, могут отражать особенности этого частного случая, а не общие закономерности [Bendassolli, 2013].

Ещё один способ выхода из замкнутого круга связан с пересмотром самой сути «теории» и «эмпирики». Так, количественные исследования могут отказаться от претензии на «тестирование» теории и вместо этого сосредоточиться на *описании* данных [Gerring, 2012]. Действительно, в статистике (в отличие от экономики, политологии или социологии) огромную роль играют методы, позволяющие изучать данные и выявлять содержащуюся в них информацию без увязки с какими бы то ни было теоретическими гипотезами; этот же принцип находится в центре внимания бурно развивающейся дисциплины «data science». Однако будет ли подобный подход достаточным? Важным преимуществом теории является то, что она не только формулирует гипотезы относительно взаимосвязи переменных, но и даёт объяснения, *почему* эта связь носит тот или иной характер (т.е. описывает конкретный *механизм*, ведущий к тому или иному социальному явлению). Можем ли мы отказаться от этого аспекта общественных наук? В конце концов, одной из главных причин упадка *area studies* — междисциплинарных исследовательских сообществ, посвящённых отдельным регионам мира, — была именно слабость их теоретического аппарата, в итоге оказавшаяся более важной, чем глубокие эмпирические знания¹⁵.

В любом случае, приходится признать, что в настоящей момент привлекательной альтернативы, позволившей бы общественным наукам создавать теории, формулирующие нетривиальные выводы относительно функционирования общества, пригодные для эмпирического тестирования, и в то же время открытой для «непредвиденных открытий», не существует. Сказанное не следует воспринимать как свидетельство слабости или кризиса эмпирики и теории в общественных науках. Скорее, речь идет об определённых границах, за которые количественная политология, экономика и социология в настоящее время не могут выйти. И это требуется учитывать при интерпретации выводов данных дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

- Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Куда движется современная экономическая наука? М.: ИЭ РАН. С. 8–33.
- Кошовец А.Б. (2019). «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технотехнологией. М.: ИЭ РАН.
- Либман А.М. (2008). Теоретические и эмпирические исследования в современной экономике: проблемы коммуникации // Вопросы экономики. № 6. С. 4–19.
- Либман А.М. (2018). Эмпирические исследования в экономике: «Революция достоверности»? // Куда движется современная экономическая наука? М.: ИЭ РАН. С. 34–52.
- Олейник А.Н. (2021). О возможных методологических основаниях прагматической экономической теории: Т. Байес и Дж. Дьюи // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 34–51.
- Соколов М.М. (2015). Социология как чудо. Процесс *sense-building* в одной академической дисциплине // Социология власти. Т. 27. № 3. С. 13–57.

¹⁵ Еще один пример — так называемая «эконофизика», попытка исследования экономики методами стохастической физики, также во многом абстрагировавшаяся от теоретизирования, но в итоге не сумевшая превратиться в реальную альтернативу экономической науки [Ball, 2006].

- Andrews I., Kasy M. (2019). Identification of and correction for publication bias // *American Economic Review*. Vol. 109. No. 8. Pp. 2766–2794.
- Angrist J.D., Krueger A.B. (2001). Instrumental variables and the search for identification: From supply and demand to natural experiments // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 15. No. 4. Pp. 69–85.
- Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30.
- Athey S., Imbens G.W. (2017). The state of applied econometrics: Causality and policy evaluation // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 2. Pp. 3–32.
- Auspurg K., Brüderl J. (2021). Has the credibility of the social sciences been credibly destroyed? Reanalyzing the “many analysts, one data set” project // *Socius*. Vol. 7. Pp. 1–14.
- Auspurg K., Hinz T., Schneck A. (2014). Ausmaß und Risikofaktoren des Publication Bias in der deutschen Soziologie // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Vol. 66. Issue 4. Pp. 549–573.
- Baldassarri D., Abascal M. (2017). Field experiments across the social sciences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. Pp. 41–73.
- Ball P. (2006). Econophysics: Culture crash // *Nature*. Vol. 441. Issue 7094. Pp. 686–689.
- Bates R.H., Greif A., Levi M., Rosenthal J.L., Weingast B.R. (1999). *Analytic narratives*. Princeton: Princeton University Press.
- Bendassolli P.F. (2013). Theory building in qualitative research: Reconsidering the problem of induction // *Forum Qualitative Sozialforschung*. Vol. 14. No. 1. Pp. 1–20.
- Berning C.C., Weiß B. (2016). Publication bias in the German social sciences: an application of the caliper test to three top-tier German social science journals // *Quality & Quantity*. Vol. 50. No. 2. Pp. 901–917.
- Brodeur A., Cook N., Heyes A. (2020). Methods matter: P-hacking and publication bias in causal analysis in economics // *American Economic Review*. Vol. 110. No. 11. Pp. 3634–3660.
- Calude C.S., Longo G. (2017). The deluge of spurious correlations in big data // *Foundations of Science*. Vol. 22. No. 3. Pp. 595–612.
- Colander D. (1992). The lost art of economics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 6. No. 3. Pp. 191–198.
- De Long J.B., Lang K. (1992). Are all economic hypotheses false? // *Journal of Political Economy*. Vol. 100. No. 6. Pp. 1257–1272.
- Deaton A., Cartwright N. (2018). Understanding and misunderstanding randomized controlled trials // *Social Science & Medicine*. Vol. 210. Pp. 2–21.
- Du Plessis S. (2006). The miracle of the Septuagint and the promise of data mining in economics. Economic Working Paper 15/06: Stellenbosch University.
- Dunning T. (2012). *Natural experiments in the social sciences: a design-based approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Duwendack M., Palmer-Jones R., Reed W.R. (2017). What is meant by “replication” and why does it encounter resistance in economics? // *American Economic Review*. Vol. 107. No. 5. Pp. 46–51.
- Eisenhardt K.M., Graebner, M.E. (2007). Theory building from cases: Opportunities and challenges // *Academy of Management Journal*. Vol. 50. No. 1. Pp. 25–32.
- Fanelli D. (2010). Do pressures to publish increase scientists’ bias? An empirical support from US States Data // *PloS One*. Vol. 5. Issue 4. Article e10271.
- Fanelli D. (2012). Negative results are disappearing from most disciplines and countries // *Scientometrics*. Vol. 90. No. 3. Pp. 891–904.
- Foletti A., Fais S. (2019). Unexpected discoveries should be reconsidered in science—a look to the past? // *International Journal of Molecular Science*. Vol. 20. No. 16. Pp. 1–10.
- Franco A., Malhotra N., Simonovits G. (2014). Publication bias in the social sciences: Unlocking the file drawer // *Science*. Vol. 345. Issue 6203. Pp. 1502–1505.
- Freese J., Peterson D. (2017). Replication in social science // *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. Pp. 147–165.
- Gallen T., Raymond B. (2021). Broken instruments. — SSRN Working Paper.
- Gelman J., Glaser V.L., Eisenhardt K.M., Gioia D., Langley A., Corley K.G. (2018). Finding theory–method fit: A comparison of three qualitative approaches to theory building // *Journal of Management Inquiry*. Vol. 27. No. 3. Pp. 284–300.
- Gelman A. (2011). Causality and statistical learning // *American Journal of Sociology*. Vol. 117. No. 3. Pp. 955–966.
- Gelman A., Loken E. (2014). The statistical crisis in science: data-dependent analysis — a “garden of forking paths” — explains why many statistically significant comparisons don’t hold up. // *American Scientist*. Vol. 102. No. 6. Pp. 460–466.
- Gerber A.S., Malhotra N. (2008). Publication bias in empirical sociological research: Do arbitrary significance levels distort published results? // *Sociological Methods & Research*. Vol. 37. No. 1. Pp. 3–30.
- Gerring J. (2012). Mere description // *British Journal of Political Science*. Vol. 42. No. 4. Pp. 721–746.
- Grunow M., Schneider H., Wagner G., Wagner J. (2018). Editorial // *International Journal for Re-Views in Empirical Economics*. Vol. 2. Pp. 1–6.
- Hamermesh, D.S. (2007). Replication in economics // *Canadian Journal of Economics*. Vol. 40. No. 3. Pp. 715–733.

- Humpfreys M.* (2017). *Political games: Mathematical insights on fighting, voting, lying and other affairs of state*. New York: Norton.
- Ioannidis J.P.* (2005). Why most published research findings are false. // *PLoS Medicine*. Vol. 2. Issue 8: e124.
- Karafillidis A.* (2013). Erklärungen in rekursiven Verhältnissen // *Zeitschrift für Theoretische Soziologie*. Vol. 2. No. 2. Pp. 218–239.
- Keynes J.M.* (1940). On a method of statistical business-cycle research. A comment // *Economic Journal*. Vol. 50. Issue 197. Pp. 154–156.
- King G.* (1995). Replication, replication // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 28. Issue 3. Pp. 444–452.
- Krauss A.* (2018). Why all randomised controlled trials produce biased results // *Annals of Medicine*. Vol. 50. No. 4. Pp. 312–322.
- Krugman P.* (1998). Two cheers for formalism // *Economic Journal*. Vol. 108. Issue. 451. Pp. 1829–1836.
- Leamer E.E.* (2010). Tantalus on the road to asymptopia // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 31–46.
- Leatherdale S.T.* (2019). Natural experiment methodology for research: a review of how different methods can support real-world research // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 22. No. 1. Pp. 19–35.
- Lenz G.S., Sahn A.* (2021). Achieving statistical significance with control variables and without transparency // *Political Analysis*. Vol. 29. No. 3. Pp. 356–369.
- Libman A.* (2018). Der lange Schatten der Vergangenheit: Historisches Erbe und quantitative Sozialwissenschaften // *Osteuropa*. Vol. 68. No. 6. Pp. 49–66.
- Lieberman E.S.* (2005). Nested analysis as a mixed-method strategy for comparative research // *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 3. Pp. 435–452.
- Loken E., Gelman A.* (2017). Measurement error and the replication crisis // *Science*. Vol. 355. Issue 6325. Pp. 584–585.
- Mankiw N.G.* (2006). The macroeconomist as scientist and engineer // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 20. No. 4. Pp. 29–46.
- McCloskey D.N.* (1985). The loss function has been mislaid: The rhetoric of significance tests // *American Economic Review*. Vol. 75. No. 2. Pp. 201–205.
- Mellon J.* (2021). Rain, rain, go away: 176 potential exclusion-restriction violations for studies using weather as an instrumental variable. — SSRN Working Paper.
- Morgan S.L., Winship C.* (2015). *Counterfactuals and causal inference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Muñoz J., Young C.* (2018). We ran 9 billion regressions: Eliminating false positives through computational model robustness // *Sociological Methodology*. Vol. 48. No. 1. Pp. 1–33.
- Open Science Collaboration* (2015). Estimating the reproducibility of psychological science // *Science*. Vol. 349. Issue 6251.
- Pluckrose H., Lindsay J., Boghossian P.* (2021). Understanding the “grievance studies affair” papers and why they should be reinstated: A response to Geoff Cole // *Sociological Methods & Research*. Forthcoming.
- Ravallion M.* (2020). Should the randomistas (continue to) rule? National Bureau of Economic Research Working Paper No. 27554.
- Rodrik D.* (2008). The new development economics: We shall experiment, but how shall we learn? HKS Working Paper No. RWP08-055.
- Rosenthal R.* (1979). The file drawer problem and tolerance for null results // *Psychological Bulletin*. Vol. 86. No. 3. Pp. 638–641.
- Rosenzweig M.R., Wolpin K.I.* (2000). Natural “natural experiments” in economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 38. No. 4. Pp. 827–874.
- Roth A.E.* (2002). The economist as engineer: Game theory, experimentation, and computation as tools for design economics // *Econometrica*. Vol. 70. No. 4. Pp. 1341–1378.
- Rubinstein A.* (2006). Dilemmas of an economic theorist // *Econometrica*. Vol. 74. No. 4. Pp. 865–883.
- Sala-i-Martin X.* (1997). I just ran two million regressions // *American Economic Review*. Vol. 87. No. 2. Pp. 178–183.
- Samii C.* (2016). Causal empiricism in quantitative research // *Journal of Politics*. Vol. 78. Issue 3. Pp. 941–955.
- Schumpeter J.* (1933). The common sense of econometrics // *Econometrica*. Vol. 1. No. 1. Pp. 5–12.
- Sekhon J.S., Titiunik R.* (2012). When natural experiments are neither natural nor experiments // *American Political Science Review*. Vol. 106. No. 1. Pp. 35–57.
- Shadish W.R.* (1995). The logic of generalization: Five principles common to experiments and ethnographies // *American Journal of Community Psychology*. Vol. 23. No. 3. Pp. 419–428.
- Shrout P.E., Rodgers J.L.* (2018). Psychology, science, and knowledge construction: Broadening perspectives from the replication crisis // *Annual Review of Psychology*. Vol. 69. Pp. 487–510.
- Silberzahn R., Uhlmann E.L., Martin D.P., Anselmi P., Aust F., Awtry E., et al.* (2018). Many analysts, one data set: Making transparent how variations in analytic choices affect results // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. Vol. 1. No. 3. Pp. 337–356.
- Simonsohn U., Simmons J.P., Nelson L.D.* (2019). Specification curve: Descriptive and inferential statistics on all reasonable specifications. SSRN Working Paper.
- Sims C.A.* (2010). But economics is not an experimental science // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 59–68.

- Smith G., Cordes J. (2020). The phantom pattern problem: The mirage of big data. Oxford: Oxford University Press.
- Sovey A.J., Green D.P. (2011). Instrumental variables estimation in political science: A readers' guide // *American Journal of Political Science*. Vol. 55. Issue 1. Pp. 188–200.
- Spanos A. (2000). Revisiting data mining: 'hunting' with or without a license // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 7. No. 2. Pp. 231–264.
- Su H.C., Colander D. (2021). The economist as scientist, engineer, or plumber? // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 43. No. 2. Pp. 297–312.
- Uhlig H. (2012). Economics and reality // *Journal of Macroeconomics*. Vol. 34. No. 1. Pp. 29–41.
- von Eye A., Losel F., Mayzer R. (2003). Is it all written in the stars? A methodological commentary on Sachs' astrology monograph and re-analyses of his data on crime statistics // *Psychological Test and Assessment Modeling*. Vol. 45. No. 1. Pp. 78–91.
- Young C. (2009). Model uncertainty in sociological research: An application to religion and economic growth // *American Sociological Review*. Vol. 74. Issue 3. Pp. 380–397.
- Young C., Holsteen K. (2017). Model uncertainty and robustness: A computational framework for multimodel analysis // *Sociological Methods & Research*. Vol. 46. No. 1. Pp. 3–40.

Либман Александр Михайлович

Alexander.libman@fu-berlin.de

Aleksander Libman

PhD (Economics), Professor of Russian and East European Politics, Freie Universität Berlin

Alexander.libman@fu-berlin.de

ARE DISCOVERIES POSSIBLE IN SOCIAL SCIENCES?

Abstract. The history of sciences is full of examples of unintended discoveries — research findings contradicting the dominant theory or obtained by chance — as well as of discoveries made “with the point one’s pen” — non-trivial conclusions of theory (sometimes contradicting the common sense), which however, find experimental confirmation. This paper asks whether these types of discoveries are possible in social sciences and focuses on quantitative research. It shows the existence of a sort of vicious circle: quantitative research is potentially able to produce unintended discoveries but many findings are questionable. It is possible to separate these findings for the more convincing ones using theory but the active use of this “theoretical filter” results in another problem — instead of testing theories, scientific community turns to interpreting facts in line with theories.

Keywords: *unintended discoveries; discoveries made with the point of one’s pen; quantitative methods; credibility revolution; sensitivity analysis.*

JEL: B40; C51; C93.

REFERENCES

- Andrews I., Kasy M. (2019). Identification of and correction for publication bias // *American Economic Review*. Vol. 109. No. 8. Pp. 2766–2794.
- Angrist J.D., Krueger A.B. (2001). Instrumental variables and the search for identification: From supply and demand to natural experiments // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 15. No. 4. Pp. 69–85.
- Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30.
- Athey S., Imbens G.W. (2017). The state of applied econometrics: Causality and policy evaluation // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 2. Pp. 3–32.
- Auspurg K., Brüderl J. (2021). Has the credibility of the social sciences been credibly destroyed? Reanalyzing the “many analysts, one data set” project // *Socius*. Vol. 7. Pp. 1–14.
- Auspurg K., Hinz T., Schneck A. (2014). Ausmaß und Risikofaktoren des Publication Bias in der deutschen Soziologie. // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Vol. 66. No. 4. Pp. 549–573.
- Baldassarri D., Abascal M. (2017). Field experiments across the social sciences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. Pp. 41–73.
- Ball P. (2006). Econophysics: Culture crash // *Nature*. Vol. 441. Issue 7094. Pp. 686–689.
- Bates R.H., Greif A., Levi M., Rosenthal J.L., Weingast B.R. (1999). *Analytic narratives*. Princeton: Princeton University Press.
- Bendassolli P.F. (2013). Theory building in qualitative research: Reconsidering the problem of induction // *Forum Qualitative Sozialforschung*. Vol. 14. No. 1. Pp. 1–20.

- Berning C.C., Weiß B. (2016). Publication bias in the German social sciences: an application of the caliper test to three top-tier German social science journals // *Quality & Quantity*. Vol. 50. 2. No. Pp. 901–917.
- Brodeur A., Cook N., Heyes A. (2020). Methods matter: P-hacking and publication bias in causal analysis in economics // *American Economic Review*. Vol. 110. No. 11. Pp. 3634–3660.
- Calude C.S., Longo G. (2017). The deluge of spurious correlations in big data // *Foundations of Science*. Vol. 22. No. 3. Pp. 595–612.
- Colander D. (1992). The lost art of economics // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 6. No. 3. Pp. 191–198.
- De Long J.B., Lang K. (1992). Are all economic hypotheses false? // *Journal of Political Economy*. Vol. 100. No. 6. Pp. 1257–1272.
- Deaton A., Cartwright N. (2018). Understanding and misunderstanding randomized controlled trials // *Social Science & Medicine*. Vol. 210. Pp. 2–21.
- Du Plessis S. (2006). *The miracle of the Septuagint and the promise of data mining in economics*. Economic Working Paper 15/06: Stellenbosch University.
- Dunning T. (2012). *Natural experiments in the social sciences: a design-based approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Duvendack M., Palmer-Jones R., Reed W.R. (2017). What is meant by “replication” and why does it encounter resistance in economics? // *American Economic Review*. Vol. 107. No. 5. Pp. 46–51.
- Eisenhardt K.M., Graebner, M.E. (2007). Theory building from cases: Opportunities and challenges // *Academy of Management Journal*. Vol. 50. No. 1. Pp. 25–32.
- Fanelli D. (2010). Do pressures to publish increase scientists’ bias? An empirical support from US States Data // *PloS One*. Vol. 5. Issue 4. Article e10271.
- Fanelli D. (2012). Negative results are disappearing from most disciplines and countries // *Scientometrics*. Vol. 90. No. 3. Pp. 891–904.
- Foletti A., Fais S. (2019). Unexpected discoveries should be reconsidered in science — a look to the past? // *International Journal of Molecular Science*. Vol. 20. 16. No. Pp. 1–10.
- Franco A., Malhotra N., Simonovits G. (2014). Publication bias in the social sciences: Unlocking the file drawer // *Science*. Vol. 345. Issue 6203. Pp. 1502–1505.
- Freese J., Peterson D. (2017). Replication in social science // *Annual Review of Sociology*. Vol. 43. Pp. 147–165.
- Gallen T., Raymond B. (2021). *Broken instruments*. SSRN Working Paper.
- Gehman J., Glaser V.L., Eisenhardt K.M., Gioia D., Langley A., Corley K.G. (2018). Finding theory–method fit: A comparison of three qualitative approaches to theory building // *Journal of Management Inquiry*. Vol. 27. No. 3. Pp. 284–300.
- Gelman A. (2011). Causality and statistical learning // *American Journal of Sociology*. Vol. 117. No. 3. Pp. 955–966.
- Gelman A., Loken E. (2014). The statistical crisis in science: data-dependent analysis — a “garden of forking paths” — explains why many statistically significant comparisons don’t hold up // *American Scientist*. Vol. 102. No. 6. Pp. 460–466.
- Gerber A.S., Malhotra N. (2008). Publication bias in empirical sociological research: Do arbitrary significance levels distort published results? // *Sociological Methods & Research*. Vol. 37. No.1. Pp. 3–30.
- Gerring J. (2012). Mere description // *British Journal of Political Science*. Vol. 42. No. 4. Pp. 721–746.
- Grunow M., Schneider H., Wagner G., Wagner J. (2018). Editorial // *International Journal for Re-Views in Empirical Economics*. Vol. 2. Pp. 1–6.
- Hamermesh D.S. (2007). Replication in economics // *Canadian Journal of Economics*. Vol. 40. No. 3. Pp. 715–733.
- Humpfreys M. (2017). *Political games: Mathematical insights on fighting, voting, lying and other affairs of state*. New York: Norton.
- Ioannidis J.P. (2005). Why most published research findings are false // *PLoS Medicine*. Vol. 2. Issue 8: e124.
- Kapelyushnikov R.I. (2018). *O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoi nauki: Polusotsiologicheskie nablyudeniya* [On the current state of economics: Half-sociological observations]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Pp. 8–33. [In Russ.].
- Karafillidis A. (2013). Erklärungen in rekursiven Verhältnissen // *Zeitschrift für Theoretische Soziologie*. Vol. 2. Issue 2. Pp. 218–239.
- Keynes J.M. (1940). On a method of statistical business-cycle research. A comment // *Economic Journal*. Vol. 50. Issue 197. Pp. 154–156.
- King G. (1995). Replication, replication // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 28. No. 3. Pp. 444–452.
- Koshovets A.B. (2019). “Gorizontally progress” ekonomicheskoi nauki: Mezhdru konstruiruemoi real’nostyu i tekhnologii [Horizontal progress of economics: Between a constructed reality and a technoscience]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. [In Russ.].
- Krauss A. (2018). Why all randomised controlled trials produce biased results // *Annals of Medicine*. Vol. 50. No. 4. Pp. 312–322.
- Krugman P. (1998). Two cheers for formalism // *Economic Journal*. Vol. 108. Issue. 451. Pp. 1829–1836.
- Leamer E.E. (2010). Tantalus on the road to asymptopia // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 31–46.

- Leatherdale S.T. (2019). Natural experiment methodology for research: a review of how different methods can support real-world research // *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 22. No.1. Pp. 19–35.
- Lenz G.S., Sahn A. (2021). Achieving statistical significance with control variables and without transparency // *Political Analysis*. Vol. 29. No. 3. Pp. 356–369.
- Libman A. (2018). Der lange Schatten der Vergangenheit: Historisches Erbe und quantitative Sozialwissenschaften // *Osteuropa*. Vol. 68. No. Pp. 49–66.
- Libman A.M. (2018). *Empiricheskie issledovaniya v ekonomike: Revolyutsiya dostovernosti?* [Empirical research in economics: A credibility revolution]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Pp. 34–52. [In Russ.].
- Libman A.M. (2008). Teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya v sovremennoi ekonomike: Problemy kommunikatsii [Theoretical and empirical research in modern economics: Problems of Communication] // *Voprosy ekonomiki*. No. 6. Pp. 4–19. [In Russ.].
- Lieberman E.S. (2005). Nested analysis as a mixed-method strategy for comparative research // *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 3. Pp. 435–452.
- Loken E., Gelman A. (2017). Measurement error and the replication crisis // *Science*. Vol. 355. Issue 6325. Pp. 584–585.
- Mankiw N.G. (2006). The macroeconomist as scientist and engineer // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 20. No. 4. Pp. 29–46.
- McCloskey D.N. (1985). The loss function has been mislaid: The rhetoric of significance tests // *American Economic Review*. Vol. 75. No.2. Pp. 201–205.
- Mellon J. (2021). *Rain, rain, go away: 176 potential exclusion-restriction violations for studies using weather as an instrumental variable*. SSRN Working Paper.
- Morgan S.L., Winship C. (2015). *Counterfactuals and causal inference*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Muñoz J., Young C. (2018). We ran 9 billion regressions: Eliminating false positives through computational model robustness // *Sociological Methodology*. Vol. 48. No. 1. Pp. 1–33.
- Oleinik A.N. (2021). O vozmozhnykh metodologicheskikh osnovaniyakh pragmaticheskoi ekonomicheskoi teorii: T. Bayes and J. Dewey [On possible methodological foundations of a pragmatic economic theory: T. Bayes and J. Dewey] // *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. No. 3. Pp. 34–51. [In Russ.].
- Open Science Collaboration (2015). Estimating the reproducibility of psychological science // *Science*. Vol. 349. Issue 6251.
- Pluckrose H., Lindsay J., Boghossian P. (2021). Understanding the “grievance studies affair” papers and why they should be reinstated: A response to Geoff Cole // *Sociological Methods & Research*. Forthcoming.
- Ravallion M. (2020). *Should the randomistas (continue to) rule?* National Bureau of Economic Research Working Paper No. 27554.
- Rodrik D. (2008). *The new development economics: We shall experiment, but how shall we learn?* HKS Working Paper No. RWP08-055.
- Rosenthal R. (1979). The file drawer problem and tolerance for null results // *Psychological Bulletin*. Vol. 86. No. 3. Pp. 638–641.
- Rosenzweig M.R., Wolpin K.I. (2000). Natural “natural experiments” in economics // *Journal of Economic Literature*. Vol. 38. No. 4. Pp. 827–874.
- Roth A.E. (2002). The economist as engineer: Game theory, experimentation, and computation as tools for design economics // *Econometrica*. Vol. 70. No. 4. Pp. 1341–1378.
- Rubinstein A. (2006). Dilemmas of an economic theorist // *Econometrica*. Vol. 74. No. 4. Pp. 865–883.
- Sala-i-Martin X. (1997). I just ran two million regressions // *American Economic Review*. Vol. 87. No. 2. Pp. 178–183.
- Samii C. (2016). Causal empiricism in quantitative research // *Journal of Politics*. Vol. 78. No. 3. Pp. 941–955.
- Schumpeter J. (1933). The common sense of econometrics // *Econometrica*. Vol. 1. No. 1. Pp. 5–12.
- Sekhon J.S., Titiunik R. (2012). When natural experiments are neither natural nor experiments // *American Political Science Review*. Vol. 106. No. 1. Pp. 35–57.
- Shadish W.R. (1995). The logic of generalization: Five principles common to experiments and ethnographies // *American Journal of Community Psychology*. Vol. 23. No. 3. Pp. 419–428.
- Shrout P.E., Rodgers J.L. (2018). Psychology, science, and knowledge construction: Broadening perspectives from the replication crisis // *Annual Review of Psychology*. Vol. 69. Pp. 487–510.
- Silberzahn R., Uhlmann E.L., Martin D.P., Anselmi P., Aust F., Awtry E., et al. (2018). Many analysts, one data set: Making transparent how variations in analytic choices affect results // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. Vol. 1. No. 3. Pp. 337–356.
- Simonsohn U., Simmons J.P., Nelson L.D. (2019). *Specification curve: Descriptive and inferential statistics on all reasonable specifications*. SSRN Working Paper.
- Sims C.A. (2010). But economics is not an experimental science // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 24. No. 2. Pp. 59–68.
- Smith G., Cordes J. (2020). *The phantom pattern problem: The mirage of big data*. Oxford: Oxford University Press.

- Sokolov M.M. (2015). Sotsiologiya kak chudo: Protsess sence-building v odnoi akademicheskoi distsipline. [Sociology as a miracle: Process of sence-building in an academic discipline] // *Sotsiologiya vlasti*. Vol. 27. No. 3. Pp. 13–57. [In Russ.].
- Sovey A.J., Green D.P. (2011). Instrumental variables estimation in political science: A readers' guide // *American Journal of Political Science*. Vol. 55. No.1. Pp. 188–200.
- Spanos A. (2000). Revisiting data mining: 'hunting' with or without a license // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 7. No. 2. Pp. 231–264.
- Su H.C., Colander D. (2021). The economist as scientist, engineer, or plumber? // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 43. No. 2. Pp. 297–312.
- Uhlig H. (2012). Economics and reality // *Journal of Macroeconomics*. Vol. 34. No. 1. Pp. 29–41.
- von Eye A., Losel F., Mayzer R. (2003). Is it all written in the stars? A methodological commentary on Sachs' astrology monograph and re-analyses of his data on crime statistics // *Psychological Test and Assessment Modeling*. Vol. 45. No. 1. Pp. 78–91.
- Young C. (2009). Model uncertainty in sociological research: An application to religion and economic growth // *American Sociological Review*. Vol. 74. No. 3. Pp. 380–397.
- Young C., Holsteen K. (2017). Model uncertainty and robustness: A computational framework for multimodel analysis // *Sociological Methods & Research*. Vol. 46. No. 1. Pp. 3–40.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А.А. Яковлев

*к.э.н., профессор, Институт анализа предприятий и рынков
НИУ ВШЭ (Москва)*

КОНКУРЕНЦИЯ МОДЕЛЕЙ КАПИТАЛИЗМА: ПРОЕКЦИЯ НА РОССИЮ¹

Аннотация. В статье рассматривается теоретическая концепция «многообразия моделей капитализма» и её эволюция в течение последних 20 лет. Показано, как от дискуссий о конкуренции между либеральными (LME) и координируемыми (CME) рыночными экономиками фокус исследований сместился сначала на анализ «зависимых рыночных экономик» (DME) и затем на анализ «рыночных экономик, проникутных государством» (SPME). С позиций данной теории также рассмотрены изменения в подходах к формированию рыночной экономики в России. Дается объяснение того, почему попытки реализации моделей LME и SPME в России в 1990-е и 2000-е гг. оказались безуспешными и почему модель, сложившаяся в результате всех институциональных преобразований, относится к категории «зависимых рыночных экономик» (DME). Также дана характеристика нового вектора в трансформации российской экономики после 2012 г., проводятся аналогии с «экономикой сопротивления» в Иране, и приводятся аргументы для критической оценки долгосрочных перспектив подобной модели.

Ключевые слова: модели капитализма, глобальная конкуренция, экономическое развитие, «экономика сопротивления», Россия.

JEL: O57, P16, P51.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_41_49.

Модели капитализма в современных исследованиях

Интерес к сравнению разных моделей рыночной экономики (или «моделей капитализма») вырос в 1990-е гг. на фоне крушения плановой экономики в СССР и других бывших социалистических странах. Базовая концепция многообразия моделей капитализма — или *variety of capitalism* — была предложена в книге [Hall, Soskice, 2001]. Исходно эта концепция рассматривала только развитые рыночные экономики в США, Западной Европе и Японии. Она, опираясь на весьма детальный анализ институциональных различий в организации корпоративного сектора и финансовых рынков, регулировании рынка труда и т.д., выделяла две базовые модели: либеральные рыночные экономики (*liberal market economies* — LME) и координируемые рыночные экономики (*coordinated market economies* — CME). Достаточно подробный обзор основных аргументов этой концепции сделан в работе [Глинкина, 2017].

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2021 г. Она основывается на выступлении автора на круглом столе «Конфронтация: за что и почему Россия воюет с Западом?», проведенном Фондом «Либеральная миссия» 9 июля 2021 г., и представляет собой приложение к России тех подходов к анализу общих трендов в развитии глобального капитализма, которые ранее были сформулированы автором в [Яковлев, 2021]. Автор признателен К. Рогову за приглашение к данной дискуссии и содержательные комментарии.

Данная концепция с самого начала вызвала большой интерес и до сих пор пользуется популярностью среди экспертов по международной политэкономии. В то же время она подвергалась критике, поскольку анализ строился сугубо на данных по развитым рыночным экономикам. Поэтому логичным развитием этой концепции стали исследования, сфокусированные на анализе стран Восточной Европы, которые в 1990-е гг. прошли через серьезную институциональную трансформацию и по которым (в силу их стремления к интеграции в европейские структуры) стали доступны широкие массивы эмпирических данных [Nölke, Vliegenthart, 2009; Myant, 2018]. Эти исследования показали, что модель капитализма, сложившаяся в этих странах, отличается как от LME, распространенной в англосаксонском мире и переживавшей с 1990-х гг. период экспансии, так и от СМЕ, исторически характерной для стран континентальной Европы.

Особенность этой модели заключалась в том, что по итогам институциональной трансформации 1990-х гг. ключевыми игроками в корпоративном секторе стран Восточной Европы оказались глобальные компании с головными офисами во Франкфурте, Лондоне или Нью-Йорке. Именно поэтому данная модель определялась в литературе как «зависимые рыночные экономики» (dependent market economies — DME). Причем практически сразу было очевидно, что эта черта не является уникальной характеристикой Восточной Европы. Она свойственна экономикам многих развивающихся стран, которые стали интегрироваться в глобальные рынки с конца 1980-х — начала 1990-х гг.

На примере стран Восточной Европы также достаточно быстро стало понятно, что такая модель имеет как плюсы, так и минусы. К плюсам можно было отнести приток прямых иностранных инвестиций, связанный с высокой открытостью DME, и быстрый рост производства в тех отраслях, которые оказались включены в глобальные цепочки создания стоимости. Минусы являлись обратной стороной плюсов и были обусловлены тем, что при изменении параметров рынка труда, а также условий функционирования товарных рынков глобальные корпорации, управляющие этими цепочками, могли очень быстро принять решение о перемещении активности из одной DME в другую. При этом в период кризисов глобальные корпорации стремились выводить финансовые ресурсы из DME в свои национальные юрисдикции — что было отмечено уже в 1997 г. во время «азиатского кризиса», а затем наблюдалось во многих развивающихся странах в ходе мирового кризиса 2008–2009-х гг.

Фактический контроль над DME со стороны глобальных компаний приводил к тому, что страны, внедрившие эту модель, оказались ограничены в возможностях управлять собственным экономическим развитием. Одним из примеров здесь можно назвать Венгрию, где в 1990-е гг. на фоне высокой открытости экономики и радикальной приватизации с широким доступом для иностранных инвесторов был быстро преодолен трансформационный шок перехода от плана к рынку и наблюдался бурный рост производства во многих отраслях, в частности в электронике. Одной из причин этого роста стал перенос в Венгрию производственных мощностей и заказов немецких и австрийских компаний. Однако в 2000-е гг. в этой преуспевавшей ранее отрасли началась стагнация, когда по мере повышения зарплат в Венгрии и вступления Румынии и Болгарии в Евросоюз западноевропейские компании стали перемещать свои мощности и заказы в эти страны.

Проблема была в том, что существовавшая в Венгрии в социалистический период электронная промышленность в 1990-е гг. фактически потеряла собственные позиции на рынке, так как приходившие в страну большие европейские компании в основном были заинтересованы в использовании венгерских мощностей для сборки своей продукции. А компетенции, которые касались разработок, заведомо сворачивались и выносились в головные офисы и штаб-квартиры европейских компаний. Следствием этого стало не только замедление экономической динамики в Венгрии в 2000-е гг., но также изменение ожиданий от результатов рыночных реформ в венгерском обществе, что в дальнейшем во многом предопределило политическую поддержку Виктора Орбана.

В этой связи на фоне растущего скепсиса от результатов рыночных и демократических преобразований в Восточной Европе со второй половины 2000-х гг. исследователи, занимающиеся международной политэкономией, стали выделять четвертую модель — State-Permeated Market Economies (SPME) или «рыночные экономики, проникнутые государством». Немецкие экономисты Андреас Нольке и Кристиан Мэй считают, что эта модель характерна прежде всего для больших развивающихся стран (таких, как Китай, Индия, Бразилия), правительства которых обладают достаточной переговорной силой для отстаивания национальных интересов своих стран во взаимодействиях с глобальными корпорациями и способностью проводить независимую экономическую политику [Nölke, 2018; Nölke, ten Brink, May, Claar, 2019].

Существенную роль в данной модели, безусловно, играет масштаб национальных рынков этих стран (которые привлекательны для инвесторов), но не менее важна также дееспособность и эффективность бюрократии. При этом речь не идет о государственном капитализме или повторении опыта Южной Кореи 1960–1970-х гг. (поскольку с тех пор в мире очень многое изменилось). SPME — это рыночные экономики с большим влиянием государства, интегрированные в глобальные цепочки создания стоимости.

Такие экономики во многих аспектах оказались более устойчивыми и более успешными, чем экономики стран Восточной Европы и многих развивающихся стран, попавших в зависимость от глобальных корпораций. Именно поэтому модель SPME привлекает внимание исследователей, стремящихся понять внутренние закономерности её функционирования, её преимущества и возможные ограничения.

Все это привело к изменению фокуса в анализе моделей капитализма. Еще в начале 2000-х гг. основной акцент делался на сравнении либеральных (LME) и координируемых рыночных экономик (CME). К первой группе относились США, Великобритания и другие англосаксонские страны. Ко второй — Германия, Франция и другие западноевропейские страны, а также примыкающая к ним Япония. При этом в тот период доминирующее представление сводилось к тому, что модель CME, демонстрировавшая свои успехи в период после Второй мировой войны вплоть до 1970-х гг., сдает позиции модели LME. Эта тенденция выражалась в либерализации финансовых рынков и повышении роли фондового рынка, ослаблении влияния профсоюзов и общем дерегулировании экономики. Однако по мере значимого укрепления позиций Китая в мировой экономике стало очевидно, что различия между LME и CME отнюдь не столь существенны на фоне альтернативной модели SPME — особенно, если принять во внимание различия в политических характеристиках этих моделей капитализма.

В этой связи в своих недавних работах Бранко Миланович говорит о противостоянии между «либеральным капитализмом» (куда с определёнными оговорками можно отнести не только LME, но также CME и DME) и «политическим капитализмом», который опирается на доминирование государства в экономике, использует клановые связи и отрицает демократию [Milanovic, 2019]. При этом существует риск «плутократической конвергенции» этих двух моделей, если «либеральный капитализм» не сможет решить проблемы растущего социального неравенства [Milanovic, 2020].

Модели капитализма и российские реалии

Такова общая рамка современных исследований в границах концепции многообразия моделей капитализма. Как соотносится с этой теорией то, что мы наблюдаем в России в последние три десятилетия? На мой взгляд, можно выделить три разных периода, в течение которых российская элита объективно делала ставку на разные модели капитализма.

Изначально — в 1990-е и в начале 2000-х гг. — Россия пыталась идти по модели строительства либеральной рыночной экономики. В 1990-е гг. преимущественно это было на уровне деклараций — просто в силу того, что в институциональном плане российское государство было крайне слабо и не могло эффективно противостоять давлению различных групп интересов, стремившихся к «захвату государства» и извлечению рент. В итоге либеральные рыночные реформы декларировались, но их результаты сильно отличались от планов и ожиданий. Тем не менее, несмотря на все институциональные деформации, рынок был создан и произошла интеграция страны в глобальную экономику. Однако при декларировании модели LME по факту в 1990-е гг. в России была построена специфическая модель DME — с ограниченным контролем над отечественными активами со стороны глобальных корпораций, но с высоким влиянием международных организаций на формирование политики и очень высокой степенью зависимости экономики от мирового рынка.

На этом фоне в начале 2000-х гг. после прихода В.Путина к власти и заметного укрепления государства была предпринята вторая, гораздо более осознанная и последовательная попытка движения по пути построения в России либеральной рыночной экономики. Однако уже в 2004 г. вектор экономической политики однозначно изменился и российская элита стала ориентироваться на иную модель. Такой поворот был обусловлен рядом процессов, происходивших в экономике и политике в начале 2000-х гг.

С одной стороны, в России, безусловно, наблюдались высокие темпы экономического роста. В начале 2000-х гг. они объяснялись не только эффектом девальвации 1998 г. и восстановлением после глубокого спада 1990-х гг., но и серьезными институциональными реформами — включая радикальную налоговую реформу (с упрощением системы налогов и снижением их ставок), макроэкономическую и финансовую стабилизацию, разграничение полномочий между центром и регионами, обеспечение безопасности и подавление активности криминальных групп. В целом правительство стало не только декларировать правила, но и обеспечивать их применение на практике.

Однако все это происходило в рамках непростого и трудоёмкого диалога между ключевыми группами в элите — в первую очередь, между олигархами и высшей бюрократией. Данные группы, конечно, тоже получали для себя позитивные эффекты от этих взаимодействий — в виде роста выручки и прибыли крупнейших компаний и роста доходов бюджета. Однако бенефициарами экономического роста также становились другие социальные группы — при этом элиты считали, что именно на них ложатся основные издержки данного процесса.

И когда с 2002 г. начался рост цен на нефть, у элит появилась альтернатива — вместо того, чтобы тратить усилия на достижение договорённостей, создание правил и их соблюдение ради поддержания экономического роста, плоды которого достаются всем, можно было просто получить контроль над этим ключевым источником доходов. В результате возник острый конфликт между олигархами и высшей бюрократией за контроль над природной рентой. Этот конфликт во многом был предопределён тем, что олигархи и высшие чиновники заведомо не доверяли друг другу. Относительный баланс между ними был порожден кризисом 1998 г., после которого в течение нескольких лет ни та, ни другая группа не имели достаточных ресурсов и влияния, чтобы претендовать на полный контроль над ситуацией. Все это вылилось в дело ЮКОСа, в рамках которого крупный бизнес проиграл, а выигравшей стороной оказалась высшая бюрократия в союзе с силовиками.

Одним из следствий этого внутривластного конфликта стал поворот к другой экономической политике с ориентацией на иную модель капитализма. В частности, после отставки правительства М. Касьянова, проводившего с 2000 г. весьма либеральную экономическую политику, в марте 2004 г. был сформирован новый состав правительства во главе с М. Фрадковым. Это новое правительство в явной форме стало проводить активную промышленную политику — с созданием госкорпораций и инвестиционного фонда

для инфраструктурных проектов, разработкой отраслевых стратегий и запуском больших строек в Сочи и Владивостоке.

Помимо стремления ряда игроков в элите получить доступ к управлению этими ресурсами и проектами у такого поворота были определённые объективные основания. Либеральная модель предполагает, что для всех экономических агентов действуют единые правила, а государство следит лишь за их соблюдением, не вмешиваясь в экономические процессы. Иными словами, в либеральной рыночной экономике государство должно выступать в роли «ночного сторожа» и не более того.

Однако в реальности для развивающихся стран (и, в частности, для России) такой подход означал, что отечественные компании оказывались в прямой конкуренции с глобальными корпорациями. И они закономерно проигрывали — поскольку международные фирмы обладали лучшими технологиями, компетенциями и доступом к капиталу. В известном смысле такая конкуренция напоминала соревнование между автомобилями BMW и «Волга», происходящее на хорошем шоссе с правильными указателями и добросовестной дорожной полицией. Понятно, что нормально работающие институты и инфраструктура важны для экономического развития. Но их наличие не компенсирует стартовых преимуществ на стороне глобальных компаний. В этом контексте поворот к модели с широким государственным участием в экономике и активной промышленной политикой в целом может рассматриваться как рациональный выбор для страны, нуждающейся в «догоняющем развитии».

Безусловно, свою роль в смене «целевой модели» в 2004 г. сыграли также внешне-политические факторы. В начале 2000-х гг. Россия по отношению к Европе, США и НАТО демонстрировала высокую готовность к кооперации. Проявлениями этого стали публичная поддержка США после теракта 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, выступление В.Путина в бундестаге ФРГ, помощь в проведении операции в Афганистане, оказанная США со стороны России. Однако к 2004 г. надежды российской элиты на кооперацию с Западом и вступление в глобальный «элитный клуб» сменились разочарованием. Это разочарование было связано не только с «цветными революциями» в Грузии, Киргизии и Украине, которые были поддержаны ЕС и США и вызвали нервную реакцию у российских властей.

Более существенным фактором стало дальнейшее расширение НАТО на восток, которое воспринималось в Кремле как прямая угроза для России. Понятно, что у Латвии, Литвы и Эстонии с учетом их сложной истории взаимоотношений с Россией были мотивы стремиться в НАТО. Но решение об их приеме в Альянс в марте 2004 г. принималось в Брюсселе и Вашингтоне. И это решение провоцировало Россию на определённые ответные действия (артикулированные в дальнейшем в известной речи В.Путина на конференции по международной безопасности в Мюнхене в феврале 2007 г.).

На этом фоне поворот к новой модели капитализма с ведущей ролью государства в экономике в целом отражал установки российской элиты на обеспечение национального суверенитета и формирование «государства развития» в духе Южной Кореи 1960–1970-х гг. Здесь, наверное, были возможны аналогии с рассмотренной выше моделью SPME (тем более, что именно в этот период Россия стала активно развивать кооперацию со странами БРИКС). Но проблемой оказалось качество государства и качество элит в России.

В частности, при всех декларациях о развитии страны элита, пришедшая к власти, была не готова ограничивать себя и действовать по тем правилам и нормам, которые она сама заявляла для общества и для бизнеса. Как отмечает в своей недавней книге известный политолог Дмитрий Тренин, весьма лояльный к действующей власти, В.Путину не удалось сформировать подлинно национальную правящую элиту: «Когорта силовиков, призванная им во власть и получившая доступ к собственности, оказалась крайне неустойчивой к материальным соблазнам» [Тренин, 2021. С. 284]. Если проводить здесь исторические аналогии со странами Юго-Восточной Азии, добившимися значимых успехов в эконо-

мическом развитии, то в Южной Корее, на Тайване и в Сингапуре национальные элиты испытывали гораздо большее внешнее давление и это вынуждало их к серьёзным самоограничениям. Напротив, в России, по мнению Тренина, «верхушка и сегодня остается в основном группой лиц, не только ставящих свои корпоративные интересы выше национальных и государственных, но и живущих в отрыве от своей страны, фактически за её счёт» [Тренин, 2021. С. 284].

Одной из причин таких отличий в поведении российской элиты в сравнении с другими странами, ориентировавшимися в 2000-е гг. на модель SPME, стали сверхдоходы от сырьевого экспорта в условиях высокой конъюнктуры на мировых рынках. С учетом этих рентных доходов для правящей элиты РФ очень удобной оказалась концепция «энергетической супердержавы», предложенная кремлевскими политтехнологами в 2006 г. Эта концепция фактически предполагала, что Россия заведомо не может выиграть в технологической гонке (в том числе потому, что решение такой задачи требовало от правящей элиты больших инвестиций и самоограничений, к чему элита была не готова). Но поскольку у нас много нефти, газа и других сырьевых ресурсов, мы можем за счёт доходов от их экспорта поддерживать необходимый уровень жизни населения, покупать технологии и формировать резервы на случай «непредвиденных обстоятельств». А поскольку Европа зависит от поставок российских энергоносителей, у нас есть рычаг давления на западных «партнеров» и, даже если они не хотят принимать нас в «свой клуб», им все равно придется считаться с нами. В дальнейшем «газовые войны» с Украиной (затрагивавшие также европейских потребителей) стали наглядной демонстрацией применения такого подхода на практике.

Однако наступивший в 2008 г. глобальный финансовый кризис показал неустойчивость данной модели. Выяснилось, что цены на нефть способны не только расти, но могут и резко падать, а существующая зависимость Евросоюза от поставок энергоносителей из РФ будет снижаться во времени в результате сознательной политики ЕС. Реакцией на осознание уязвимости сложившейся модели экономики стала новая попытка модернизации в период правления Д. Медведева — с созданием новых механизмов поддержки инноваций (проект Сколково), стимулированием инвестиций, ограничением силового давления на бизнес, реформами в системе госуправления. Концентрированным выражением этой политики можно считать проект «Стратегии социально-экономического развития России до 2020 г.», разработанный в 2011 г. на базе ВШЭ и РАНХиГС с привлечением нескольких сотен экспертов и с активным участием ведущих бизнес-объединений [Стратегия-2020..., 2013].

Во внешней политике в этот период была предпринята попытка «перезагрузки» отношений с США. Также было согласовано присоединение России к ВТО. В целом, несмотря на периодические напряжения в отношениях с Западом, Россия продолжала ориентироваться на интеграцию в мировую экономику с отстаиванием выгодных для себя условий такой интеграции (что соответствовало общей логике модели SPME, реализуемой в Китае и других крупнейших развивающихся странах).

Политический кризис, вызванный массовыми протестами 2011–2012 гг. против фальсификаций на парламентских выборах, поставил крест на этой политике и привел к новому развороту не только во внешней политике, но и в экономике. В основе этого разворота лежал страх правящей элиты перед реализацией в России катастрофических сценариев в духе «арабской весны». И если до 2012 г. Россия в кооперации с другими крупными развивающимися странами продвигала на международной арене определённую позитивную повестку (с идеями альтернативного международного порядка), то начиная с 2012 г. российская элита фактически перешла к глухой обороне — с жёсткой критикой «монополярного мира» и западных ценностей, а также с охотой на «иностранных агентов», подавлением оппозиции и независимых СМИ.

На фоне замедления экономического роста и ужесточения бюджетных ограничений важным фактором сохранения политической поддержки сложившегося режима стала

«патриотическая мобилизация», связанная с присоединением Крыма в 2014 г. Для ЕС и США присоединение Крыма и последующий вооруженный конфликт на Востоке Украины выглядели как проявление агрессивности российской внешней политики. Но парадокс в том, что для российской элиты смысл этих действий (равно как и дальнейших «вылазок на территорию врага» в информационном пространстве) заключался в защите своей территории и своих активов. Это было послание «западным партнерам»: вы можете жить как хотите, но нас не трогайте, иначе вам же будет хуже.

Вместе с тем события 2014 г., приведшие к масштабным международным санкциям против России, объективно стали «точкой невозврата» в политике. Если до того в отношениях с ЕС и США были возможны «приливы» и «отливы» (когда жесткая антиамериканская и антизападная риторика сменялась очередной «перезагрузкой» с относительной либерализацией внутренней политики), то теперь Россия оказалась в жёсткой конфронтации с Западом на многие годы.

Следствием такого изменения ситуации стали изменения в экономической политике, а также в отношениях с элитами. В этом плане характерна история с сокращением зависимости от импорта. Уже в 2000-е и начале 2010-х гг. правительство активно финансировало программы такого рода. Однако после введения международных санкций (когда ЕС и США заблокировали поставки в Россию технологий и оборудования двойного назначения) выяснилось, что отечественная промышленность по-прежнему в высокой степени зависит от импорта. Но если раньше высшие чиновники фактически закрывали глаза на срыв соответствующих программ своими подчиненными, то теперь Кремль стал жёстко требовать от них исполнения этих программ.

Аналогичным образом изменились требования к губернаторам. В 2000-е гг. от них по сути требовалась лишь политическая лояльность, демонстрируемая через обеспечение нужного процента голосов на очередных выборах, а возникавшие проблемы при необходимости решались с помощью финансовых вливаний из центра. Напротив, от нового поколения губернаторов-«технократов» Кремль ждет, что они сами будут решать проблемы в тех регионах, куда их назначили. Подкреплением этой новой системы стало давление на элиты (в виде декларирования доходов и расходов, ограничений на владение зарубежными активами и т.д.) и прямые санкции по отношению к губернаторам, федеральным министрам, высшим офицерам силовых ведомств — с арестами по обвинениям в коррупции.

Результатом этой политики стало повышение эффективности отдельных звеньев госаппарата — с появлением новых дееспособных институтов. Один из примеров такого рода — Фонд развития промышленности. Его деятельность по поддержке проектов импортозамещения уже в 2016–2017 гг. вызвала позитивную реакцию на уровне компаний, поскольку Фонд давал кредиты по низким ставкам под реальные проекты, отобранные по объективным критериям. Также можно говорить об улучшении качества управления в отдельных регионах. Это повышение эффективности в использовании ресурсов, по-видимому, стало одной из причин того, что в среднесрочном периоде российская экономика понесла существенно меньшие потери от международных санкций, чем ожидали многие эксперты.

Однако в более долгосрочной перспективе с точки зрения описанной выше концепции «многообразия моделей капитализма» жизнеспособность формируемой в России новой модели экономики вызывает большие сомнения. Модель SPME (или «политического капитализма» в терминах Милановича) могла конкурировать с LME, CME и тем более с DME потому, что при всех политических особенностях она была ориентирована на развитие — прежде всего через нахождение адекватных форм интеграции национальных экономик в глобальные рынки. Именно поэтому данная модель привлекала внимание не только исследователей, но и политиков (так же, как в свое время высокий интерес вызвала модель «государства развития» в странах Юго-Восточной Азии).

В течение 1990-х и 2000-х гг. российская правящая элита несколько раз предпринимала попытки построения сначала LME и затем SPME. Все эти попытки не имели успеха, и российская экономика оставалась в рамках специфической версии DME, не зависящей от глобальных корпораций в части контроля над ключевыми активами, но в высокой степени зависящей от цен на сырье на глобальных рынках. Как уже говорилось выше, главной причиной провала этих попыток было качество самой российской правящей элиты.

С 2012 г. политика «национализации элит», начатая на фоне страхов перед повторением в России сценариев «арабской весны», привела к относительному повышению эффективности госаппарата и улучшению качества госуправления. Однако доминирование в рамках складывающейся в России новой модели экономики приоритетов обеспечения безопасности (в самом широком понимании) над приоритетами развития радикально отличает её от модели SPME. Скорее здесь можно говорить о сходстве с моделью «экономики сопротивления», реализованной в последние годы в Иране [Rózsa, Szigetvári, 2019] и корреспондирующей с моделью «осажденной крепости», которая предлагалась для России в докладах Изборского клуба еще в 2012 г.

Опыт Ирана показывает, что такая модель в течение достаточно длительного времени может обеспечивать сохранение сложившегося политического режима. Но при этом не будем забывать, что доходы на душу населения в Иране в 2019 г. практически не отличались от уровня 1986 г. Российский опыт последнего десятилетия (со средними темпами экономического роста меньше 1% в период с 2011 г. по 2019 г., что существенно ниже средних темпов роста не только в крупных развивающихся, но и в основных развитых странах) пока скорее подтверждает сходство с иранской ситуацией. Поэтому в целом в системе координат концепции «многообразия моделей капитализма» та модель, на которую российская элита стала ориентироваться после 2012 г., вряд ли имеет перспективы.

Это означает, что при опоре на данную модель Россия в лучшем случае (при сохранении социально-политической стабильности внутри страны и отсутствии сильных внешних шоков) с течением времени станет проигрывать в экономическом соревновании с другими странами и неизбежно начнет отесняться на периферию мировой экономики и политики. А в худшем случае — при нарастании напряжения, вызванного высоким уровнем социального неравенства, и при втягивании страны во внешние конфликты, требующие все большего финансирования, — такая экономическая модель приведет к банкротству сложившейся системы управления и к глубокому кризису, сопоставимому с событиями 1991 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Глинкина С.П. (2017). Постсоциалистические трансформации в свете дискуссий о многообразии моделей капитализма // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–22.
- Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года (2013) / Под научной ред. В.А. Мау, Я.И. Кузьминова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Тренин Д. (2021). Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблишер.
- Яковлев А.А. (2021). Куда идет глобальный капитализм? // *Мир России*. №3. С. 29–50.
- Hall P.A., Soskice D. (eds.) (2001). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Milanovic B. (2019). *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*. Cambridge, Ms; London, England: Belknap Press of Harvard University Press.
- Milanovic B. (2020). The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy's Future // *Foreign Affairs*. Vol. 99. No 1. Pp. 10–21.
- Myant M. (2018). Dependent Capitalism and the Middle-income Trap in East Central Europe // *International Journal of Management and Economics*. Vol. 54. No 4. Pp. 291–303.
- Nölke A. (2018). Dependent versus State-permeated Capitalism: Two Basic Options for Emerging Markets // *International Journal of Management and Economics*. Vol. 54. No 4. Pp. 269–282.

- Nölke A., ten Brink T., May Ch., Claar S. (2019). State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies // RIPE Series in Global Political Economy. Routledge.
- Nölke A., Vliegenthart A. (2009). Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // *World Politics*. Vol. 61. No 4. Pp. 670–702.
- Rózsa E.N., Szigetvári T. (2019). The Resistance Economy: Iranian Patriotism and Economic Liberalisation // *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System. International Political Economy Series / T. Geröcs, M. Szanyi (eds). Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 169–182.*

Яковлев Андрей Александрович

ayakovlev@hse.ru

Andrei A. Yakovlev

PhD (Economics), Director of Institute for Industrial and Market Studies, Professor at the Department of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow)
ayakovlev@hse.ru

VARIETY OF CAPITALISM CONCEPT: APPLICATION TO RUSSIA

Abstract. The paper considers the concept of variety of capitalism and its evolution during last 20 years. It shows how the focus of this theory moved from discussion of competition between liberal (LME) and coordinated (CME) market economies to the analysis of dependent market economies (DME) and later to the study of state-permeated market economies (SPME). From the point of view of this theoretical framework paper considers the changes in the approaches to the development of market economy in Russia. It explains why attempt of 1990s and 2000s to introduce LME and SPME in Russia failed and why the economic model formed after all institutional changes should be classified as DME. Also the paper describes a new direction in the transformation of Russian economy after 2012, provides analogies with ‘resistance economy’ in Iran and argues the reasons for critical assessment of long term prospects of such economic model.

Keywords: *capitalism models, global competition, economic development, resistance economy, Russia.*

JEL: O57, P16, P51.

REFERENCES

- Glinkina S. (2017). Postsotsialisticheskie transformatsii v svete diskussiy o mnogoobrazii modeley kapitalizma [Post-socialist Transformations in Light of Discussions on Capitalism Models Diversity] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 5–22. (In Russ.).
- Hall P.A., Soskice D. (eds.) (2001). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Milanovic B. (2019). *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*. Cambridge, Ms.; London, England: Belknap Press of Harvard University Press.
- Milanovic B. (2020). The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy’s Future // *Foreign Affairs*. Vol. 99. No. 1. Pp. 10–21.
- Myant M. (2018). Dependent Capitalism and the Middle-income Trap in East Central Europe // *International Journal of Management and Economics*. Vol. 54. No. 4. Pp. 291–303.
- Nölke A. (2018). Dependent versus State-permeated Capitalism: Two Basic Options for Emerging Markets // *International Journal of Management and Economics* Vol. 54. No. 4. Pp. 269–282.
- Nölke A., ten Brink T., May Ch., Claar S. (2019). State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies. *RIPE Series in Global Political Economy*: Routledge.
- Nölke A., Vliegenthart A. (2009). Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // *World Politics*. Vol. 6. No 4. Pp. 670–702.
- Rózsa E.N., Szigetvári T. (2019). The Resistance Economy: Iranian Patriotism and Economic Liberalisation // *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System. International Political Economy Series / T. Geröcs, M. Szanyi (eds). Palgrave Macmillan, Cham. Pp. 169–182.*
- Strategiya-2020: Novay model rosta — novaya sicialnaya politika. Itogovyi doklad o rezultatakh 'kspertnoi raboty po aktualnym problemam sotsialno-ekonomicheskoi strategii Rossii na period do 2020 goda* (2013). Pod nauchnoi redakciei V.A.Mau, Ya.I.Kuzminova [Strategy-2020: new model of growth — new social policy. Final report on the results of expert work on actual problems of social and economic strategy of Russia till 2020. Edited by Vlamir Mau and Yaroslav Kuzminov]. Moscow: RANEPА Publishing House ‘Delo’. (In Russ.).
- Treinin D. (2021). *Novyi balans sil: Rossiya v poiskakh vneshnepoliticheskogo ravnovesiya* [New balance of power: Russia in the search for foreign policy equilibrium]. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.).
- Yakovlev A.A. (2021). Kuda idet globalnyi kapitalizm? [Were is global capitalism moving?] // *Mir Rossii*. No. 3. Pp. 29–50. (In Russ.).

Д.А. Мачерет

*д.э.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва*

РОЛЬ ПЛОТНОСТИ, МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В РАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Аннотация. В статье рассматривается взаимозависимость численности, плотности и мобильности населения, перемещения материальных благ и социально-экономического развития. На основе теоретического анализа сформирована модель, показывающая взаимосвязи различных форм экономического роста с численностью, плотностью, мобильностью населения и перемещением материальных благ. Указанные взаимосвязи рассмотрены в историческом контексте, начиная с архаического общества собирателей и охотников вплоть до современности. Показано, что не только развитие экономики и общества позволяло увеличивать численность и плотность населения, но и рост численности и плотности населения, сопровождавшийся интенсификацией перемещения материальных благ и географической мобильности людей, стимулировал социально-экономическое развитие. Сфокусировано внимание на механизмах влияния численности и плотности населения на экономическое и социальное развитие, начиная с самых ранних этапов истории человечества, и формировании двух моделей социальной организации — авторитарно-иерархической, основанной на централизованной редистрибуции материальных благ, и рыночно-сетевой, основанной на товарообмене. Показано, что сочетание редистрибуции и товарообмена позволяло обеспечивать в рамках аграрной «мальтузианской» экономики постепенное повышение демографического «потолка» и долгосрочный рост численности и плотности населения который в то же время, периодически приводил к демографическим катастрофам. Среднегодовые темпы и демографического, и экономического роста были крайне низки и сдерживали друг друга. Только индустриализация, первоначальный импульс которой был дан расширением рынков в связи с ростом численности населения и развитием товарообмена, позволила обеспечить высокую демографическую и экономическую динамику одновременно. При этом сформировалась долгосрочная тенденция повышения ценности человеческого капитала, способствующая дальнейшему росту плотности населения, прежде всего за счёт урбанизации, и стимулируемая этим ростом. Сделан вывод о том, что продолжение этих взаимосвязанных процессов создает основу для долгосрочного социально-экономического развития на основе эндогенных факторов и института сотрудничества.

Ключевые слова: *социально-экономическое развитие, формы экономического роста, численность и плотность населения, мобильность населения, перемещение материальных благ, дарообмен, редистрибуция, товарообмен, человеческий капитал.*

JEL: N30, N70, O13, O14, O15, O40.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_50_78.

Социально-экономическое развитие определяется множеством взаимодействующих факторов, значимость каждого из которых меняется в ходе истории. Именно на основе такого понимания может формироваться общая теория социально-экономического развития [Балацкий, 2019; Екимова, 2019; Полтерович, 2018а; Полтерович, 2018b]. В то же время плодотворно и сосредоточение внимания на отдельных факторах, позволяющее более полно выделить именно их роль в развитии экономики и общества. Это соответствует такому важному принципу экономического анализа, как элиминирование.

В работах ряда исследователей внимание фокусируется на институциональных [Acemogly, Robinson, 2012; North, 1990; North, Wallis, Weingast, 2009; Hedlund, 2011; Нуреев, Латов, 2014; Бессонова, 2006; Заостровцев, 2019; Плискевич, 2013а; Плискевич, 2013b; Кирдина, 2004], природно-географических [Diamond, 1997; Кирдина-Чендлер, 2018], транспортных [Гольц, 2000; Гольц, 2002; Гольц, 2009; Paine, 2013; Мачерет, 2014; Мачерет, 2015а, Мачерет, 2019а] факторах, накоплении знаний, развитии науки и инноваций [Мокур, 1990; Мокур, 2002], культуре [Аузан, Бахтиграева, Брызгалин, Золотов, Никишина, Припузова, Ставинская, 2020; Куда ведет кризис культуры..., 2011; Ясин, Снеговая, 2009]. Важно, чтобы при акценте анализа на определённых факторах трактовать их не как главные и единственные, а как составляющие более обширного множества. Такой подход характерен для многих из упомянутых выше работ, хотя не во всех случаях он явно артикулирован.

Представляет интерес и рассмотрение роли нескольких взаимосвязанных факторов в социально-экономическом развитии. Это дает возможность, с одной стороны, сконцентрировать внимание на определённых аспектах развития, а с другой — выявить важные взаимосвязи между ними. Например, исторический анализ позволяет выявить существенную взаимозависимость между развитием транспорта и становлением рыночных институтов и их синергетическое влияние на экономический рост [Мачерет, 2015b; Мачерет, Епишкин, 2017]. Не менее важно выявление взаимозависимости численности, плотности и мобильности населения и перемещения материальных благ, а также их совместного влияния на социально-экономическое развитие.

Теоретическое осмысление

Связь демографических факторов и социально-экономического развития является дискуссионной: «При одном подходе демографические перемены рассматриваются как более или менее пассивное следствие изменений в экономической, социальной, политической областях жизни общества», при другом — «демографическим переменам отводится активная роль одного из главных двигателей современного развития» [Вишневский, 2019. С. 322]. Такое различие в подходах имеет глубокие корни. Ещё в XVII в. У. Петти [Петти, 1940] указывал на значение «численности, искусности и трудолюбия» людей для создания общественного богатства. Около ста лет назад Л. фон Мизес, полемизируя с Э. Дюркгеймом, настаивал на том, что: «... представление о том, что цивилизация развивается под давлением изменений в размере и плотности населения, неприемлемо. Население растёт потому, что труд становится более производительным и способен прокормить больше людей, а не наоборот» [Мизес, 1994. С. 188]. В ряде последующих исследований рост численности населения рассматривался как причина повышения подушевого дохода [Simon, 1977; Boserup, 1981]. Н. В. Клягин высказал гипотезу о существовании причинно-следственной связи между демографическим состоянием общества и степенью сложности используемых технологий. На обширном историческом материале он показал влияние демографических «взрывов» на технологические революции, обеспечивающие кардинальный прирост производительности труда и дающие мощный импульс социально-экономическому развитию в целом [Клягин, 1996].

Учитывая дискуссионный характер рассматриваемого вопроса, необходимо провести его теоретическое рассмотрение и соотнести достигнутое теоретическое понимание с реалиями социально-экономической истории. Выдвигаемая в настоящей работе гипотеза состоит в том, что рост численности, плотности и мобильности населения способствует социально-экономическому развитию, которое, в свою очередь, воздействует на динамику данного роста. При этом ключевую роль во взаимодействии указанных процессов играет перемещение материальных благ.

Важнейший аспект социально-экономического развития — экономический рост. Дж. Мокир выделил четыре взаимосвязанные формы экономического роста [Мокир, 1990]. Перечислим и охарактеризуем их, но в иной последовательности, чем в указанной работе, исходя из логики настоящего исследования, и рассмотрим роль плотности и мобильности населения и перемещения материальных благ в рамках отдельных форм экономического роста.

Во-первых, это экономический рост, вызываемый развитием торговли и углублением разделения труда и специализации, что ведет к повышению производительности. Этот рост принято называть *смитианским*, так как именно А. Смит показал, что торговля и разделение труда приводят к возрастанию богатства народов. Смитианский экономический рост связан как с развитием торговли, так и с ростом плотности населения — ведь низкая плотность населения ограничивает размер рынка, а следовательно, возможности для разделения труда и специализации: «В... маленьких деревушках, разбросанных в... редконаселённой стране, ... каждый фермер должен быть вместе с тем мясником, булочником и пивоваром для своей семьи. <...> Семьи, живущие на расстоянии 8 или 10 миль друг от друга, вынуждены сами выполнять множество мелких работ, за выполнением которых в более населённых местностях они обращались бы к содействию... ремесленников». Даже в тех случаях, когда ремесло обособляется, оно слабо специализированно: «Деревенские ремесленники... вынуждены заниматься самыми разнообразными промыслами, имеющими лишь то общее, что для них употребляются одинаковые материалы». Более углубленная специализация невозможна, и это сдерживает рост производительности. В малонаселённой местности «немыслима даже профессия гвоздаря. Такой рабочий... изготовит в год 300 тыс. гвоздей. Но в такой местности невозможно сбыть и 1 тыс. гвоздей в год» [Смит, 2017. С. 79].

«...Более высокая плотность заселения территории открывала новые возможности для специализации, что приводило к росту индивидуальной производительности, а он в свою очередь вел к дальнейшему увеличению численности населения... (причем не только благодаря специализации, идущей вслед за разделением труда,.. но и накоплению некоторыми индивидами новых форм капитала)» [Хайек, 1992. С. 217–218]. Тем самым смитианский экономический рост связан с другой его формой, называемой Дж. Мокиром *соловианским* ростом, основанным на накоплении капитала (по имени Р. Солоу). Так как для соловианского роста необходимо, чтобы накопление капитала опережало рост численности рабочей силы (а значит, при прочих равных условиях, и рост численности населения), влияние численности и плотности населения на соловианский экономический рост не столь очевидно, как на смитианский. Но это влияние можно выявить при рассмотрении взаимосвязи всех типов экономического роста.

Третий тип роста, выделяемый Дж. Мокиром, основан на *эффекте масштаба производства*, опирающемся на рост численности и плотности населения. При этом важно, чтобы рост масштаба производства сопровождался углублением его специализации, т.е. развивалась бы не только индивидуальная, но и региональная специализация, позволяющая в полной мере реализовать сравнительные преимущества разных регионов. Это может достигаться за счёт развития межрегионального обмена при условии снятия транспортных ограничений [Мачерет, 2019а]. Другими словами, существует синергия

роста численности и плотности населения и экономического роста за счёт масштаба производства, с одной стороны, и смитианского экономического роста, связанного с перемещением и обменом материальных благ — с другой. Увеличение масштаба производства, в свою очередь, делает эффективным накопление и концентрацию капитала, т. е. стимулирует соловианскую форму экономического роста.

Что касается четвертой формы экономического роста — шумпетерианского, основанного на техническом прогрессе и инновациях, то он связан как с тремя другими формами экономического роста, так и с численностью и плотностью населения, а также с перемещением людей и материальных благ. С одной стороны, рост численности населения увеличивает количество потенциальных изобретателей и интенсивность их взаимодействия и повышает вероятность технических и технологических усовершенствований [Mokyr, 1990; Lin, 2012]. С другой стороны, «при более высокой плотности населения можно применять технику и технологии, которые оказались бы бесполезными в не столь плотно заселенных районах» [Хайек, 1992. С. 210]. Данное положение относится не только к эпохе индустриализации и современного экономического роста, но и к традиционной, аграрной экономике: «С древнейших времен рост численности населения и усиление урбанизации создавали стимулы для развития сельскохозяйственных технологий...» [Бозерун, 2004. С. 8]. А они, в свою очередь, способствовали соловианскому экономическому росту и фор-

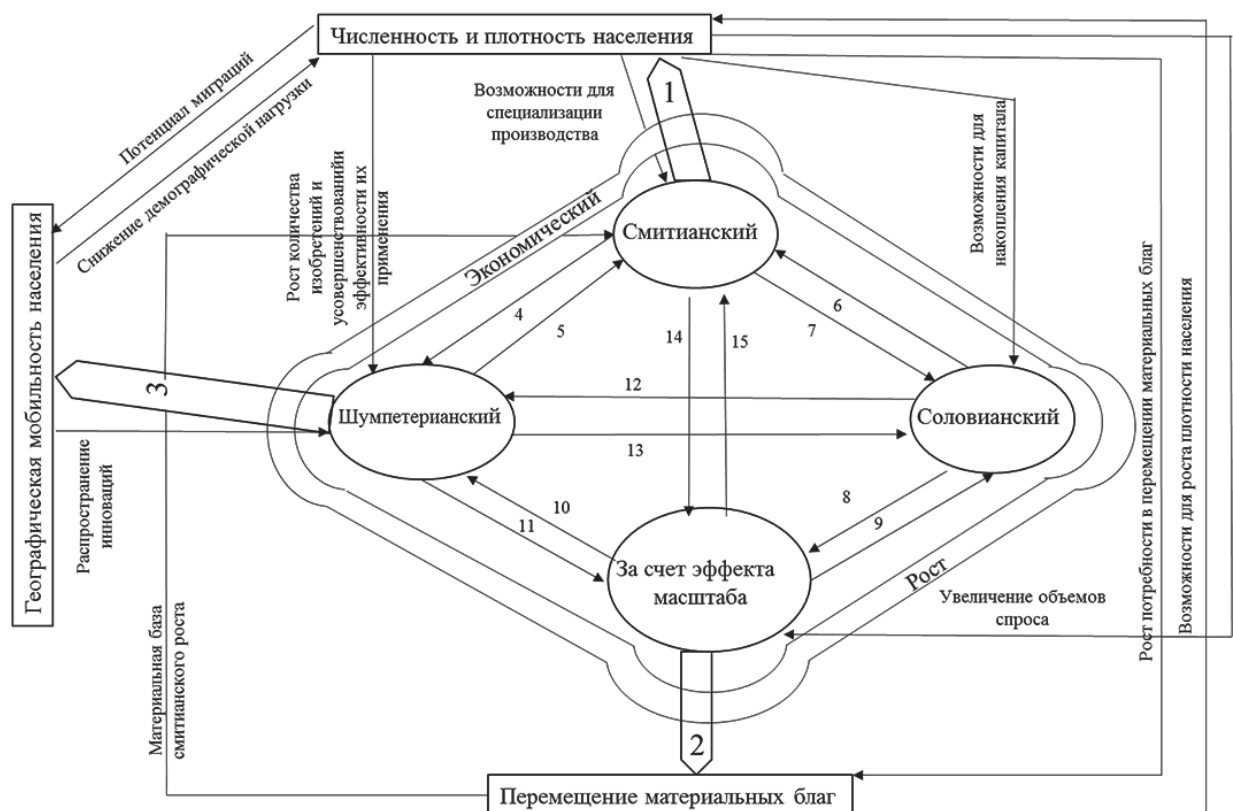

Рис. 1. Взаимосвязь форм экономического роста, численности, плотности и мобильности населения: 1 — возможности для роста численности и плотности населения; 2 — рост потребности в перемещении материальных благ; 3 — новые возможности для географической мобильности населения; 4 — рост эффективности внедрения инноваций; 5 — инновационные возможности развития товарообмена; 6 — возможности для роста товарообмена; 7 — возможности для накопления капитала; 8 — возможности для увеличения масштаба производства; 9 — рост эффективности накопления и концентрации капитала; 10 — рост эффективности внедрения инноваций; 11 — новые возможности для роста масштаба производства; 12 — стимулирование технического прогресса; 13 — повышение капиталотдачи; 14 — стимулирование роста масштаба производства; 15 — рост эффективности специализации производства; и перемещения материальных благ

Источник: разработано автором.

мированию важнейшего института — частной собственности: «Если население растёт, растёт и спрос на землеотводы... возникает необходимость в значительных долговременных инвестициях в благоустройство или мелиорацию земель, создаются предпосылки для возникновения частной собственности на землю, которая обеспечивает земледельцу гарантию его прав на владение этой [благоустроенной] землей ...» [Бозерун, 2004. С. 11].

Следует отметить системный характер взаимосвязи шумпетерианского экономического роста со смитианским и эффектом масштаба. Технический прогресс и инновации дают наибольший эффект при ориентации производства на глобальный рынок, формируемый благодаря развитию торговли и межрегиональной специализации (т.е. смитианскому росту), и крупномасштабном производстве, которое, в свою очередь, тоже требует ориентации на глобальный рынок. При этом особенно важную роль играют транспортные инновации, обеспечивающие снижение издержек перемещения товаров и широкое распространение продукции наиболее эффективных, высокотехнологичных производств, а также свободное передвижение предпринимателей и технических специалистов как проводников инновационного развития [Marshall, 1930; Mokyr, 1990; Мачерет, 2019a].

Взаимосвязи различных форм экономического роста как между собой, так и с численностью и плотностью населения, его географической мобильностью и перемещением материальных благ схематично показаны на рис. 1. Для конкретизации этих взаимосвязей полезно рассмотреть их в историческом контексте.

Исторический анализ

В первобытном, архаическом обществе, основанном на присваивающем хозяйстве, численность населения ограничивалась количеством доступной пищи на соответствующей территории. Рост плотности населения приводил к ухудшению питания, болезням, росту смертности и снижению рождаемости — в итоге к сокращению численности населения [Ляпин, 2007]. Поэтому долговременная плотность населения была относительно стабильной. «Важным механизмом, позволяющим поддерживать стабильную численность популяций, был механизм миграций. <...> Они не только позволяли сохранять неизменную численность и плотность населения в пределах ограниченных территорий, но и вели к освоению новых пространств, что открывало возможности роста населения и распространения человека по всему земному шару» [Вишневский, 2019. С. 40].

При переходе к производящему хозяйству, который начался вскоре (по историческим меркам, конечно) после завершения освоения большей части доступных человеку пространств и был сопряжен с развитием разделения труда, специализации и обмена, допустимая плотность населения кардинально возросла вследствие роста производительности труда, среднедушевого продукта и возможностей для создания запасов пищи [Сусоколов, 2006]. Однако рост плотности населения был ограничен главным комплементарным фактором производства — землей. (Под «землей» следует понимать, по определению Л. фон Мизеса, все «первичные (природные) факторы,.. не связанные с человеческой деятельностью» [Мизес, 2008. С. 596].) Рост плотности населения сверх некоторого оптимального (с точки зрения соотношения с землей) уровня приводил, вследствие действия закона убывающей отдачи, к снижению предельного продукта труда, а следовательно, и среднедушевого продукта: «...чрезмерное народонаселение, благоприятное сначала, становится отрицательным фактором, когда демографический рост происходит быстрее, чем рост экономический... Следствием этого становились голод... чудовищные эпохи регресса», демографические катастрофы [Бродель, 2008. С. 49]. Это и есть, по определению Г. Кларка [Clark, 2007], «мальтузианская ловушка», державшая в тисках человечество на протяжении многих тысячелетий.

В традиционном аграрном обществе границы этой «ловушки» постепенно расширялись за счёт совершенствования технологий обработки земли, появления новых высокоурожайных сортов растений и т.п. Показателен пример средневекового Китая. В эпоху Тан (VII–IX вв.) демографический «потолок» составлял около 50 млн человек, и его превышение вызывало жестокие кризисы, в том числе и массовую гибель населения от голода, эпидемий и вооруженных конфликтов [Уваров, Рябинин, 2019]. В эпоху Сун, когда, по некоторым оценкам, в Китае начался процесс ранней модернизации [Васильев, 2020], к началу XII в. этот «потолок» поднялся примерно до 100 млн человек, благодаря «аграрной революции», выразившейся «в освоении целинных земель и, главное, в распространении новых сортов... риса и передовой технологии рисосеяния» [Уваров, Рябинин, 2019. С. 125]. На этом уровне демографический «потолок» продержался несколько столетий, причем в периоды голода, эпидемий и вооруженных конфликтов население сокращалось до практически вдвое меньшего уровня. И лишь при династии Цин, установившейся в середине XVII в., благодаря интенсификации обработки земли и улучшению агротехнических приемов, а также распространению новых сельскохозяйственных культур, завезенных из Америки, возникли условия для беспрецедентного роста населения: оно «стало стремительно увеличиваться с конца XVII в.» [Бродель, 2008. С. 174], и «на рубеже XVIII — XIX вв. в Китае насчитывалось около 300 млн человек» [Васильев, 2005. С. 407]. Схожие процессы происходили и в Европе, причем там демографический «потолок» сохранялся с античных времен до начала Великих географических открытий (рис. 2).

Рис. 2. Динамика численности населения Европы и уровня социального развития Западного исторического центра

Источник: составлено по данным [Нуреев, 2017; Morris, 2010].

Показательна связь численности населения Европы и уровня социального развития, оцененного И. Моррисом¹. Их возрастания и падения практически синхронны. Но при этом уровень социального развития менее волатилен, чем численность населения — социальные достижения относительно устойчивы, они постепенно накапливаются, что и является основой долгосрочного прогресса развития общества и экономики.

Следует сфокусировать внимание на механизмах влияния численности и плотности населения на экономическое и социальное развитие, начиная с самых ранних этапов истории человечества. Уже в период первобытного, архаического общества рост численности и плотности населения (насколько это было возможно с учетом ограничений природной

¹ Уровень социального развития учитывает следующие параметры: потребление энергии, урбанизацию, информационные технологии и военную мощь [Morris, 2010].

среды) приводил к увеличению количества локальных групп (родов, общин). Ведь число членов *каждой* из них было ограничено, колеблясь «в пределах от десятка до нескольких десятков человек», при этом «численность примерно в 25 человек иногда рассматривают даже как некую константу, оптимальную величину, при приближении которой обеспечивались наилучшие условия существования локальной группы собирателей и охотников» [Вишневский, 2019. С. 39]. Поскольку эти локальные группы жили по соседству, существовала не только возможность контактов и обмена материальными благами, но и их необходимость. Такие контакты и обмен могли быть *необходимым* условием расселения в «местах по соседству», где могло не хватать каких-то материальных благ, которые требовались «от случая к случаю» [Хайек, 1992. С. 74]. (Следует заметить, что это условие освоения новых мест обитания сохранялось и при производящем хозяйстве — например, при заселении предгорий, где недостаток пищевых ресурсов искупался наличием руды, древесины и хорошими возможностями для овцеводства [McNeil, 1963].)

Рост количества локальных групп и контактов между ними создавал «возможности для накопления и закрепления технических усовершенствований», но при этом «возрастала нагрузка на «единицу угодий»... возникала необходимость более эффективного их использования» [Сусоколов, 2006. С. 87]. Эта необходимость реализовывалась посредством технологических инноваций, позволяющих более эффективно использовать ресурсы, имеющиеся на данной территории, в том числе и расширять круг используемых ресурсов. Технологические изменения вели к изменениям в социальной организации. Среди них следует выделить:

- ▶ «*возрастание роли территориальных общин* по сравнению с родовыми» вследствие необходимости закрепления ограниченных земельных ресурсов «за конкретной территориальной группой»;
- ▶ возникновение «*ситуации ролевой напряженности*», связанной с одновременной принадлежностью человека и к родовой, и к локальной территориальной общине, «требования которых часто не только различались, но и прямо противоречили друг другу», что создавало необходимость индивидуального выбора, формируя личностное начало;
- ▶ «*формирование и развитие престижной экономики*», основанной на дарообменных отношениях [Сусоколов, 2006. С. 88].

Последний аспект надо рассмотреть более подробно, в контексте общей эволюции процессов распределения и обмена материальных благ и влияния на неё численности и плотности населения.

В малых группах первобытных собирателей и охотников, где практически весь добываемый продукт был жизнеобеспечивающим, можно обходиться так называемыми разборно-распределительными отношениями, при которых весь добытый любым представителем группы продукт распределялся между всеми её членами на основе уравнительности (с учетом ролевых функций каждого из них) [Сусоколов, 2006; Васильев, 2005; Семенов, 2014]. С повышением плотности населения, выразившейся в увеличении числа локальных групп, родов, живших по соседству, и появлением избыточного продукта возник *дарообмен* «между индивидами или группами индивидов, принадлежавших к разным родам» [Сусоколов, 2006. С. 85]. Человек, передавая в дар какое-то материальное благо, тем самым исключал его из распределения внутри своей группы, одновременно получая право на *отдар* — материальное благо, приблизительно равноценное подаренному. «Цепи обмена могли включать в себя десятки людей и простираться на сотни километров» [Семенов, 2014. С. 314–315].

В процессе развития и институционализации дарообмена в качестве его объектов стали выделяться особые виды материальных благ, представлявшие собой *престижные ценности*, употреблявшиеся лишь в ходе специальных ритуалов (например, дарообменных

пиров), либо вообще не имевшие потребительской ценности [Сусоколов, 2006; Семенов, 2014]. Так развитие дарообмена привело к формированию *престижной экономики*, в которой участие в дарообменных цепочках удовлетворяло социальную потребность в престиже и повышало её роль в общей системе человеческих потребностей. Это стало значимым стимулом к труду, повышению его производительности, а кроме того, приводило к специализации разных социумов, участвующих в дарообмене: «...существовала традиция изготовлять одни вещи в одних местах, другие — в других» [Семенов, 2014. С. 321]. Дарообмен стимулировал не только движение материальных благ на значительные расстояния, но и мобильность людей, которые навещали другие группы или специальные места, чтобы совершить обмен. Таким образом, на примере дарообмена и престижной экономики хорошо видны взаимосвязи численности и плотности населения, его мобильности, перемещения материальных благ и социально-экономического развития благодаря качественному росту человеческих потребностей, стимулированию разделения труда, роста его интенсивности и производительности.

Развитие дарообмена имело далеко идущие последствия для хода эволюции процессов распределения и обмена материальных благ и в целом социально-экономического развития. С одной стороны, дарообмен начал приобретать и утилитарный характер — люди стали обменивать материальные блага не только ради престижа, но и «ради получения определённых предметов, которые сами не изготовляли и не были способны изготовить. Так, в рамках дарообмена начал возникать товарообмен. Он долгое время происходил в форме дарообмена и по каналам дарообмена. В дальнейшем товарообмен мог выделиться и обрести самостоятельный характер» [Семенов, 2014. С. 322]. Важность этой трансформации обмена трудно переоценить, ведь именно товарообмен стал основой «расширенного порядка человеческого сотрудничества» (в терминологии Ф.Хайека [Хайек, 1992]) — рыночного, сетевого, последовательно глобализирующегося общества.

С другой стороны, когда институционализация дарообмена превратила его в упорядоченную систему социальных отношений, люди, занимавшие ключевые позиции в этой системе, получили возможность *перераспределять* продукт, созданный другими людьми. Престижное богатство, полученное ими за счёт широких социальных связей, накапливалось и позволяло осуществлять редистрибутивную эксплуатацию, основанную на том, что «средства коллектива и тем более его избыточный продукт оказываются в распоряжении главы группы» [Васильев, 2005. С. 54–55]. В отличие от дарообмена, состоявшего из «множества независимых линий встречного движения продукта» и основанного на принципе квазиэквивалентности обмена, в системе редистрибуции «рядовой человек давал продукт другому человеку, находящемуся в её центре в силу... принадлежности к общине» [Семенов, 2014. С. 391]. Движение от дарообмена к редистрибуции — «путь от эгалитарного общества к ранговому». «Редистрибуция — это, в конечном счёте, прежде всего власть ...» [Васильев, 2005. С. 54, 69].

Таким образом, развитие дарообмена породило как систему горизонтального товарообменного взаимодействия между социумами, так и иерархическую систему «власти-собственности» внутри социумов. Вся последующая социально-экономическая история человечества — это история «противостояния и взаимодействия» редистрибуции и рыночного обмена и, соответственно, «двух моделей социальной организации, авторитарно-иерархической и рыночно-сетевой» [Ясин, Снеговая, 2019. С. 12]. В ней рост численности и плотности населения и его мобильность были значимыми факторами.

Рост численности и плотности населения, начавшаяся урбанизация требовали углубления разделения труда, охватывающего всё бо́льшие территории. Эта задача могла реализовываться как с помощью увеличения масштабов государственной редистрибуции в рамках создававшихся империй («имперский» вариант), так и на основе обеспечения устойчивых рыночных взаимосвязей с удалёнными регионами, в которых создавались

города-колонии, обеспечивающие долговременное торговое партнерство («рыночный» вариант, характерный для Финикии и греческих полисов) [Мачерет, 2019а]. Колонизация была сопряжена с массовыми переселениями жителей метрополий в создаваемые колонии. Так, в период интенсивной греческой колонизации побережья Средиземного и Черного морей, послужившей ответом на «демографический взрыв» в стране в VIII–VI вв. до н.э., «было создано несколько сотен колоний с общим населением в 1,5–2 млн человек» [Вишневский, 2019. С. 234]. Что касается «имперского варианта», то в его рамках практиковались массовые насильственные переселения людей [Берёзкин, 1991; Васильев, 2005] с целью решения социально-политических и хозяйственных задач в интересах правящей иерархии.

Редистрибуция и рыночный обмен были не только альтернативами, но и дополняли друг друга [McNeil, 1963; Polanyi, 1957]. Даже в империи инков, где редистрибуция была всеобъемлющей, в относительно периферийных районах сохранялись реликты рыночной торговли, служившие прежде всего для удовлетворения потребностей империи в заморских товарах [Берёзкин, 1991]. В то же время, например, в Римской империи, вобравшей в себя все Средиземноморье, был достигнут весьма высокий уровень развития рыночного обмена, однако в поздний период её существования огромное влияние приобрела редистрибуция [Polanyi, 1957].

Сочетание редистрибуции и рыночного обмена позволило в рамках развития традиционного аграрного общества в течение нескольких тысячелетий обеспечивать постепенный прогресс в разделении труда, кумулятивное накопление технологических улучшений и повышение демографического «потолка». Благодаря этому, несмотря на случавшиеся демографические катастрофы, стал возможен долгосрочный рост численности и плотности населения: если к моменту зарождения древнейших цивилизаций мировое население составляло порядка 20 млн человек, то в позднем Средневековье оно превышало 400 млн человек [Вишневский, 2019]. А ведь «только при относительно высокой плотности населения» становились возможными «урбанизация и переход к товарному сельскохозяйственному производству» [Бозеруп, 2004. С. 7], что имело ключевое значение для социально-экономического развития. Однако в рамках аграрного общества шло лишь постепенное смягчение демографических ограничений. Реальный рост численности населения периодически утыкался в «демографический потолок». Угроза перенаселения и голода довлела над человечеством вплоть до XIX в., когда она была теоретически осмыслена Т. Мальтусом.

Следует отметить, что история экономического развития до промышленной революции демонстрирует в основном сочетание (в разных «пропорциях») трёх типов экономического роста — смитианского, соловианского и шумпетерианского. Часто доминировали один или два типа роста. Например, в экономике Древней Греции был достигнут «интенсивный рост, основанный на... разделении труда... торговле... а также технологических нововведениях» [Кембриджская история..., 2021а. С. 76], т.е. смитианский рост сочетался с шумпетерианским. Экономический рост в Древнем Риме был основан на торговле, региональной специализации и межрегиональном обмене, т. е. носил преимущественно смитианский характер, но подкреплялся значительными объёмами капитала, причём не только оборотного, но и основного, воплощенного, в том числе, в крупных общественных проектах (т. е. соловианским ростом). В период Средневековья наиболее успешным развитие было в Китае и Западной Европе, где активно сочетались три типа роста — смитианский, шумпетерианский и соловианский. Неслучайно к 1500 г., по оценкам Мэддисона [Maddison, 2007], подушевой ВВП и в Китае, и, в ещё большей степени, в Западной Европе превышал среднемировой уровень. Однако в источниках роста была существенная разница, обусловленная институциональными различиями. Так, в Китае соловианский рост был во многом связан с государственными инфраструктурными проектами, а в Западной Европе — с частными инвестициями богатых горожан и землевладельцев [Кембриджская история...,

2021a]. Институциональные ограничения затормозили как смитианскую, так и шумпетерианскую составляющие экономического роста в Китае, не стимулируя предпринимателей к производственным инвестициям и инновациям, а сдерживая их активность, что в итоге привело страну к длительному экономическому застою и отставанию [Мокыр, 1990; Бродель, 2008; Уваров, Рябинин, 2019, Мачерет 2019a].

Общая черта экономического роста допромышленных экономик — отсутствие значимого эффекта масштаба. Даже в экономике Нидерландов — самой передовой экономике мира в XVI–XVII вв., сохранявшей лидерство по ВВП на душу населения и в начале XIX в. [Maddison, 2007], эффект масштаба был крайне мал: «Вплоть до конца XVIII века, а во многих областях даже до середины XIX века, в производстве преобладали предприятия малого бизнеса... с двумя или тремя наемными рабочими... Фирмы, нанимавшие десять или двадцать рабочих, были редки» [Кембриджская история..., 2021a. С. 443]. Практически отсутствовавший рост на основе эффекта масштаба не давал реализовать в полном объеме взаимодействие всех форм экономического роста (см. рис. 1), что ограничивало его динамику. В тех же Нидерландах среднегодовые темпы прироста ВВП в период 1500–1820 гг. оцениваются в 0,56%, а подушевого ВВП — вдвое ниже [Maddison, 2007].

В силу взаимосвязи демографического и экономического роста низкие темпы последнего в допромышленной экономике не только ограничивали увеличение численности населения, но и сами были ограничены из-за её относительно низкого уровня, сдерживавшего объёмы рынков и масштаб производства, технико-технологические инновации и ограничивающего возможности для накопления капитала (см. рис. 1). Только индустриализация конца XVIII–XIX вв. разорвала этот порочный круг. Следует отметить, что это предвещал динамичный рост населения Европы в предшествующие три столетия. Если в 1500 г. оно составляло 69 млн человек, практически на уровне античного периода (см. рис. 2), то в 1650 г. — 100 млн человек, а в 1750 г., в преддверии промышленной революции, — 140 млн человек. «Первоначальный импульс [для ускорения социально-экономического развития Западной Европы] был связан с расширением рынков в связи с ростом населения... и развитием внутренней и внешней торговли» [Нуреев, 2017. С. 235]. Другими словами, этим импульсом стало взаимное влияние роста численности и плотности населения, смитианской формы экономического роста и перемещения материальных благ (что важно — в форме рыночного обмена, а не редистрибуции).

Примечательно, что лидером по росту численности населения и уровня урбанизации в Европе в этот период была Англия, ставшая впоследствии пионером индустриализации [Clark, 2007; Нуреев, 2017]. В свою очередь, объективной основой для бурного роста населения Англии (с 1500 по 1800 гг. оно возросло более чем в 3,5 раза) стали инновации в сельском хозяйстве, позволившие увеличить урожайность зерновых более чем в полтора раза, значительно превысив уровень континентальной Европы, а также обеспечить высокую производительность труда сельскохозяйственных работников. Это способствовало как обеспечению относительно низкого уровня цен на продовольствие, так и высвобождению рабочей силы для мануфактурного, а впоследствии фабричного производства [Нуреев, 2017].

Заслуживающим внимание представляется и то, что к концу XVIII в. завершился длительный процесс освоения и консолидации европейского пространства, продолжавшийся в течение всего Средневековья: внутриевропейские миграции, введение в сельскохозяйственный оборот пустующих земель, формирование густой сети городов [Ливи Баччи, 2010]. Для обеспечения дальнейшего роста населения требовалось, чтобы пространство перестало быть сдерживающим фактором, и это было достигнуто благодаря развернувшейся в Англии, а затем и в континентальной Европе промышленной революции. Здесь возникает аналогия с неолитической революцией, начавшейся после завершения освоения земных пространств группами собирателей и охотников.

Важнейшую роль в формировании условий для промышленной революции сыграли новые транспортные возможности. Так, грузоподъемность мирового торгового флота, по имеющимся оценкам, возросла с конца XV в. (преддверия Великих географических открытий) до конца XVIII в. (преддверия промышленной революции) более чем в 12 раз [Могилевкин, 2005]. Благодаря этому сформировалась географически диверсифицированная экономика, открывавшая широкие возможности для реализации сравнительных преимуществ различных регионов, обеспечивающая рост зарплаток и стимулирующая технический прогресс [Мачерет, 2019а]. При этом чрезвычайно важна была синергия институциональных и транспортных факторов, прежде всего проявившаяся в Англии — лидере индустриальных преобразований [Мачерет, Епишкин, 2017].

В промышленной революции, позволившей человечеству преодолеть мальтузианские ограничения и вступить в эпоху современного экономического роста, ключевую роль сыграл один из ее элементов — революция транспортная [Rosenberg, Birdzell, 1986], и прежде всего синергия парового и железнодорожного сообщения. В результате использования новых транспортных средств и технологий, обеспечивавших регулярное, быстрое и кардинально более дешевое перемещение материальных благ в гораздо больших, чем ранее, объемах, расширялись рынки сбыта, становилось выгодным увеличивать масштаб производства и внедрение инноваций. Тем самым создавались новые возможности для накопления капитала, которые, в свою очередь, позволяли создавать с применением инновационной высокопроизводительной техники крупномасштабные производства, обеспечивающие растущий спрос на глобальном рынке. Ускорение экономического роста достигалось за счёт синергии всех его форм и повышения объёмов и качественных параметров перемещения материальных благ. Важно, что эти перемещения осуществлялись в рамках не редистрибуции, а именно рыночного обмена. Роль рынков в XIX в. стала беспрецедентно высокой [Polanyi, 1957]; на основе свободного товарообмена, принявшего планетарный масштаб, «возникла глобальная экономика — либеральный экономический миропорядок» [Лал, 2009. С. 28].

Таким образом, лишь со снятием транспортных ограничений люди и товары смогли свободно перемещаться, были накоплены достаточные объёмы капитала и созданы инновационные технологии. В достаточной степени был реализован эффект масштаба, а значит, появилась возможность осуществления взаимостимулирующего взаимодействия *всех* форм экономического роста. Это открыло дорогу индустриализации и эпохе современного экономического роста.

Благодаря кардинальному, порядковому ускорению темпов экономического роста — с нескольких десятых процента до нескольких процентов в год — стало возможным, в отличие от аграрной «мальтузианской» экономики, одновременное динамичное увеличение как численности населения, так и подушевого ВВП (табл. 1). При этом «рост населения стал причиной положительных изменений в «масштабах» развития, укрупнение рынков повлекло за собой формирование больших инфраструктур, возникновение специализации и накопление знаний, что сделало возможным новые технологии» [Ливи Баччи, 2010. С. 256].

Развивавшиеся быстрыми темпами транспортные сообщения были материальной основой не только глобального товародвижения, но и географической мобильности населения. По имеющимся оценкам, глобальные миграционные потоки за период между 1846 г. и 1940 г. составили от 149 до 161 млн человек [Вишневицкий, 2019]. «Мобильность благоприятствовала оптимальному размещению человеческих ресурсов по территориям, что также стимулировало развитие» [Ливи Баччи, 2010. С. 256]. При этом человеческие ресурсы играли всевозрастающую роль в модернизируемой экономике. В отличие от аграрного общества, где решающее значение имели «первичные природные факторы», а чрезмерный рост численности населения приводил к падению предельного продукта труда и, соответственно,

Таблица 1

Изменение ключевых показателей социально-экономического развития в результате индустриализации XIX — начала XX в.

Показатели	1820 г.	1913 г.	Темп роста, раз
Численность мирового населения, млн чел.	1041,7	1791,1	1,72
Мировой подушевой ВВП, междунар. долл. 1990 г. / чел.	667	1526	2,29
Суммарная грузоподъемность торгового флота (в сопоставимом виде — в пересчёте на эквивалент парусных судов), тыс. т	5880	171000	29,08
Протяжённость мировой сети железных дорог, тыс. км	0,4*	1102	2755

*Данные за 1830 год (первая железная дорога в мире построена в 1825 г.)

Источник: составлено по данным [Maddison, 2007; Могилевкин, 2005; Сотников, 1993].

к снижению ценности человеческого капитала, в обществе модерна, сформировавшемся в результате индустриализации, обеспечивается рост ценности человеческого капитала при увеличении численности населения. Ведущую роль в экономическом развитии теперь играет высококвалифицированный труд, оснащенный возрастающими объёмами капитала, воплощенного в постоянно совершенствуемых технических средствах, а земля представляет собой уже не столько «первичный фактор производства», сколько ресурс, преобразованный квалифицированным трудом, капиталом и инновационными технологиями. При этом повышается *эластичность ресурсного обеспечения* экономического роста. Еще до исчерпания одних критически важных ресурсов они начинают замещаться другими, а затем ресурсная база вновь обновляется. Так, если основой индустриализации XIX в. было замещение древесного угля каменным, то затем уголь стал замещаться нефтью и газом, а теперь на смену углеводородам постепенно приходят возобновляемые источники экологически чистой энергии [Smil, 2017]. Тем самым открыт источник практически безграничного роста общественного богатства, главной и растущей составляющей которого стал человеческий капитал [Капелюшников, 2013], увеличивающийся под воздействием как роста населения, так и повышения ценности человеческого капитала индивидов. Причем вторая составляющая в современных условиях приобрела главное значение.

Повышение ценности человеческого капитала тесно связано и с мобильностью населения, и с перемещением материальных благ. На её рост (естественно, помимо повышения уровня образования, квалификации и т.п.) влияют:

- ▶ перемещение людей туда, где ценность их трудовых навыков оценивается более высоко;
- ▶ перемещение товаров в регионы, в которых их ценность выше, что повышает ценность человеческого капитала их производителей;
- ▶ специализация производства и углубление разделения труда, также достигаемые благодаря обмену, перемещению товаров и позволяющие повысить эффективность труда и ценность человеческого капитала.

Благодаря развитию глобального рынка, углубление разделения труда и специализации производства достигло беспрецедентного уровня, что позволило обеспечить долгосрочные высокие темпы роста численности населения и ещё более высокую динамику ВВП. В целом за два столетия эпохи современного экономического роста среднегодовой темп прироста численности населения составлял около 1%, в то же время среднегодовой темп прироста ВВП — свыше 2% [Maddison, 2007]. При этом уровень крайней бедности и детской смертности снизился на порядок, а образовательный уровень возрос почти в 9 раз [Уринсон, 2018].

Существенная неравномерность не только доходов, но и качества жизни между мировыми регионами и отдельными странами стимулирует дальнейший рост географической мобильности населения. «В конце XX — начале XXI в. международные миграции достигли небывалых в истории масштабов. В 2017 г. общее накопленное число мигрантов в мире оценивалось в 258 млн человек...» [Вишневецкий, 2019. С. 255]. Важно, что эта мобильность, в отличие от древних переселений, носит индивидуальный характер: «...в подавляющем большинстве случаев многомиллионные миграционные потоки формируются на основе принятого каждым мигрантом индивидуального решения» [Вишневецкий, 2019. С. 256]. Такой характер миграций, как и развитие глобального товарообмена — важная характеристика современного сетевого общества.

Сформировавшиеся в настоящее время демографические тенденции — снижение рождаемости вслед за ранее снизившейся смертностью — позволяют прогнозировать, что начавшийся в эпоху промышленной революции «демографический взрыв будет затухать, рост мирового населения замедлится или прекратится, а возможно, начнется и его сокращение» [Вишневецкий, 2019. С. 297]. В то же время сохраняется тенденция повышения плотности населения, связанная с продолжением урбанизации: «...после 1995 г. рост мирового населения осуществляется исключительно в форме прироста городского населения, в первую очередь мегаполисов». В результате «в 2009 г. городское население Земли сравнялось с сельским,.. к 2050 г. доля горожан вырастет до 66%, а в 2100 г. — до 85%» [Мартьянов, 2019. С. 175, 173]. Этот процесс, напрямую связанный со стремлением индивидов повысить ценность своего человеческого капитала и получить от него большую отдачу, стимулирует экономический рост. Если в архаическом и традиционном обществе, в условиях «мальтузианской экономики», люди мигрировали прежде всего на свободные земли, чтобы получить доступ к большим объемам природных ресурсов, то в обществе модерна основой для роста благосостояния стала возможность эффективного взаимодействия с другими людьми. Наилучшим образом она может быть реализована в мегаполисах и городских агломерациях. Подтверждением этого является то, что в крупнейших городах, концентрирующих 20% мирового населения, производится около половины мирового ВВП [Мартьянов, 2019]. Примечательно видение будущего социально-экономического устройства в качестве планетарной сети крупных городов, связанных глобальными цепями поставок [Khanna, 2016], в рамках которой «будет формироваться и расти сложная сетевая структура взаимодействий как узкопрофильных, так и универсальных не только крупных, но и средних и даже малых компаний Европы и Северной Америки, а также Азии, Африки и Южной Америки» [Уринсон, 2018. С. 18].

Количественный анализ

Временной охват настоящего исследования, включающий, практически, всю экономическую историю человечества, начиная с первобытного присваивающего хозяйства, крайне ограничивает возможность использования количественных оценок, так как экономические данные, относящиеся к большей части рассматриваемого периода, если они вообще есть, скудны, отрывочны и недостаточно достоверны [Кембриджская история..., 2021a]. Поэтому внимание было сфокусировано на историческом анализе с преобладанием качественных оценок. Тем не менее имеющиеся реконструкции макроэкономических показателей за два последних тысячелетия и данные экономической и транспортной статистики XIX–XX вв. позволяют дополнить качественное исследование некоторыми количественными оценками. Так, оценка корреляции между темпами прироста ВВП и численности (а соответственно, и плотности) населения (табл. 2) свидетельствует о весьма тесной взаимосвязи между этими показателями (за исключением отдельных периодов).

Таблица 2

Теснота связи динамики экономического роста и динамики численности населения (ранговая корреляция)

Период времени, годы	Корреляция между темпами прироста ВВП и численности населения			Корреляция между темпами прироста подушевого ВВП и численности населения		
	Весь мир	Западная Европа	Мир за пределами Западной Европы	Весь мир	Западная Европа	Мир за пределами Западной Европы
1–1000	0,985	0,983	0,979	0,385	0,629	–0,021
1000–1500	0,922	0,965	0,968	0,500	0,235	0,707
1500–1820	0,724	0,922	0,501	0,024	0,271	–0,458
1820–1870	0,781	0,646	0,866	0,476	0,175	0,511
1870–1913	0,798	0,693	0,882	0,485	0,120	0,782
1913–1950	0,589	0,514	0,509	0,070	0,218	–0,018
1950–1973	0,072	–0,710	0,264	–0,472	–0,222	–0,245
1973–2003	0,759	0,616	0,633	0,022	0,317	–0,036

Источник: рассчитано по: [Maddison, 2007].

То, что в аграрных обществах экономический рост определялся прежде всего численностью населения, согласуется с традиционными представлениями о его в основном экстенсивном характере в «мальтузианской» экономике. Примечательна существенная положительная корреляция между динамикой *подушевого* ВВП и численности населения (особенно — за пределами Западной Европы) в отдельные периоды, например в первой половине второго тысячелетия. Это можно интерпретировать как подтверждение наличия «мальтузианских сингулярностей»: возрастания в отдельные периоды до эпохи современного экономического роста как плотности населения, так и потребления на душу населения, то есть наложения интенсивного экономического роста на экстенсивный [Кембриджская история..., 2021a; Jones, 1988].

При этом, хотя в последней четверти XX в. теснота связи между темпами прироста ВВП и численности населения повысилась (но не восстановилась на прежних уровнях), корреляция между динамикой *подушевого* ВВП и численности (плотности) населения в последнем столетии была, как правило, крайне низка и причем нередко отрицательна. Это можно объяснить тем, что в условиях произошедшей модернизации экономики и общества экономическое развитие и общественное благосостояние стимулируются не ростом средней плотности населения самой по себе, а её повышением в рамках урбанизации.

Из полученных результатов можно сделать вывод, что уже происходящее замедление и даже возможное прекращение в будущем роста мирового населения не должно привести к снижению среднего уровня благосостояния. Но для того, чтобы он продолжал расти, необходимы обеспечение высокой мобильности населения и оптимизация его территориального размещения, включая развитие удобных для жизни и эффективной деятельности мегаполисов и агломераций. А это сопряжено с развитием транспорта, обеспечивающего быстрое и комфортное перемещение людей, а также интенсивные материальные потоки [Гольц, 2002; Khanna, 2016].

Следует отметить, что развитие транспорта сыграло значимую роль уже с самого начала основанных на индустриализации модернизационных процессов, развернувшихся прежде всего в Великобритании — лидере первой промышленной революции, где было обеспечено взаимодействие всех форм экономического роста (табл. 3).

Таблица 3

Долгосрочная динамика плотности населения и важнейших показателей экономического роста Великобритании (1913 год = 100)

Показатели	1700	1760	1780	1800	1840	1870	1913	1938	1950	1973	1980	1990
Плотность населения	19,2	24,2	27,7	33,8	57,5	68,5	100,0	111,5	118,3	131,9	132,1	134,7
Сельскохозяйственное производство	27,0	38,7	39,7	46,0	73,3	105,0	100,0	111,5	140,1	248,7	276,0	301,0
Промышленное производство	1,6	2,5	3,3	5,1	17,2	41,6	100,0	168,8	219,7	430,0	401,6	495,0
ВВП	5,0	7,5	8,6	11,2	24,8	48,0	100,0	130,1	160,2	317,7	340,5	428,9
Физический объём экспорта	0,34	0,92	0,75	2,09	7,53	32,2	100,0	57,8	88,3	227,2	292,0	402,7
Основной производственный капитал	4,3	6,5	7,3	9,4	18,6	41,2	100,0	152,4	162,7	511,3	640,1	862,6
В том числе машины и оборудование	...	2,5	3,1	4,5	10,8	31,0	100,0	258,5	313,3	1045,1	1266,9	1629,2

Источник: составлено по [Мельянцев, 1996].

Динамику физического объёма экспорта можно рассматривать как ключевую характеристику смитианского роста, динамику основного производственного капитала — соловианского, а капитала, воплощенного в машинах и оборудовании (которые претерпевали качественное совершенствование [Мокур, 1990; Smil, 2017; Кембриджская история..., 2021b]) — шумпетерианского. В то же время высокая динамика основного производственного капитала, включая машины и оборудование (доля которых в общем в объёме производственного капитала возросла с 15,8% в 1760 г. до 23,6% в 1840 г. и 40,5% — в 1913 г.), свидетельствует и о росте за счёт эффекта масштаба производства. Примечательно, что к началу промышленной революции в Великобритании, которое условно можно отнести к 1780 г., уже была высокая и динамично растущая плотность населения, базирующаяся на высокопроизводительном сельском хозяйстве [Кембриджская история..., 2021a].

Важную роль для начала индустриализации имел высокий уровень развития транспорта. По грузоподъемности британский торговый флот в 1780 г. более чем на 40% превышал французский и более чем вдвое — голландский [Могилевкин, 2005]. Одновременно динамично развивался внутренний транспорт — только за период с 1750 г. протяжённость мощеных дорог возросла в 4,7 раза, судоходных водных путей (рек и каналов) — в 2,3 раза [Мачерет, 2019a]. Это существенно облегчало и удешевляло движение товаров и людей, создавало основу для эффективного обмена и специализации, т. е. для смитианского экономического роста. Его ускорение после 1780 г., проявившееся в динамике физического объёма экспорта, стимулировало накопление капитала, увеличение масштабов производства и технологическое развитие. Все это выразилось в ускорении роста производственного капитала, в том числе воплощенного в машинах и оборудовании после 1800 г. Дальнейшая динамика экономического роста была поддержана синергией развития железнодорожного транспорта и паровозного сообщения [Мачерет, Валеев, Кудрявцева, 2018; Могилевкин, 2005].

Таким образом, на примере Великобритании видно взаимодействие всех типов экономического роста, стимулируемое развитием транспортных сообщений и тесно связанное

с динамикой плотности населения (впрочем, как следует из таблицы 2, связь экономического роста с плотностью населения с 1970-х гг. ослабевает: плотность населения стабилизируется при сохранении высокой динамики макроэкономических показателей). В той или иной форме это взаимодействие обеспечивалось и в других странах, вовлекавшихся в процессы индустриальной модернизации.

При этом, рассматривая экономическое развитие с 1830-х гг. до Первой мировой войны, ряд авторов особо подчеркивают роль железных дорог [Cameron, 1993; Rosenberg, Birdzell, 1986; Гольц, 2000]. Эта позиция вполне обоснована. В работах [Мачерет, 2011; Мачерет, Валеев, Кудрявцева, 2018] на основе межстранового сравнения выявлено существенное влияние развития железнодорожной сети в ходе индустриализации XIX — начала XX вв. на уровень и темпы экономического развития. В этот период в ведущих экономиках мира ускорение экономического роста следовало за динамикой сооружения железных дорог, а лидерство по развитию сети железных дорог и уровню развития экономики совпадали. Коэффициент корреляции между долей страны в мировом ВВП и в мировой железнодорожной сети накануне Первой мировой войны составил 0,688.

Появление железных дорог было прорывом в возможностях повышения географической мобильности людей и материальных благ, так как в дожелезнодорожную эпоху она ограничивалась, прежде всего, дороговизной, низкой скоростью и ненадёжностью сухопутного транспорта [Чупров, 1875; Загорский, 1930]. Поэтому для анализа влияния новых возможностей перемещения на экономическое развитие представляет интерес сопоставление динамики промышленного производства и протяжённости железнодорожной сети в период глобального распространения индустриализации (табл. 4). Примечательно, что в мире в целом протяжённость сети железных дорог в рассматриваемый период устойчиво росла динамичнее, чем промышленное производство, что подтверждает закон опережающего развития транспортной инфраструктуры [Мачерет, 2018].

Таблица 4

Динамика промышленного производства и протяжённости сети железных дорог в ведущих экономиках и мире в целом в 1860-1913 гг. (1860 г. = 100)

Год	Германия		Великобритания		Франция		Россия		США		Весь мир	
	Промышленное производство	Сеть железных дорог	Промышленное производство	Сеть железных дорог	Промышленное производство	Сеть железных дорог	Промышленное производство	Сеть железных дорог	Промышленное производство	Сеть железных дорог	Промышленное производство	Сеть железных дорог
1860	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1870	129	168	129	149	131	188	163	684	138	211	136	194
1880	179	291	156	172	165	275	213	1441	213	374	186	345
1890	286	369	182	192	215	387	338	1976	488	666	307	572
1900	464	442	232	210	254	449	763	3427	675	772	429	732
1913*	714	526	294	224	385	518	1250	4288	1250	963	714	954

* Для сети железных дорог — 1910 г.

Источник: составлено и рассчитано по [Миронов, 2018; Столетие железных дорог..., 1925; Сотников, 1993].

Интересно, что в Германии, которая изначально существенно уступала Великобритании по уровню обеспеченности территории и населения железными дорогами (выражаемому коэффициентом Энгеля²), затем гораздо быстрее развивалась сеть железных дорог, а начиная с 1890-х гг. динамика промышленного производства превзошла темпы роста сети железных дорог. Это свидетельствовало о достижении высокого уровня обеспеченности экономики железнодорожной инфраструктурой, позволявшей поддерживать динамичный рост производства. В США то же самое произошло в начале XX в., когда они стали лидером не только по общей протяжённости железнодорожной сети, но и по уровню обеспеченности железными дорогами.

В России, где абсолютная протяжённость железных дорог в 1860 г. была на порядок ниже, чем в Великобритании, а с учетом обширной территории — крайне незначительной, «насыщения» железнодорожной инфраструктурой не было достигнуто в течение всего рассматриваемого периода: очень высокие темпы промышленного роста обеспечивались при ещё более высоких темпах строительства железных дорог. При этом в 1860–1870-е гг., когда динамика строительства железных дорог была уже весьма высокой, но общая протяжённость и, тем более, плотность сети — ещё небольшой, динамика ВВП была невелика и отставала от роста численности населения [Мачерет, 2012]. После того, как к 1880 г. был достигнут критически важный уровень транспортной обеспеченности (сеть железных дорог соединила все основные регионы Европейской части России между собой и с портами, а значит, с мировым рынком, при этом уровень густоты сети превысил 2 км на 10 тыс. человек, что сопоставимо с современным — около 6 км на 10 тыс. человек), экономический рост и социальное развитие приобрели новое качество. Во-первых, был обеспечен устойчивый, причем ускоряющийся прирост ВВП на душу населения, а, во-вторых, существенно ускорился рост Индекса развития человеческого потенциала [Мионов, 2012].

Примечательно сопоставление динамики экономического развития и численности населения с развитием железнодорожных перевозок и транспортной подвижностью населения в годы предвоенной модернизации Российской империи (табл. 5), осуществлявшейся в условиях значимых институциональных преобразований [Давыдов, 2017], что создавало синергетический эффект [Мачерет, Епишкин, 2017]. Существовала не только высокая корреляция роста ЧНП с ростом численности (плотности) населения (0,880), но и положительная корреляция роста подушевого ЧНП и численности населения (0,430).

При этом рост численности населения был тесно связан с увеличением эксплуатационной длины сети железных дорог (0,943). Это были не просто параллельно развивавшиеся, а сущностно взаимозависимые процессы. Во-первых, развитие железнодорожной сети способствовало повышению общего объёма производства и дохода (корреляция между ЧНП и эксплуатационной длиной железных дорог составляла 0,739, содержательно это воздействие раскрыто в: [Мачерет, 2012; Мачерет, Епишкин, 2017; Мачерет, Валеев, Кудрявцева, 2018]). Во-вторых, строительство железных дорог в регионах перспективного освоения стимулировало миграцию в эти регионы и, соответственно, рост там плотности населения, одновременно ослабляя демографическое давление в регионах с высокой плотностью населения. Так, только в период с 1900 г. по 1909 г. численность населения в регионе тяготения Сибирской железной дороги (Транссиба) возросла почти в полтора раза — с 5,8 до 8,7 млн человек [Могилевкин, 2005] (около 12% от общероссийского прироста населения в указанный период). В-третьих, рост населения и стимулируемый им рост производства делали экономически обоснованным дальнейшее развитие железнодорожной сети.

Важно было не только расширение железнодорожной сети, но и все более интенсивное её использование. Увеличение пассажирооборота существенно опережало как рост

² Коэффициент Энгеля определяется как отношение протяжённости сети путей сообщения к квадратному корню из произведения площади территории и численности населения.

Таблица 5
Динамика показателей экономического развития, протяжённости железных дорог, численности и транспортной подвижности населения Российской империи в годы предвоенной модернизации

Годы	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
1. Чистый национальный продукт (ЧНП), млн руб.*	13327	13869	15293	14438	16196	14646	14184	13915	15452	16623	18194	17126	18953	20266
2. Население, млн чел.	133	135	137	139	141	144	146	149	153	157	161	164	168	171
3. НП на душу населения, руб.*	100,2	102,7	111,6	103,9	114,9	101,7	97,2	93,4	101,0	105,9	113,0	104,4	112,8	118,5
4. Эксплуатационная длина магистральных железных дорог (без учета второстепенных), тыс. км	53,0	56,2	57,3	58,1	59,4	60,8	63,4	65,1	65,5	65,9	66,1	66,8	67,6	69,0
5. Пассажирооборот железных дорог, млрд пасс-км	9,7	10,2	10,7	11,5	11,3	10,3	11,7	13,9	14,6	15,6	17,2	18,5	20,1	22,3
6. Подвижность населения при перемещении по железным дорогам, пасс-км/чел.	72,9	75,6	78,1	82,7	80,1	71,5	80,1	93,3	95,4	99,4	106,8	112,8	119,6	130,4

* в ценах 1913 г.

Источники: составлено и рассчитано по [Россия накануне..., 2017; Сотников, Левин, Алексеев, 2007; Михальцев, 1926].

протяжённости железных дорог, так и динамику численности населения. Таким образом, возростала железнодорожная мобильность (подвижность) населения, что оказывало существенное позитивное воздействие на рост производства и доходов. Это подтверждается не только высокой корреляцией между ЧНП и подвижностью населения при перемещении по железным дорогам (0,896), но и положительной корреляцией с данным показателем душевого ЧНП (0,506).

Ключевой для экономического роста и социального развития формой повышения плотности населения является урбанизация [Smil, 2017]. В ходе российской модернизации можно проследить связь развития железнодорожной сети с ростом как численности городского населения, так и его доли в общей численности населения (табл. 6). До 1870-х гг. при малой протяжённости железнодорожной сети численность городского населения росла приблизительно теми же темпами, что и общая численность населения, а его доля оставалась относительно стабильной, в 1869 г. лишь незначительно превосходя показатель 1825 г.

Таблица 6

Динамика урбанизации и протяжённости сети железных дорог в Европейской части Российской империи, XIX — начало XX вв.

Показатели	1825	1856	1869	1897	1910	1914
Городское население (с пригородами), тыс. чел.	4204	5203	6242	12065	16371	19508
Доля городского населения (с пригородами) в общем, %	9,1	9,0	9,5	12,9	13,8	15,3
Протяжённость сети железных дорог, тыс. км.	—	1,04	8,11	39,85	56,16	59,33

Источник: составлено автором по данным [Миронов, 2018; Сотников, 1993; Терц, 2008].

Как и с общим экономическим ростом, всё изменилось после формирования масштабной железнодорожной сети, связавшей между собой важнейшие города и пространство между ними: начался динамичный и ускоряющийся рост как абсолютной численности, так и доли городского населения, который, несомненно, сыграл значимую роль в предвоенном экономическом подъеме. Если в XIX — начале XX вв. ключевую роль для экономического роста играло развитие сети железных дорог и железнодорожных перевозок, то в конце XX — начале XXI вв. — синергия железнодорожных и автомобильных перевозок и, соответственно, развития железных и автомобильных дорог [Гольц, Картавенко, 2008; Мачерет, Рышков, Белоглазов, Захаров, 2010]. В частности, коэффициент множественной корреляции между ВВП на душу населения и коэффициентом Энгеля для железных и автомобильных дорог, полученный на основе межстрановых сравнений, составил 0,759. В целом в мировой экономике в конце XX — начале XXI вв. динамичный рост, превышавший в среднем 3% за год, осуществлялся при ещё более динамичном увеличении показателей, характеризующих мобильность людей и товаров (табл. 7).

Таким образом, количественные оценки подтверждают тесную взаимосвязь пространственной мобильности населения и перемещения материальных благ с динамикой экономического роста, а выполненный теоретический и исторический анализ показывает, что имеет место не просто статистическая, а сущностная взаимосвязь: экономическое развитие и перемещение людей и материальных благ — взаимоподдерживающими, взаимостимулирующими процессами, которые, в свою очередь, стимулировались ростом численности и плотности населения и сделали возможным как увлечение её до нынешнего исторического максимума, так и продолжение этого роста в перспективе, с концентрацией людей в мегаполисах и агломерациях.

Таблица 7

Отношение среднегодовых темпов прироста основных показателей перемещения людей и материальных благ в мире к среднегодовому темпу прироста мирового ВВП, 1996–2015 гг.

Показатель	Отношение среднегодового темпа прироста показателя к среднегодовому темпу прироста мирового ВВП
Мировой пассажирооборот	1,32
Мировой экспорт	1,39
Мировой грузооборот железнодорожного транспорта	0,84
Мировой грузооборот автомобильного транспорта	1,26
Мировой объём морских контейнерных перевозок	1,48

Источник: рассчитано по [Варнавский, 2021].

Анализ практически любого временного среза показывает взаимодействие и взаимное стимулирование разных форм экономического роста (в Древности и Средневековье — практически, исключая рост на основе масштаба), тесно связанных с численностью и плотностью населения и поддерживаемых пространственной мобильностью людей и материальных благ. Исторический анализ, начиная с первобытного общества, позволяет сделать вывод о порядковой (хронологической) последовательности отмеченных взаимосвязей.

Исходным пунктом экономического и социального развития был рост плотности населения, который, увеличивая нагрузку на среду обитания, создавал вызовы для человеческих сообществ. Ответом на эти вызовы (если не происходило естественного или искусственного ограничения роста численности) были миграции и нововведения (основа *шумпетерианского* роста). Именно нововведения позволили людям не ограничиваться определённой экологической нишей, а медленно мигрируя, осваивать практически все пригодные для обитания территории, включая арктические области. Эти миграции, в ходе которых люди перемещали и имеющиеся у них запасы материальных благ, ускорили нововведения: во-первых, обеспечивали их распространение на новые территории, а во-вторых, требовали следующих инноваций, облегчавших адаптацию к новым условиям жизни и деятельности. Разные условия делали возможной и необходимой специализацию и реализуемый с помощью перемещения материальных благ обмен — основу *смитианского* роста. Переход к осёдлой жизни и производящему хозяйству как инновационному ответу на вызовы, порождаемые ростом плотности населения после освоения всех пригодных территорий, позволил накапливать капитальные блага, запасы предметов потребления и орудий труда, создавать ирригационные и другие капитальные сооружения, что стало основой *соловианского* роста.

Наконец, развитие взаимодействующих шумпетерианского, смитианского и соловианского роста сделало возможным эффективное укрупнение производства и реализацию роста на основе *увеличения масштаба*. Взаимодействие всех четырех форм экономического роста, необходимым условием которого было снятие транспортных ограничений, сделало возможным кардинальное ускорение темпов роста, что привело к беспрецедентному увеличению численности и плотности населения, пространственной мобильности людей и материальных благ. Хотя в отдельные периоды времени, в отдельных странах и макрорегионах мира тон задавать могли те или иные формы экономического роста, принципиально важным стало гармоничное взаимодействие *всех* форм роста, поддерживаемое свободным (или относительно свободным) перемещением людей и товаров. Нарушение такого взаимодействия приводит к крайне негативным экономическим и социальным последствиям.

Протекционистская политика, дополненная миграционными ограничениями, возобладавшая в период между мировыми войнами, негативно влиявшая и на смитианский рост, и через ограничение движения капитала и иностранных инвестиций — на соловианский, стала одним из факторов Великой депрессии, открывшей дорогу трагедиям 1930–1940-х гг. [Maddison, 2007; Кембриджская история..., 2021b]. Кризисные явления в мировой экономике в начале XXI в. во многом были обусловлены наступлением периода «инновационной паузы» [Ясин, 2011], то есть «пробуксовкой» шумпетерианской составляющей экономического роста.

В последнее десятилетие наметились негативные тенденции в динамике мировой торговли и прямых иностранных инвестиций, что оказывает негативное влияние на смитианскую и соловианскую составляющие экономического роста. Эти тенденции получили дополнительный импульс в результате пандемии коронавируса, когда во многих странах стали реализовываться меры по усилению самообеспечения и снижению зависимости от внешних рынков [May, 2021]. Ограничения на передвижение товаров и особенно людей в условиях пандемии, как следует из рис. 1, отрицательно влияют на все формы экономического роста. Поэтому важно, чтобы вызванные пандемией институциональные условия и экономические механизмы не обрели долговременного характера.

Значимый вызов, на который должна сформировать ответ глобальная экономика, — резкое возрастание доли развивающихся стран в мировом населении [Нуреев, 2021. С. 49]. Для обеспечения динамичного и устойчивого экономического роста в XXI в. важно нивелирование диспропорций между различными формами роста, обеспечение пространственной мобильности населения, безбарьерности и дешевизны перемещения товаров, в том числе в рамках мировой сети мегаполисов и агломераций как новой современной формы повышения плотности населения и эффективности человеческой деятельности.

* * *

Проведённый исторический анализ, дополненный количественными оценками, подтвердил выдвинутую гипотезу о взаимном стимулирующем влиянии роста численности, плотности и мобильности населения и социально-экономического развития при ключевой роли перемещения материальных благ. (Последнее подтверждает также важный тезис, высказанный более ста лет назад О. фон Бём-Баверком: «Способность перемещать материю в пространстве — это ключ ко всем успехам человека в производстве, ко всему человеческому господству над природой и её силами» [Бём-Баверк, 2010. С. 40].)

Успеха в истории достигали те социумы, в которых удавалось на деле реализовать эту положительную взаимосвязь (как, например, в Англии в преддверии промышленной революции и в ходе её развертывания). В то же время механизмы отбора социумов при низкой плотности населения, соответственно, слабых взаимных контактах, и при высокой плотности населения и интенсивных взаимных контактах качественно различаются.

В первом случае преимущества получали те, кто оптимально приспособился к существующим природно-климатическим условиям, вписался в природную экосистему, неизменную в течение жизни многих поколений. Для этого важным было строгое соблюдение выработанных традиций, обеспечивающих такое приспособление. Социально-экономические и технологические изменения совершались в основном в результате изменений окружающей среды, т. е. под влиянием экзогенных факторов. Это предопределяло низкие темпы развития общества и экономики. «Длительность периода первобытности объясняется тем, что система жизни первобытного общества отличалась крайней устойчивостью; достаточно мощных внутренних стимулов, которые могли бы заставить общество выйти за пределы первобытности, не существовало» [Лятин, 2007. С. 157].

Во втором случае более успешными оказывались социумы, в которых удавалось эффективно использовать возможности растущей плотности населения для развития

разделения труда, специализации производства и обмена и тем самым формировать и реализовывать конкурентные преимущества по отношению к другим социумам. Для этого наиболее важно не соблюдение традиций, а генерация и адаптация инноваций. Чем дальше «сдвиг» от первой ситуации к второй, тем важнее институциональная гибкость и склонность общества к инновациям. Но «драйвером развития» выступает «все-таки механизм экономической конкуренции» [Балацкий, 2019. С. 159]. При этом изменения в традициях, институтах, технологиях, общественной жизни все в большей степени совершаются под влиянием эндогенных факторов, и эти изменения ускоряются в результате как конкуренции, так и взаимодействия различных социумов. Именно этим объясняется сокращение «по мере развития общества роли географического и биологического факторов на фоне возрастания социальных детерминант» [Екимова, 2019. С. 9].

Если в архаическом и раннем традиционном (аграрном) обществе люди взаимодействуют прежде всего с природной средой, вписываясь в её экосистему, то по мере развития аграрных цивилизаций, повышения плотности населения и степени разделения труда растёт роль межличностных и межгрупповых обменов и взаимодействий. В обществе модерна такие взаимодействия становятся решающими, и, соответственно, ведущая роль переходит к эндогенным факторам развития. Переход от преимущественно экзогенных факторов развития к преимущественно эндогенным — ключевое условие современного экономического роста и долгосрочного динамичного прогресса.

В современном обществе, находящемся в состоянии перехода к позднему (глобальному) модерну [Мартьянов, 2019], плотность населения и интенсивность человеческих взаимодействий (на основе как товарообмена, так и географической мобильности населения) достигли беспрецедентно высокого уровня и продолжают возрастать. При этом перспектива роста плотности населения связана с продолжением урбанизации, а роста интенсивности взаимодействий между людьми — с развитием цифровых технологий, которые «расширяя свободу индивидов, предоставляя им новые возможности как для ведения бизнеса, так и для свободного удовлетворения «высших», нематериальных потребностей... способствуют дальнейшему развитию человеческого сотрудничества» [Мачерет, 2019b. С. 62]. Тем самым создается объективная основа для долгосрочного социально-экономического развития на основе института сотрудничества [Балацкий, 2019; Полтерович, 2018b] и эндогенных факторов, что может позволить нивелировать влияние как человеческой деструктивности, так и природных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А.А., Бахтиграева А.И., Брызгалов В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. (2020). Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. № 7. С. 75–91.
- Балацкий Е.В. (2019). Общая теория социального развития и циклы принуждения // Общественные науки и современность. №5. С. 156–174.
- Бём-Баверк О. фон (2010). Капитал и процент. Т.2: Позитивная теория капитала; Т. 3: Экскурсы. Челябинск: Социум.
- Берёзкин Ю.Е. (1991). Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука.
- Бессонова О.Э. (2006). Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // Общественные науки и современность. № 2. С. 130–143.
- Бозеруп Э. (2004). Рост сельскохозяйственного производства и демографические изменения // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М. С. 1–18.
- Бродель Ф. (2008). Грамматика цивилизаций. М.: Издательство «Весь мир».
- Варнавский В.Г. (2021). Глобальная транспортно-логистическая инфраструктура // Вестник Российской академии наук. Т. 91. № 2. С. 157–166.
- Васильев Л.С. (2005). История Востока: в 2 т. Т. 1. М.: Высшая школа.
- Васильев С.А. (2020). Ранняя модернизация в Китае в эпоху Сун // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 130–156.

- Вишневский А.Г. (2019). Демографическая история и демографическая теория. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Гольц Г.А. (2002). Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Гольц Г.А. (2000). Культура, экономика, транспорт: пути использования взаимосвязей в прогнозировании // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 152–167.
- Гольц Г.А. (2009). Магистральные грузовые перевозки и валовый внутренний продукт: историометрическое исследование для прогнозных целей // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 151–157.
- Гольц Г.А., Картавенко Г.Г. (2008). Макроэкономика и транспорт: межстрановые сравнения и закономерности // Бюллетень транспортной информации. № 11. С. 25–35.
- Давыдов М.А. (2017). Модернизация Витте-Столыпина и её специфика // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 109–131.
- Екимова Н.А. (2019). Поиск факторов социального развития: от монокаузальных концепций к поликаузальным // Journal of economic regulation. Т. 10. №4. С. 6–21.
- Загорский К.Я. (1930). Экономика транспорта. М.–Л.: Госиздат.
- Заостровцев А.П. (2019). Институциональная конкуренция и столкновение цивилизаций в процессе модернизации // Экономическая политика. Т. 14. № 5. С. 150–171.
- Капелюшников Р.И. (2013). Сколько стоит человеческий капитал России? Ч. I // Вопросы экономики. №1. С. 27–47.
- Кембриджская история капитализма. Т. 1. Подъем капитализма: от древних истоков до 1848 г. (2021a). М.: Издательство Института Гайдара.
- Кембриджская история капитализма. Т. 2. Распространение капитализма: 1848 — наши дни (2021b). М.: Издательство Института Гайдара.
- Кирдина С.Г. (2004). X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2018). Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 73–88.
- Клягин Н.В. (1996). Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М.: Институт философии РАН.
- Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов (2011) / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Новое издательство.
- Лал Д. (2009). Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство.
- Ливи Баччи М. (2010). Демографическая история Европы. СПб.: Александрия.
- Ляпин Е.С. (2007). Динамика цивилизаций. СПб.: Издательство «Нестор-История».
- Мартыанов В.С. (2019). Города и государства: в поисках новой стратегии взаимодействия // Общественные науки и современность. №3. С. 170–184.
- Мау В.А. (2021). Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. №3. С. 5–30.
- Мачерет Д.А. (2018). О законе опережающего развития транспортной инфраструктуры // Экономика железных дорог. № 7. С. 14–19.
- Мачерет Д.А. (2011). Создание сети железных дорог и экономический рост // Мир транспорта. Т. 9. № 1. С. 164–169.
- Мачерет Д.А. (2012). Создание сети железных дорог и ускорение развития страны // Мир транспорта. № 4. С. 184–192.
- Мачерет Д.А. (2015a). Социально-экономическая роль транспорта в Средние века // Мир транспорта. Т. 13. №2 (57). С. 228–237.
- Мачерет Д.А. (2015b). Транспорт и институты // Вектор транспорта. №3. С. 5–8.
- Мачерет Д.А. (2014). Транспортный фактор в эпоху древних цивилизаций // Мир транспорта. Т. 12. №2 (51). С. 230–241.
- Мачерет Д.А. (2019a). Транспортный фактор формирования эпохи современного экономического роста // Экономическая политика. Т. 14. №1. С. 154–179.
- Мачерет Д.А. (2019b). «Цифровой социализм» или расширение свободы индивида? // Общественные науки и современность. №2. С. 54–65.
- Мачерет Д.А., Валеев Н.А., Кудрявцева А.В. (2018). Формирование железнодорожной сети: диффузия эпохальной инновации и экономический рост // Экономическая политика. Т. 13. № 1. С. 252–279.
- Мачерет Д.А., Епишкин И.А. (2017). Взаимное влияние институциональных и транспортных факторов экономического развития: ретроспективный анализ // Journal of Institutional Studies. Т. 9. №4. С. 80–100.
- Мачерет Д.А., Рышков А.В., Белоглазов А.Ю., Захаров К.В. (2010). Макроэкономическая оценка развития транспортной инфраструктуры // Вестник ВНИИЖТ. № 5. С. 3–10.
- Мельянцев В.А. (1996). Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Издательство МГУ.
- Мизес Л. фон (1994). Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy.

- Мизес Л. фон (2008). Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Миронов Б.Н. (2012). По классическому сценарию: русская революция 1917 г. в условиях экономического роста и повышения уровня жизни // Экономическая политика. № 1. С. 66–77.
- Миронов Б.Н. (2018). Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб: ДМИТРИЙ БУЛАНИН.
- Михальцев Е.В. (1926). Эволюция пассажирских перевозок на железных дорогах в довоенное время. М.: Трансжелдориздат.
- Могилевкин И.М. (2005). Транспорт и коммуникации: прошлое, настоящее, будущее. М.: Наука.
- Нуреев Р.М. (2021). Демографический взрыв и его последствия в XXI веке // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 45–60.
- Нуреев Р.М. (2017). Экономическая компаративистика (сравнительный анализ экономических систем). М.: КНОРУС.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2017). Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КноРус.
- Петти В. (1940). Экономические и статистические работы: в 2 т. М.: Соцэкгиз.
- Плискевич Н.М. (2013а). Возможности трансформации в России и концепция Норта-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации: вчера и сегодня // Общественные науки и современность. №5. С. 37–50.
- Плискевич Н.М. (2013б). Возможности трансформации в России и концепция Норта-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 2. Пороговые условия перехода для общества // Общественные науки и современность. №6. С. 45–60.
- Полтерович В.М. (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. №11. С. 1–22.
- Полтерович В.М. (2018б). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. №12. С. 77–102.
- Россия накануне великих потрясений: Социально-экономический атлас. 1906–1914 (2017) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Кучково поле.
- Семенов Ю.И. (2014). Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). М.: КРАСАНД.
- Смит А. (2017). Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Сотников Е.А. (1993). Железные дороги мира из XIX в XXI век. М.: Транспорт.
- Сотников Е.А., Левин Д.Ю., Алексеев Г.А. (2007). История развития системы управления перевозочным процессом на железнодорожном транспорте (отечественный и зарубежный опыт). М.: Техинформ.
- Столетие железных дорог (1925). М.: Транспечать.
- Сусоколов А.А. (2006). Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М.: SPSL — «Русская панорама».
- Тери Э. (2008). Экономическое преобразование России. М.: РОССПЭН.
- Уваров П.Ю., Рябинин А.Л. (2019). Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории. СПб.: Наука.
- Уринсон Я.М. (2018). Промышленная революция и экономический рост. М.: Либеральная миссия.
- Хайек Ф.А. фон (1992). Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости; Catallaxy.
- Чупров А.И. (1875). Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношение к интересам страны. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко.
- Ясин Е.Г. (2011). Новая реальность. Электронный ресурс: <https://liberal.ru/from-the-press/ovaya-realnost> (дата размещения: 20.09.2011; дата обращения: 11.08.2021).
- Ясин Е.Г., Снеговая М.В. (2009). Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York: Crown Business.
- Boserup E. (1981). Population and Technological Change. Chicago: University of Chicago Press.
- Cameron R.A. (1993). Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York: Oxford University Press.
- Clark G. (2007). A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World. Princeton: Princeton University Press.
- Diamond J. (1997). Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies. New York: W.W. Norton & Co.
- Hedlund S. (2011). Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure. New York: Cambridge University Press.
- Jones E.I. (1988) Growth Recurring: Economic Change in World History. Oxford: Clarendon Press.
- Khanna P. (2016). Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House.
- Lin J.Y. (2012) Demystifying the Chinese Economy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Maddison A. (2007). Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History. Oxford: Oxford University Press.

- Marshall A. (1930). Principles of Economics. London: Macmillan.
- McNeil W.H. (1963). The Rise of the West. A History of the Human Community. Chicago: The University of Chicago Press.
- Mokyr J. (2002). The Gifts of Athena. Historical Origins of the Knowledge Economy. Princeton: Princeton University Press.
- Mokyr J. (1990). The Level of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. New York: Oxford University Press.
- Morris I. (2010). Why the West Rules — for Now: The Pattern of History and What they Reveal About the Future. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- North D.C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. New York: Cambridge University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press.
- Paine L. (2013). The Sea and Civilization. A Maritime History of the World. New York: Alfred A. Knopf.
- Polanyi K. (1957). The Economy as an Instituted Process // Trade and Markets in Early Empires. New York: Free Press. Pp. 139–174.
- Rosenberg N., Birdzell L.E. (1986). How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World. New York: Basic Books.
- Simon J. (1977). The Economics of Population Growth. Princeton: Princeton University Press.
- Smil V. (2017). Energy and Civilization: A History. Cambridge, MA: The MIT Press.

Мачерет Дмитрий Александрович

macheretda@rambler.ru

Dmitry Macheret

Doctor of Economics, Professor of Russian University of Transport (MIIT), Moscow

macheretda@rambler.ru

ROLE OF POPULATION DENSITY, MOBILITY AND THE MOVEMENT OF MATERIAL GOODS IN DIFFERENT CONCEPTS OF ECONOMIC GROWTH

Abstract. The article examines the interdependence of the size, density and mobility of the population, the movement of material wealth, and socio-economic development. On the basis of theoretical analysis, a model has been formed that shows the relationship of various forms of economic growth with the size, density, mobility of the population and the movement of material wealth. These relationships are considered in a historical context, starting with the archaic society of gatherers and hunters right up to the present. It is shown that not only the development of the economy and society made it possible to increase the size and density of the population, but also the growth in the size and density of the population, accompanied by the intensification of the movement of material wealth and the geographical mobility of people, stimulated socio-economic development. Attention is focused on the mechanisms of influence of population size and density on economic and social development, starting from the earliest stages of human history, and the formation of two models of social organization — authoritarian-hierarchical, based on centralized redistribution of material goods, and market-network based on commodity exchange. It is shown that the combination of redistribution and commodity exchange made it possible to ensure, within the agrarian “Malthusian” economy, a gradual increase in the demographic “ceiling” and long-term growth in the size and density of the population, which, at the same time, periodically led to demographic catastrophes. The average annual rates of both demographic and economic growth were extremely low and held each other back. Only industrialization, the initial impetus of which was given by the expansion of markets due to population growth and the development of trade, made it possible to ensure high demographic and economic dynamics at the same time. At the same time, a long-term trend of increasing the value of human capital has formed, contributing to a further increase in population density, primarily due to urbanization, and stimulated by this growth. It is concluded that the continuation of these interrelated processes creates the basis for long-term socio-economic development based on endogenous factors and the institution of cooperation.

Keywords: *socio-economic development, forms of economic growth, population size and density, population mobility, movement of material goods, gift exchange, redistribution, commodity exchange, human capital.*

JEL: N30, N70, O13, O14, O15, O40.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. New York: Crown Business.
- Auzan A.A., Bakhtigrayeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya A.A. (2020). Sotsiokul'turnyye faktory v ekonomike: proydennyye rubezhi i aktual'naya povestka [Socio-cultural factors in the economy: passed milestones and the current agenda] // *Voprosy ekonomiki*. No. 7. Pp. 75–91. (In Russ.).
- Balatsky E.V. (2019). Obshchaya teoriya sotsialnogo razvitiya i tsikly prinuzhdeniya [General theory of social development and cycles of coercion] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 156–174. (In Russ.).
- Berezkin Y.E. (1991). *Inki. Istoricheskiy opyt imperii*. [Incas. The historical experience of the empire]. Leningrad: Nauka, 1991. (In Russ.).
- Bessonova O.E. (2006). Obshchaya teoriya institutsional'nykh transformatsiy kak novaya kartina mira [General theory of institutional transformations as a new picture of the world] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* No. 2. Pp. 1300–143. (In Russ.).
- Boehm-Bawerk O. von (2010). *Kapital i protsent* [Capital and interest]. Vol.2: Pozitivnaya teoriya kapitala [Positive theory of capital]; Vol.3: Excursy [Excursions]. Chelyabinsk: Socium. (In Russ.).
- Boserup E. (1981). *Population and Technological Change*. Chicago: University of Chicago Press. (In Russ.).
- Boserup E. (2004). Rost selskokhozyaystvennogo proizvodstva i demograficheskiye izmeneniya [Growth of agricultural production and demographic changes] // *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic theory] / Ed. J. Itwell, M. Milgate, P. Newman. Moscow: INFRA-M. Pp. 1–18. (In Russ.).
- Braudel F. (2008). *Grammatika tsivilizatsiy* [A grammar of civilizations]. Moscow: "Ves mir". (In Russ.).
- Cameron R.A. (1993). *Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present*. New York: Oxford University Press.
- Chuprov A.I. (1875). *Zheleznodorozhnoye khozyaystvo. Yego ekonomicheskiye osobennosti i yego otnosheniye k interesam strany* [Railway facilities. Its economic characteristics and its relationship to the interests of the country]. Moscow: Tipografiya A.I. Mamontova i Ko. (In Russ.).
- Clark G. (2007). *A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World*. Princeton: Princeton University Press.
- Davydov M.A. (2017). Modernizatsiya Vitte-Stolykina i yeye spetsifika [Modernization of Witte-Stolypin and its specificity] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 109–131. (In Russ.).
- Diamond J. (1997). *Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies*. New York: W.W. Norton & Co.
- Ekimova N.A. (2019). Poisk faktorov sotsialnogo razvitiya: ot monokauzalnykh kontseptsiy k polikauzalnym [Search for factors of social development: from monocausal concepts to polycasual ones] // *Journal of economic regulation*. Vol. 10. No. 4. Pp. 6–21. (In Russ.).
- Gol'ts G.A. (2020). Kul'tura, ekonomika, transport: puti ispol'zovaniya vzaimosvyazey v prognozirovanii [Culture, economics, transport: ways of using relationships in forecasting] // *Problemy prognozirovaniya*. No. 1. Pp. 152–167. (In Russ.).
- Gol'ts G.A. (2002). *Kul'tura i ekonomika Rossii za tri veka, XVIII–XX vv. T. 1. Mentalitet, transport, informatsiya (proshloye, nastoyashcheye, budushcheye)* [Culture and Economy of Russia for Three Centuries, XVIII–XX centuries. Volume 1. Mentality, transport, information (past, present, future)]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).
- Gol'ts G.A. (2009). Magistral'nyye gruzovyye perevozki i valovyy vnutrenniy produkt: istoriometricheskoye issledovaniye dlya prognoznnykh tseley [Long-haul freight traffic and gross domestic product: a historiometric study for forecasting purposes] // *Problemy prognozirovaniya*. No. 2. Pp. 151–157. (In Russ.).
- Gol'ts G.A., Kartavenko G.G. (2008). Makroekonomika i transport: mezhstranovyye sravneniya i zakonomernosti [Macroeconomics and Transport: Cross-Country Comparisons and Patterns] // *Byulleten' transportnoy informatsii*. No. 11. Pp. 25–35.
- Hayek F.A. von (1992). *Pagubnaya samonadeyannost. Oshibki sotsializma* [Pernicious Arrogance. The mistakes of socialism]. Moscow: Novosty; Catallaxy.
- Hedlund S. (2011). *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*. New York: Cambridge University Press.
- Jones E.I. (1988). *Growth Recurring: Economic Change in World History*. Oxford: Clarendon Press.
- Kapelyushnikov R.I. (2013). Skolko stoit chelovecheskiy kapital Rossii? Chast I [How much is the human capital of Russia? Part I] // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 27–47.
- Kembridzhskaya istoriya kapitalizma. T. 1. Pod'yem kapitalizma: ot drevnikh istokov do 1848 goda (2021a). [The Cambridge History of Capitalism. Volume 1. The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Kembridzhskaya istoriya kapitalizma. T. 2. Rasprostraneniye kapitalizma: 1848 — nashi dni (2021b). [The Cambridge History of Capitalism. Vol. 2. The spread of capitalism: 1848 — today]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Khanna P. (2016). *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House.
- Kirdina S.G. (2004). *X- i Y-ekonomiki: institutsionalnyy analiz* [X- and Y-economies: an institutional analysis]. Moscow: Nauka.

- Kirdina-Chandler S.G.(2018). Zapadnyye i ne-zapadnyye institutsional'nyye modeli vo vremeni i prostranstve [Western and non-Western institutional models in time and space] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 1. Pp. 73–88. (In Russ.).
- Klyagin N.V.(1996). *Proiskhozhdeniye tsivilizatsii* [The origin of civilization (socio-philosophical aspect)]. Moscow: Institut filosofii RAN. (In Russ.).
- Kuda vedet krizis kul'tury? Opyt mezhdistsiplinarykh dialogov (2011). [Where is the cultural crisis leading? Experience of interdisciplinary dialogues] / Ed. by I.M. Klyamkin. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.).
- Lal D.(2009). *Vozvrashhenie «nevidimoi ruki»: Aktualnost klassicheskogo liberalizma v XXI veke*. [Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism in the Twenty-first Century]. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.).
- Lin J.Y. (2012). *Demystifying the Chinese Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Livi Bacci M. (2010). *Demograficheskaya istoriya Evropy* [Demographic history of Europe]. St-Petersburg: Alexandria.
- Lyapin E.S. (2007). *Dinamika tsivilizatsiy* [Dynamics of Civilizations]. St-Petersburg: Izdatelstvo «Nestor-Istoriya».
- Macheret D.A.(2011). Sozdaniye seti zheleznykh dorog i ekonomicheskii rost [Creation of a network of railways and economic growth] // *Mir transporta*. Vol. 9. No. 1. Pp. 164–169. (In Russ.).
- Macheret D.A.(2012). Sozdaniye seti zheleznykh dorog i uskoreniye razvitiya strany [Creation of a network of railways and acceleration of the country's development] // *Mir transporta*. No. 4. Pp. 184–192. (In Russ.).
- Macheret D.A.(2014). Transportnyy faktor v epokhu drevnykh tsivilizatsiy [Transport factor in the era of ancient civilizations] // *Mir transporta*. Vol.12. No. 2 (51). Pp. 230–241. (In Russ.).
- Macheret D.A.(2015a). Sotsialno-ekonomicheskaya rol transporta v Sredniye veka [Socio-economic role of transport in the Middle Ages] // *Mir transporta*. Vol.13. No.2 (57). Pp. 228–237. (In Russ.).
- Macheret D.A.(2015b). Transport i instituty [Transport and institutions] // *Vektor transporta*. No. 3. Pp. 5–8. (In Russ.).
- Macheret D.A.(2018). O zakone operezhayushchego razvitiya transportnoy infrastruktury [On the law of advanced development of transport infrastructure] // *Ekonomika zheleznykh dorog*. No. 7. Pp. 14–19. (In Russ.).
- Macheret D.A.(2019a). Transportnyy faktor formirovaniya epokhi sovremennogo ekonomicheskogo rosta [Transport factor in the formation of the era of modern economic growth] // *Ekonomicheskaya politika*. Vol. 14. No. 1. Pp. 154–179. (In Russ.).
- Macheret D.A. (2019b). «Tsifrovoy sotsializm» ili rasshireniye svobody individa? [«Digital Socialism» or the Expansion of Individual Freedom?] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 2. Pp. 54–65. (In Russ.).
- Macheret D.A., Epishkin I.A. (2017). Vzaimnoe vliyaniye institutsionalnykh i transportnykh faktorov ekonomicheskogo razvitiya: retrospektivnyi analiz [Mutual influence of institutional and transport factors of economic development: a retrospective analysis] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 9. No. 4. Pp. 80–100. (In Russ.).
- Macheret D.A., Ryshkov A.V., Beloglazov A.Yu., Zakharov K.V. (2010). Makroekonomicheskaya otsenka razvitiya transportnoy infrastruktury [Macroeconomic assessment of transport infrastructure development] // *Vestnik VNIIZHT*. No. 5. Pp. 3–10. (In Russ.).
- Macheret D.A., Valeyev N.A., Kudryavtseva A.V. (2018). Formirovaniye zheleznodorozhnoy seti: diffuziya epokhal'noy innovatsii i ekonomicheskii rost [Formation of the railway network: the diffusion of epoch-making innovation and economic growth] // *Ekonomicheskaya politika*. Vol. 13. No. 1. Pp. 252–279. (In Russ.).
- Maddison A. (2007). *Contours of the World Economy 1-2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Oxford: Oxford University Press.
- Marshall A. (1930). *Principles of Economics*. London: Macmillan.
- Martyanov V.S.(2019). Goroda i gosudarstva: v poiskakh novoy strategii vzaimodeystviya [Cities and states: in search of a new strategy of interaction] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 170–184. (In Russ.).
- Mau V.A.(2021). Pandemiya koronavirusa i trendy ekonomicheskoy politiki [Coronavirus pandemic and trends in economic policy] // *Voprosy ekonomiki*. No. 3. Pp. 5–30. (In Russ.).
- McNeil W.H. (1963). *The Rise of the West. A History of the Human Community*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Melyantsev V.A.(1996). *Vostok i Zapad vo vtorom tysyacheletii: ekonomika, istoriya i sovremennost* [East and West in the Second Millennium: Economics, History and Modernity]. Moscow: Izdatelstvo MGU. (In Russ.).
- Mikhail'tsev Ye.V.(1926). *Evolutsiya passazhirskikh perevozok na zheleznykh dorogakh v dovoyennoye vremya* [The evolution of passenger transport on railways in the pre-war period]. Moscow: Transzheldorizdat. (In Russ.).
- Mironov B.N. (2012). Po klassicheskomu stsenariyu: russkaya revolyutsiya 1917 goda v usloviyakh ekonomicheskogo rosta i povysheniya urovnya zhizni [According to the classic scenario: the Russian revolution of 1917 in the context of economic growth and rising living standards] // *Ekonomicheskaya politika*. No. 1. Pp. 66–77. (In Russ.).
- Mironov B.N.(2018). *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modern: v 3 t.. T.1*. [Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes. Vol. 1]. St-Petersburg: DMITRIY BULANIN. (In Russ.).
- Mises L. von (2008). *Chelovecheskaya deyatelnost. Traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human activity. A treatise on economic theory]. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.).
- Mises L. von (1994). *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsiologicheskii analiz* [Socialism. Economic and sociological analysis]. Moscow: «Catallaxy». (In Russ.).

- Mogilevkin I.M. (2005). *Transport i kommunikacii: proshloe, nastojashhee, budushhee* [Transport and communications: past, present, future]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
- Mokyr J. (2002). *The Gifts of Athena. Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton: Princeton University Press.
- Mokyr J. (1990). *The Level of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York: Oxford University Press.
- Morris I. (2010). *Why the West Rules — for Now: The Pattern of History and What they Reveal About the Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. New York: Cambridge University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nureev R.M.(2017). *Ekonomicheskaya komparativistika (sravnitel'nyi analiz ekonomicheskikh sistem)* [Economic comparative studies (comparative analysis of economic systems)]. Moscow: KNORUS. (In Russ.).
- Nureyev R.M. (2021). Demograficheskiy vzryv i yego posledstviya v XXI veke [Population explosion and its consequences in the XXI century] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 45–60. (In Russ.).
- Nureyev R.M., Latov YU.V.(2017). *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institutsional'nogo analiza)* [Economic history of Russia (experience of institutional analysis)]. Moscow: KnoRus. (In Russ.).
- Paine L. (2013). *The Sea and Civilization. A Maritime History of the World*. New York: Alfred A. Knopf.
- Petti V. (1940). *Ekonomicheskiye i statisticheskiye raboty: v 2 t.* [Economic and statistical works. In 2 volumes]. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.).
- Pliskevich N.M.(2013a). Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i kontseptsiya Norta-Uollisa-Vayngasta. Statya 1. Sryvy modernizatsii: vchera i segodnya [Opportunities for Transformation in Russia and the North-Wallis-Weingast Concept. Article 1. Failures of modernization: yesterday and today] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No5. Pp. 37–50. (In Russ.).
- Pliskevich N.M.(2013b). Vozmozhnosti transformatsii v Rossii i kontseptsiya Norta-Uollisa-Vayngasta. Statya 2. Porogovyye usloviya perekhoda dlya obshchestva [Opportunities for Transformation in Russia and the North-Wallis-Weingast Concept. Article 2. Threshold conditions of transition for society] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No.6. Pp. 45–60. (In Russ.).
- Polanyi K. (1957). The Economy as an Instituted Process // *Trade and Markets in Early Empires*. New York: Free Press. Pp. 139–174.
- Polterovich V.M. (2018a). K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast I. Geografiya, instituty ili kultura? [Towards a general theory of socio-economic development. Part I. Geography, Institutions or Culture?] // *Voprosy ekonomiki*. No.11. Pp. 1–22. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2018b). K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast 2. Evolyutsiya mekhanizmov koordinatsii [Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms] // *Voprosy ekonomiki*. No.12. Pp. 77–102. (In Russ.).
- Rosenberg N., Birdzell L.E. (1986). *How the West Grew Rich: The Economic Transformation of the Industrial World*. New York: Basic Books.
- Rossiya nakanune velikikh potryaseniy: Sotsial'no-ekonomicheskii atlas. 1906–1914 (2017). [Russia on the eve of great upheavals: Socio-economic atlas. 1906-1914] / Otv. red. V.V. Shelokhayev. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.).
- Semenov Y.I. (2014). *Proiskhozhdeniye i razvitiye ekonomiki: Ot pervobytnogo kommunizma k obshchestvam s chastnoy sobstvennostyu, klassami i gosudarstvom (drevnevostochnomu, antichnomu i feodalnomu)* [The origin and development of the economy: From primitive communism to societies with private property, classes and state (ancient oriental, ancient and feudal).]. Moscow: KRASAND. (In Russ.).
- Simon J. (1977). *The Economics of Population Growth*. Princeton: Princeton University Press.
- Smil V. (2017). *Energy and Civilization: A History*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Smith A.(2017). *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [Research on the nature and causes of the wealth of peoples]. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
- Sotnikov E.A.(1993). *Zheleznye dorogi mira iz XIX v XXI vek* [Railways of the world from the XIX to the XXI century]. Moscow: Transport. (In Russ.).
- Sotnikov E.A., Levin D.YU., Alekseyev G.A. (2007). *Istoriya razvitiya sistemy upravleniya perevozochnym protsessom na zheleznodorozhnom transporte (otechestvennyy i zarubezhnyy opyt)* [The history of the development of the management system of the transportation process in railway transport (domestic and foreign experience)]. Moscow: Tekhinform. (In Russ.).
- Stoletiye zheleznykh dorog (1925). [A Century of Railways]. Moscow: Transpechat'. (In Russ.).
- Susokolov A.A.(2006). *Kultura i obmen: Vvedeniye v ekonomicheskuyu antropologiyu* [Culture and Exchange: An Introduction to Economic Anthropology]. Moscow: SPSL — «Russkaya panorama». (In Russ.).
- Teri E. (2008). *Ekonomicheskoye preobrazovaniye Rossii* [Economic transformation of Russia]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).

- Urinson Y.M.(2018). *Promyshlennaya revolyutsiya i ekonomicheskiy rost* [Industrial Revolution and Economic Growth]. Moscow: Liberalnaya missiya. (In Russ.).
- Uvarov P.Y., Ryabinin A.L.(2019). *Kitay v srednevekovom mire. Vzglyad iz vseмирnoy istorii* [China in the Medieval World. A look from world history]. St-Petersburg: Nauka. (In Russ.).
- Varnavskiy V.G.(2021). Global'naya transportno-logisticheskaya infrastruktura [Global transport and logistics infrastructure] // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 91. No. 2. Pp. 157–166. (In Russ.).
- Vasilev L.S. (2005). *Istoriya Vostoka: v 2 t. T. 1.* [History of the East: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Vasil'yev S.A.(2020). Rannaya modernizatsiya v Kitaye v epokhu Sun [Early modernization in China in the Song era] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 130–156. (In Russ.).
- Vishnevskiy A.G.(2019). *Demograficheskaya istoriya i demograficheskaya teoriya* [Demographic history and demographic theory]. Moscow: Izd. dom HSE. (In Russ.).
- Yasin Ye.G. (2011). *Novaya real'nost'* [New reality.] <https://liberal.ru/from-the-press/ovaya-realnost>. Date of placement: 20.09.2011. Date of access: 11.08.2021. (In Russ.).
- Yasin E.G., Snegovaya M.V.(2009). *Tektonicheskiye sdvigi v mirovoy ekonomike: chto skazhet faktor kultury* [Tectonic shifts in the global economy: what the cultural factor will say]. Moscow: Izd. dom HSE. (In Russ.).
- Zagorskiy K.YA. (1930). *Ekonomika transporta* [Transport Economics]. Moscow–Leningrad: Gosizdat. (In Russ.).
- Zaostrovtshev A.P.(2019). *Institutsional'naya konkurentsia i stolknoveniye tsivilizatsiy v protsesse modernizatsii* [Institutional competition and the clash of civilizations in the process of modernization] // *Ekonomicheskaya politika*. Vol. 14. No. 5. Pp. 150–171. (In Russ.).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.Я. Косалс

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), адъюнкт-профессор Центра криминологии и социально-правовых исследований Университета Торонто (Торонто, Канада)

А.И. Изюмов

к.э.н., профессор, Университет Луисвилля (Луисвилль, США)

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ КОРРУПЦИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ — ТИПОЛОГИЯ И ВЗАИМОСВЯЗЬ (на примере полиции)¹

Аннотация. Авторы вводят понятия «внутренняя» и «внешняя» коррупция в организации. Анализируется их взаимосвязь на материалах сравнительного межстранового социологического обследования сотрудников полиции в России, Болгарии, Казахстане и Латвии. В выборку были включены сотрудники различных рангов, работающие в различных подразделениях, в больших и малых городах. Анализ полученных данных показал, что в целом в изученных постсоветских странах уровень коррупции в полиции довольно высок. Самый высокий уровень внутренней коррупции в Казахстане, тогда как в Латвии он относительно низок; Болгария и Россия находятся посередине с несколько более высоким уровнем в России. По уровню внешней коррупции с большим отрывом лидирует Россия, а три остальные страны не очень значительно отличаются друг от друга. Эта разница между странами в уровне и характере коррупции объясняется различиями в темпах и особенностях проведения преобразований в постсоветский период как реформ в полиции, так и общеполитических и общеэкономических трансформаций. Хотя коррупция и решает определённые тактические проблемы отдельных групп работников полиции, тем не менее она в целом наносит полиции системный вред. Прежде всего — ухудшает качество работы полиции в особенности в той её части, которая непосредственно связана с населением, ухудшая его отношения с полицией. Высокий уровень коррупции также отрицательно связан с уровнем преступности по оценкам самих полицейских, так как, по-видимому, снижает их возможность оказывать контролирующее воздействие на криминальную ситуацию. Более того, вопреки распространённому стереотипу о том, что неформальные заработки являются фактором, привлекающим людей в полицию, выясняется, что, скорее, наоборот — коррупция отрицательно связана с удовлетворённостью своей работой и оказывается фактором, который выталкивает людей из полиции, а не притягивает их. Видимо, это следствие высоких рисков и сопутствующих издержек, связанных с неформальными заработками в полиции. В заключении авторы делают парадоксальный вывод о том, что большая внешняя коррупция создает и потенциально благоприятные условия для относительно быстрых позитивных перемен в России при осуществлении реальных антикоррупционных реформ на уровне страны в целом, так как является следствием высокого уровня централизации коррупции.

Ключевые слова: коррупция, полиция, анти-коррупционная реформа.

JEL: K42, P37.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_79_91.

¹ В данной статье использованы результаты исследования, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2018 г.

Введение

Коррупции посвящена обширная литература в целом ряде научных дисциплин, включая экономику, социологию, психологию, политическую науку, антропологию, менеджмент, историю и др. (см. обзор исследований в разных социальных науках в [Wedel, 2012], в которой исследуются разные её стороны, социально-экономические последствия и условия воспроизводства). В этой литературе выработано понимание коррупции как получение благ индивидом, группой людей, организацией, связанное со злоупотреблением своим положением, своей властью [Riccardi, Sarno, 2014. С. 631]².

Из этой литературы следует, что коррупция — очень сложный социально-экономический феномен, который имеет множество разных граней и зависит от множества экономических, культурных и психологических факторов. Не вдаваясь в рассмотрение деталей феномена коррупции, мы исходим из понимания его социальной обусловленности, того, что коррупция является социально укорененным явлением.

Это означает, что она также может включать в себя элементы вынужденности и «привычности», восприниматься людьми как часть их повседневной рутины и влетаться в выполнение ими своих привычных рабочих обязанностей. В этом случае она может оцениваться как необходимое зло и эффективный способ решения возникающих проблем, для решения которых или нет легальных способов решения или же они неэффективны. В этом случае коррупция представляет собой спектр экономических практик, которые использует индивид, группа людей или организация. Этот спектр может включать в себя как нелегальные и неодобряемые, так и вынужденные и социально одобряемые виды деятельности. Эти практики могут быть связаны между собой, и чтобы получать какую-то частную выгоду за счет своего положения (власти), индивид может быть вынужден тратить собственные средства (инвестировать) в поддержание работы организации, выполнение ею своих функций («отрицательная выгода»). Иначе говоря, множество нелегальных и неформальных практик может быть связано между собой, включать как очевидно дисфункциональные, так и вполне функциональные в рамках данной системы элементы.

Именно такое понимание коррупции, как феномена, который может содержать качественно разные, но связанные между собой элементы, заставило нас обратиться к проблематике внутренней и внешней коррупции.

Внутренняя и внешняя коррупция

В академической литературе можно найти описание множества видов коррупции, которые выделяются по разным основаниям: элитная и массовая коррупция, активная и пассивная, деловая и бытовая коррупция, рыночная и сетевая и т.п. [Riccardi, Sarno, 2014]. В то же время разделение на внутреннюю и внешнюю коррупцию в литературе не разработано. Однако, по нашему мнению, такое разделение позволяет выявить новые аспекты влияния коррупции на работу организаций. Более того, нам представляется, что такое разделение является очень продуктивным для разработки антикоррупционной политики, объяснения трудностей её реализации и выработки предложений по её развитию.

---

² Существует также обширная литература, посвященная концептуализации понятия «коррупция», где дан детальный анализ самого понятия и разных его сторон — см., например: [Нисневич, 2016а; Нисневич, 2016б].

Внутренняя коррупция — это коррупционные отношения внутри той или иной организации между работниками разного ранга, между различными подразделениями организации в процессе осуществления ими своей деловой активности. Её особенность в том, что она не выходит за пределы организации. Например, если речь идет о полицейской организации, то в неё вовлечены сотрудники полиции в ходе выполнения ими своих служебных функций: открытия, расследования и закрытия уголовных дел, отчетности, продвижения по службе и т.п. Это, как бы, своеобразное «смазывание» шестеренок правоохранительной машины и подталкивание её к более быстрому движению и более действенному решению частных проблем в обход формальных правил и предписаний. Конечно, такая деятельность носит сугубо неформальный характер. Нигде не записаны и не кодифицированы правила и порядок осуществления этих отношений, что, однако, не отменяет их существования и действенности.

Внешняя коррупция охватывает отношения организации с внешней средой, включая поставщиков и потребителей продукции (услуг), государственные органы, НКО и других субъектов, внешних для данной организации. Что касается полиции, то там речь идет о взаимоотношениях с населением, бизнесом и другими государственными органами, а также с НКО. В принципе полиция создает общественное благо и обязана оказывать клиентам услуги по обеспечению безопасности бесплатно (за исключением четко оговоренных случаев и ситуаций, например, платные услуги так называемой «вневедомственной охраны»). Однако в реальности полицейские, кроме своей профессиональной роли, выступают зачастую в двух других ролях. Во-первых, в роли общеэкономического актора, наемного работника или предпринимателя, не связанного непосредственно с полицейской работой, скажем, торговца на рынке или водителя неформального такси. Во-вторых, человека, осуществившего приватизацию полицейской функции и оказывающего полицейские услуги за плату, например, расследование угона автомашины за деньги или взимание в собственный карман неформальной платы вместо официального штрафа. В конечном счете, такие отношения меняют характер взаимодействия правоохранительной системы и общества (экономики), эти отношения становятся коммерциализированными при достаточно большом масштабе такой активности полицейских [Kolennikova, Kosals, Ryvkina, Simagin and Wilson, 2008].

Основная проблема, которую мы рассматриваем в данной статье, состоит в потенциальном противоречии между внутренней и внешней коррупцией: организация может быть «чистой», свободной от коррупции, но находиться в ситуации высокой «внешней коррупции», высоко коррумпированной внешней среды (то есть допускать высокую коррупционную активность со стороны организации и её работников, требовать взятки и откаты от других организации и т.п.); и наоборот: коррумпированная организация может существовать в ситуации «чистой» внешней среды (табл. 1).

Таблица 1

Теоретическая взаимосвязь внутренней и внешней коррупции

Внутренняя коррупция	Внешняя коррупция	
	высокая	низкая (отсутствует)
Высокая	+	+
Низкая (отсутствует)	+	+

Источник: Разработано авторами.

Взаимосвязь внутренней и внешней коррупции устроена достаточно сложно. Во-первых, они могут усиливать друг друга. Ситуация большой внутренней коррупции, когда, например, полицейским приходится платить деньги за продвижение по службе или

«покупать палки», чтобы иметь хорошие официальные показатели работы, может стимулировать развитие внешней коррупции — поборы с мигрантов или взятки от предпринимателей, чтобы иметь ресурсы для соответствующих расходов на внутреннюю коррупцию. Развитию внешней коррупции может способствовать и дисфункции в работе организации, скажем, иногда сотрудникам полиции приходится на свои собственные деньги покупать бензин для автомобиля, расходные материалы для принтера или компьютера и т.п. из-за слишком сложной и громоздкой высокоцентрализованной системы снабжения. Более того, возможна ситуация, когда внутренне коррумпированная организация может выступить своего рода драйвером коррумпирования внешней среды, создавая «коррупционное давление» на государственные организации и бизнес.

Однако, возможна и ситуация, когда внутренняя и внешняя коррупция ослабляют друг друга. Например, когда происходит «централизация коррупции» (см., например, об этом процессе в российской экономике в [Rochlitz, Kazun, Yakovlev, 2020]). Так, сокращение внутренней коррупции, вызванное в российской полиции, в частности, кампанией против так называемых «оборотней в погонах» в середине 2000-х гг., сопровождалось ростом элитной коррупции, связанной с коррупционными отношениями с бизнесом. Иначе говоря, участие в коррупционных отношениях становится возможным только после достижения определённого, достаточно высокого статуса. Это приводит к централизации и значительному неравенству в дополнительных доходах сотрудников полиции — значительная часть полицейских их вообще не имеет, тогда как немногие высокостатусные сотрудники имеют огромные нелегальные доходы, что подтверждают разоблачения особо высоких коррупционных доходов ряда полицейских чинов в последние 5–10 лет.

Взаимосвязь между внутренней и внешней коррупцией важно учитывать при осуществлении антикоррупционных реформ. Такие реформы предполагают изменение не только внутренних правил работы организации, но и, что особенно важно, внешней среды её работы. Как раз от изменений внешней среды зависят возможности качественных преобразований внутри организации. При этом реальные результаты реформ сказываются «на земле», на уровне организаций. И если соответствующих изменений на уровне организаций не происходит, то и население не будет ощущать результаты реформ.

Задачи исследования, данные и методика

При изучении внутренней и внешней коррупции мы решали две группы задач:

- 1) типологический анализ внутренней и внешней коррупции и изучение взаимосвязи полученных типологий;
- 2) анализ связи полученных типологий с оценками качества работы полиции.

Эти задачи решались нами на материалах социологического обследования офицеров полиции, которое было проведено в 2011–2012 гг. в 4-х странах — России, Казахстане, Болгарии и Латвии. В ходе опроса респонденты самостоятельно заполняли анкеты в присутствии интервьюера.

Выборка носила квотный характер и строилась по трем критериям: 1) территориальному, 2) профессионально-должностному и 3) стажу работы. Её размер составил 1856 опрошенных сотрудников полиции (см. табл. 2), включая по 450 анкет в России и Латвии, 452 — в Казахстане и 504 — в Болгарии.

В выборке были представлены большие, средние и малые города. Во всех четырёх странах были отобраны столицы, большие и малые города, заметно различающиеся экономической ситуацией (как с благоприятной ситуацией, так и стагнирующие). Опрос был проведен в 73 городах, примерно $\frac{2}{3}$ респондентов представляли большие и средние города, $\frac{1}{3}$ — малые.

Таблица 2
Характеристики выборки

Страна	Число опрошенных, чел.	Число городов	Стаж работы в полиции			Должностной статус		
			до 3-х лет, %	3–5 лет, %	более 5 лет, %	рядовой, сержант, %	средний начальствующий состав, %	руководители (РОВД, отделов и т.п.), %
Россия	450	18	20	39	41	20	60	20
Болгария	504	19	3	10	87	52	37	11
Казахстан	452	13	12	25	63	18	54	28
Латвия	450	23	4	13	83	24	51	25
Итого	1856	73	9	22	69	29	50	21

Источник: Разработано авторами.

В выборку попали представители всех основных служб, которые имелись в полиции 4-х стран, работающие как «на земле», так и в кадровых и штабных службах. Таким образом, проведенный опрос отражал разнообразие социально-экономических условий, а также структурное многообразие полиции этих стран.

В рамках данного исследования мы задавали офицерам полиции серию вопросов по поводу внутренней и внешней коррупции. К их числу относились следующие:

Иногда сотрудники объясняют необходимость дополнительных заработков тем, что им приходится покупать на собственные деньги диктофоны, бумагу, компьютеры и др. оборудование, а также платить за ускорение прохождения дел и т.п. Как Вы считаете, так ли это? Если да, то насколько это распространено? Далее респондентам предлагался перечень из того, за что приходится платить сотрудникам полиции с просьбой дать ответ по шкале «Этого нет», «Это иногда встречается», «Это широко распространено», «Затрудняюсь ответить».

Приходится платить за (покупать)

1. Оборудование, материалы и др. вещи, нужные для работы.
2. Ускорение работы над делом.
3. Заккрытие дела при недостаточной доказательной базе.
4. Занятие более высокой должности.
5. Получение перспективного дела, хорошего места для патрулирования и т.п.
6. Присвоение очередного звания.
7. Соккрытие нарушений, допущенных сотрудником полиции.
8. Содействие в работе сотрудников других ведомств (прокуратура, суд и т.п.).
9. Хорошие отчетные показатели работы.

Как Вы считаете, насколько часто сотрудники полиции занимаются перечисленными ниже видами деятельности (получают следующие виды доходов)? Ответ также давался по вышеуказанной шкале.

1. Предоставление юридических консультаций.
2. Предпринимательство (в том числе открытие бизнеса на имя родственников, друзей).
3. Принятие подарков-благодарностей от населения.
4. Работа по найму на низкоквалифицированной работе (например, слесарь, механик, таксист и т.д.).
5. Услуги по сопровождению личных автомобилей через пробки на дорогах.
6. Сопровождение грузов.

7. Проверка коммерческих фирм на предмет легальности их деятельности или защита от подобного рода проверок.
8. Создание фондов правоохранительных органов.
9. Обеспечение безопасности различных коммерческих структур.
10. Участие в недружественных поглощениях («рейдерство»).
11. Возбуждение, ускорение, приостановление или прекращение уголовных дел по договоренности.
12. Услуги по оформлению документов без прохождения соответствующих проверок и процедур или ускоренным образом (в том числе водительских удостоверений).
13. Обеспечение доступа к служебной информации.
14. Плата вместо официальных штрафов за административные и гражданские правонарушения.
15. Услуги частного сыска (поиск угнанных машин и др. за дополнительную плату).
16. Разрешение конфликтов и споров между бизнес-конкурентами.

В силу сенситивности изучаемой темы вопросы носили не прямой, а косвенный характер. Тем не менее наш опыт проведения интервью и экспериментальных исследований, а также имеющийся опыт использования косвенных вопросов при изучении сенситивных тем (см. подробнее об использовании и интерпретации косвенных вопросов в [Tourangeau and Yan, 2007; Harkness, F.J.R. van de Vijver, T.P. Johnson, 2003; Lee, 1993; Dovidio, Fazio, 1992]), показывает, что ответы на эти вопросы дают возможность изучать включенность респондентов в коррупцию.

Типологии по внутренней и внешней коррупции и их взаимосвязь

Для решения сформулированных выше задач мы построили две типологии сотрудников полиции по двум указанным группам вопросов. Затем мы изучили их взаимосвязь, также их связь с рядом внешних социально-экономических характеристик.

Для построения типологий использовались два метода, сравниваемые между собой. Первый состоял в преобразовании исходных данных в дихотомическую форму (0 — нет той или иной деятельности; 1 — она иногда встречается или широко распространена), а затем построении классификации с помощью процедуры SPSS K-means. Второй — применение факторного анализа с последующей кластеризацией на базе полученных факторов. Оба эти метода дали весьма близкие результаты, коэффициент корреляции полученных классификаций был 0,6–0,7, что говорит об относительно высокой устойчивости полученных классов. Далее мы воспользовались классификацией из 3-х типов, полученных с помощью кластерного анализа (K-means), так как она обеспечивала несколько более сильную связь с обобщенным вопросом о масштабах подработок в полиции:

Как и многие жители России (Казахстана или др.), сотрудники полиции вынуждены подрабатывать. Как Вы думаете, какая (примерно) доля сотрудников полиции дополнительно подрабатывает? (Укажите %).

Классификация по внутренней коммерциализации включала 3 типа (см. табл. 3).

Первый тип, «некоррупцированные», включает почти $\frac{2}{3}$ совокупности опрошенных. Среди них почти нет тех, кто отвечали, что какие-то виды платежей «иногда встречаются» или же «широко распространены». За исключением необходимости покупать на собственные деньги диктофоны, бумагу, компьютеры и другие вещи, необходимые для службы, об этом говорили чуть более половины опрошенных. В интервью сотрудники объясняли такую ситуацию как недофинансированием полиции, так и высоким уровнем централизации и негибкостью системы материально-технического снабжения, когда получение ресурсов, необходимых для работы, сопряжено со слишком большими затратами времени и усилий.

Таблица 3
Типология по внутренней коррупции

Типы по внутренней коррупции	%
Некоррупцированные	61
Среднекоррупцированные	16
Высококоррупцированные	23
Итого	100

Источник: Разработано авторами.

В противоположность первому типу к «высококоррупцированным», около одной пятой совокупности, относятся те, кто активно включены в систему неформальных платежей на рабочем месте. Они платят буквально за всё, начиная с материальных ресурсов (более 90% отвечали, что это «иногда встречается» или же «широко распространено») и заканчивая продвижением по службе, присвоением очередного звания, получением «перспективного дела», содействием в работе сотрудников других ведомств (прокуратура, суд и т.п.), достижением хороших отчетных показателей и др.

Таким образом, хотя большинство опрошенных не попадает в группу «высококоррупцированные», около $\frac{1}{5}$ их части тем не менее, по-видимому, находится в такой институциональной среде, в которой платежи за выполнение обычной полицейской работы являются нормой.

Построенная нами классификация по внешней коррупции также включала 3 типа (см. табл. 4).

Таблица 4
Типология по внешней коррупции

Типы по внешней коррупции	%
Некоррупцированные	49
Среднекоррупцированные	30
Высококоррупцированные	21
Итого	100

Источник: Разработано авторами.

Из анализа наших данных следует, что сотрудники полиции включены в широкий спектр неформальной экономической деятельности, что говорит о значительных масштабах внешней коррупции. Причем она включает в себя как вполне легальные и разрешенные виды деятельности (преподавание, научная и творческая работа), так и запрещенные, нелегальные виды — частное предпринимательство, рейдерство, продажа информации и др. Тип «некоррупцированные», составляющий около половины массива, практически не имеет дополнительных доходов на внешнем рынке — более половины их по всем вопросам отвечал «этого нет». Тип же «высококоррупцированных», наоборот, демонстрирует большую вовлеченность в различные виды неформальной экономической деятельности, где его представители получают дополнительные доходы на открытом рынке за пределами МВД, а также используя свою должность, полномочия и ресурсы как источник неформальных заработков.

Анализ показывает, что внутренняя и внешняя коммерциализация тесно связаны друг с другом (см. табл. 5). Эта связь статически значима, коэффициент корреляции Спирмена большой и равен 0,481.

Таблица 5
Взаимосвязь внутренней и внешней коррупции (%)

Внутренняя коррупция	Внешняя коррупция			Итого
	некоррупци- рованные	среднекорруп- пированные	высококорруп- пированные	
Некоррупцированные	81	10	9	100
Среднекоррупцированные	56	24	20	100
Высококоррупцированные	20	22	58	100
Итого	60	17	23	100

Источник: Разработано авторами.

Так, если респондент принадлежит к типу «внутренне» некоррупцированных, то тогда вероятность оказаться в типе «внешне» некоррупцированных у него будет 81%. Для «внутренне» высококоррупцированных такая вероятность в 4 раза ниже. В свою очередь, у респондентов, относящихся к типу «внутренне» некоррупцированных, вероятность оказаться в типе «внешне» высококоррупцированных будет лишь 9%, тогда как вероятность у «внутренне» высококоррупцированных эта доля более чем в 6 раз выше (58%).

Таким образом, как нам представляется, здесь действует как прямая, так и обратная связь. С одной стороны, запросы «внутриорганизационного коррупционного рынка» (скажем, необходимость платить за продвижение, быстрое прохождение дела или за материальные ресурсы) стимулируют выход на внешний рынок и поиск там неформальных заработков. С другой стороны, внешние заработки создают предложение, которое приводит к коммодификации служебной деятельности, к внутренней коммерциализации. В этом случае, например, внешние заработки могут стать для индивида средством быстрого продвижения по службе или перевода в более престижное подразделение с лучшими условиями труда и более благоприятными профессиональными перспективами.

Очевидно, что такая система может помочь отдельным людям в решении их частных проблем. Однако, как она сказывается на качестве работы полиции?

Коррупция и качество работы полиции

В качестве показателей работы полиции обычно используют индикаторы преступности и её динамики, удовлетворенности населения работой полиции, а также оценки экспертов. Мы не располагаем данными об уровне преступности в тех регионах и городах, где был проведен опрос полицейских. К сожалению, российская криминальная статистика не позволяет получить достоверные данные о преступности из-за очень высокого уровня латентности, когда регистрируется только незначительная доля совершенных преступлений (10–12% к началу 2010-х годов — см. [Иниаков, 2011. С. 6]). Также у нас нет экспертных оценок и опросов населения в тех точках, где был проведен опрос полицейских. Есть оценки самими полицейскими как уровня безопасности в тех городах, где они работают, так и качества работы полиции. За неимением независимых данных воспользуемся этими оценками.

Анализ этих данных показал, что уровень внутренней коррупции полиции оказался статистически значимо связан с оценками уровня безопасности и её динамики, однако коэффициент корреляции был очень маленький.

Иное дело уровень внешней коррупции. Он оказался значимо связан с оценками уровня безопасности (коэффициент корреляции Спирмена 0,134). Обнаруживается замет-

ная разница в оценках безопасности между типом некоррупцированных респондентов и всеми остальными: у некоррупцированных эти оценки выше примерно на 10 п/п.

Значимая связь внутренней коррупции наблюдается с некоторыми оценками качества работы полиции³, а именно, с касающимися отношений полиции с населением и соблюдения полицией закона: чем ниже уровень коррупции, тем лучше эти отношения. Наиболее сильна эта связь с тремя оценками: рассмотрения обращений граждан, ответов на запросы населения (соблюдение сроков, рассмотрение проблемы по существу); отношения сотрудников к населению (вежливость, внимательность) и соблюдения закона сотрудниками полиции.

Связь внешней коррупции с оценками качества работы полиции оказалась аналогичной и даже несколько более значимой — они также сильнее всего связаны с показателями отношений населения и полиции и законностью.

Внутренняя и внешняя коррупция отрицательно сказываются на удовлетворённости опрошенных своей работой. Причем, особенно сильна связь с внутренней коррупцией, там разрыв в степени удовлетворенности между некоррупцированными и высококоррупцированными составляет приблизительно 20 п/п.

Аналогична ситуация с ответами на вопрос, хотят ли респонденты сменить работу и уйти из полиции — там также среди высококоррупцированных заметно больше людей хочет уйти из полиции, чем среди некоррупцированных.

Коррупция заметно различается по странам (см. табл. 6 и 7).

Внутренняя коррупция весьма незначительна в Латвии, где офицеры полиции официально могут подрабатывать, тогда как в Казахстане она имеет большие масштабы, там только 1/3 относится к типу некоррупцированных, а более 40% — к высококоррупцированным. Последний показатель там почти в 15 выше, чем в Латвии (см. табл. 6).

Таблица 6

Внутренняя коррупция в России, Болгарии, Казахстане и Латвии (%)

	Типы по внутренней коррупции			Итого
	некоррупцированные	среднекоррупцированные	высокоррупцированные	
Россия	56	16	28	100
Болгария	61	17	22	100
Казахстан	36	21	43	100
Латвия	85	12	3	100
Итого	61	16	23	100

Источник: Разработано авторами.

Россия и Болгария по уровню внутренней коррупции находятся между Казахстаном и Латвией, причем в России этот уровень немного выше, чем в Болгарии.

Зафиксированные различия могут быть объяснены характером прошедших в этих странах социально-экономических преобразований, например, глубиной и характером реформ полицейских систем. В Латвии эти реформы стартовали раньше, чем в остальных странах и носили самый радикальный и либеральный характер. В частности, там полицейские в отличие от остальных трёх стран могут официально подрабатывать за пределами полиции. Это и привело к относительно низкому уровню внутренней коммерциализации полиции в Латвии. В Болгарии реформы были сильно затянuty и осуществлялись очень медленно, и в последний

³ Эти оценки давались опрошенными по 5-балльной шкале: 1 — самая низкая оценка, 5 — самая высокая.

период их основным драйвером был Европейский Союз, который, однако, не смог справиться с достаточно высоким уровнем клановости и зависимости полиции от политической системы. В России и Казахстане этот уровень и эта зависимость еще выше.

Иную картину дает анализ внешней коммерциализации полиции в разных странах (см. табл. 7).

Таблица 7

Внешняя коррупция в России, Болгарии, Казахстане и Латвии (%)

	Типы по внешней коррупции			Итого
	некоррупциро- ванные	среднекоррупци- рованные	высокоррупци- рованные	
Россия	33	35	32	100
Болгария	57	19	24	100
Казахстан	53	30	17	100
Латвия	51	37	12	100
Итого	49	30	21	100

Источник: Разработано авторами.

Самый высокий уровень внешней коррупции отмечается в России, где происходит примерно равномерное её распределение по всем трем типам. Тогда как в остальных трёх странах доля некоррупцированных является самой большой и составляет больше половины. Доля же высококоррупцированных в России также составляет треть, что существенно выше, чем в других странах (почти в 3 раза, чем в Латвии, и почти в 2 раза, чем в Казахстане). Неожиданно оказалось, что в Казахстане уровень внешней коррупции не выше, а даже несколько ниже, чем в Болгарии, что, впрочем, видимо «компенсируется» высоким уровнем внутренней коррупции в Казахстане.

Заключение

Таким образом, уровень коррупции полицейской системы во всех анализируемых странах довольно высок. И хотя коррупция решает определённые тактические проблемы отдельных групп в полиции, тем не менее она наносит полиции в целом системный вред. Прежде всего — ухудшает качество работы полиции в особенности в той его части, которая непосредственно выходит на население, ухудшая отношения между населением и полицией. Этот уровень также отрицательно связан с уровнем преступности по оценкам самих полицейских, так как, по-видимому, снижает их возможности оказывать контролирующее воздействие на криминальную ситуацию. Более того, вопреки распространённому стереотипу, что неформальные заработки являются фактором, привлекающим людей в полицию, выясняется, что, скорее, наоборот — она отрицательно связана с удовлетворенностью полицейскими своей работой и оказывается фактором, выталкивающим людей из полиции, а не притягивающим их. Видимо, это следствие высоких рисков и сопутствующих издержек, связанных с неформальными заработками в полиции.

В четырёх исследуемых странах разный уровень внутренней и внешней коррупции. Самый высокий уровень внутренней коррупции в Казахстане, где группа высококоррупцированных респондентов больше, чем две другие группы, тогда как в Латвии этот уровень относительно мал и подавляющая доля опрошенных относится к группе некоррупциро-

ванных. Болгария и Россия находятся посередине с несколько более высоким уровнем внутренней коррупции в России.

Что же касается внешней коррупции, то здесь с большим отрывом лидирует Россия, а три остальные страны не очень значительно отличаются друг от друга.

Эта разница между странами в уровне и характере коррупции объясняется, по-видимому, различиями в темпах и особенностях проведения преобразований в постсоветский период, как реформ в полиции, так и общеполитических и общеэкономических трансформаций.

По нашему мнению, очень высокий уровень внешней коррупции в российских полицейских организациях по сравнению с другими обследованными постсоветскими странами — следствие высокой централизации коррупции. В условиях централизации коррупции она носит характер неформально санкционированной сверху деятельности и в неё вовлечены, прежде всего, руководители разного ранга. Это создает почти непреодолимые трудности в борьбе с коррупцией на нижних этажах системы управления.

Парадоксально, но это создает и потенциально благоприятные условия для относительно быстрых позитивных перемен при осуществлении реальных антикоррупционных реформ на уровне страны в целом. К такому выводу может привести и анализ опыта антикоррупционных реформ в полиции других постсоветских стран, например, Грузии и Армении [Шахназарян, 2015]. Такие благоприятные условия сложились в Грузии, где коррупция носила централизованный характер, в противоположность Армении, где она была децентрализованной [Шахназарян, 2015. С. 74]. Конечно, даже при относительно благоприятных условиях успешные антикоррупционные реформы потребуют огромных усилий не только от центральных властей, но и на уровне полицейских организаций и гражданского общества [Marat, 2016; Light, Prado and Wang, 2015]. Об этом говорит опыт как постсоветских стран, так и развитых и развивающихся государств.

ЛИТЕРАТУРА

- Иншаков С.М. (2011). Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М.: ЮНИТИ.
- Нисневич Ю.А. (2016a). Проблемы концептуализации феномена коррупции. Ч. I // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. № 1(15). С. 106–119.
- Нисневич Ю.А. (2016b). Проблемы концептуализации феномена коррупции. Ч. II // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. № 2(16). С. 39–54.
- Противодействие коррупции в Российской Федерации (2017). Амара М.И., Нисневич Ю.А., Панфилова Е.А. (сост.). Библиография (1991–2016 гг.). М.: Издательство Юрайт.
- Шахназарян Н. (2015). Антикоррупционные меры в контексте реформы дорожной полиции в Армении: революция, эволюция или фасад? // Acta Slavica Iaponica. № 36. С. 73–103.
- Dovidio J.F., Fazio R.H. (1992). New technologies for the direct and indirect assessment of attitudes // Questions about questions: Inquiries into the cognitive bases of surveys / J.M. Tanur (Ed.). New York: Russell Sage Foundation. Pp. 204–237.
- Harkness J.A., van de Vijver F.J.R., Johnson T.P. (2003). Questionnaire design in comparative research // Cross-Cultural Survey Methods / J.A. Harkness, J.F.R. van de Vijver, P.Ph. Mohler (eds.). New York: Wiley. Pp. 9–34.
- Kolennikova O., Kosals L., Ryvkina R., Simagin Y. and Wilson D. (2008). The “Economic Activities” of Russian Police // International Journal of Police Science & Management. 10 (1). Pp. 65–75.
- Lee R.M (1993). Doing Research on Sensitive Topics. London: Sage Publications.
- Light M., Prado M.M., Wang Y. (2015). Policing following political and social transitions: Russia, Brazil, and China compared // Theoretical Criminology. Vol. 19(2). Pp. 216–238.
- Riccardi M., Sarno F. (2014). Corruption // Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice / G. Bruinsma, D. Weisburd (Eds.) New York, NY: Springer. Pp. 630–640.
- Rochlitz M., Kazun A., Yakovlev A. (2020). Property rights in Russia after 2009: from business capture to centralized corruption? // Post-Soviet Affairs. Vol. 36. No. 5–6. Pp. 434–450.
- Tourangeau R., Yan T. (2007). Sensitive questions in surveys // Psychological Bulletin. Vol. 133. No. 5. Pp. 859–883.
- Wedel J. (2012). Rethinking Corruption in an Age of Ambiguity // Annual Review of Law and Social Science. No. 8. Pp. 453–498.

Косалс Леонид Янович

lkosals@hse.ru

Leonid Kosals

Dr. of science (economics), professor of the Faculty of Social Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics, Moscow Russia and Adjunct Professor at the Centre for Criminology and Sociological Studies, University of Toronto, Toronto, Canada
lkosals@hse.ru

Изюмов Алексей Игоревич

Alexei.Izyumov@louisville.edu

Alexei Izyumov

PhD, professor of Economics, College of Business at the University of Louisville, Louisville, USA
Alexei.Izyumov@louisville.edu

EXTERNAL AND INTERNAL CORRUPTION IN ORGANIZATIONS: TYPOLOGY AND INTERDEPENDENCE. A CASE OF THE POLICE

Abstract. The authors introduce the concepts of “internal” and “external” organizational corruption and provide the analysis of their relationship based on the data of a comparative cross-country sociological survey of police officers in Russia, Bulgaria, Kazakhstan and Latvia. The sample included officers of various ranks employed in various departments, in both large cities and small towns. Analysis of the data showed that in the studied post-Soviet countries, the level of corruption of the police is quite high. The highest level of internal corruption is in Kazakhstan, while in Latvia this level is relatively low; Bulgaria and Russia are in the middle, with a slightly higher level of corruption in Russia. In terms of external corruption, Russia is found to be in the lead, while the other three countries are not very different from each other. This difference between countries in the level and nature of corruption is explained by variations in the pace and characteristics of transformations in the post-Soviet period, both reforms of the police force itself and general political and socio-economic transformations. Although corruption solves some urgent problems of certain groups in the police, it causes systemic harm to the police as a whole. First, it worsens the quality of the police work, especially in that part of it that directly affects the population, worsening the relationship between the population and the police. It is also negatively associated with the crime rate according to the estimates of the police officers themselves, since, apparently, it reduces their ability to control the crime. Moreover, contrary to the widespread stereotype that informal earnings are a factor that attracts potential employees to the police in Eastern Europe, it turns out that, on the contrary, it is negatively associated with job satisfaction and is a factor that pushes officers out of the police, rather than attracting them. Apparently, this is a consequence of the high risks and additional costs associated with informal earnings of the police officers. The authors make a paradoxical conclusion that large external corruption may have created potentially favorable conditions for a relatively quick police reform. They argue that compared to a country with decentralized corruption Russia with its high level of corruption centralization might be more successful in case it embarks on the genuine anti-corruption reforms at the country level.

Keywords: *corruption, police, anti-corruption reform.*

JEL: K42, P37.

REFERENCES

- Dovidio J.F., Fazio R.H. (1992). New technologies for the direct and indirect assessment of attitudes // *Questions about questions: Inquiries into the cognitive bases of surveys* / J. M. Tanur (Eds.). New York: Russell Sage Foundation. Pp. 204–237.
- Harkness J.A., van de Vijver F.J.R., Johnson T.P. (2003). Questionnaire design in comparative research // *Cross-Cultural Survey Methods* / J.A Harkness., J.F.R. van de Vijver, P.Ph Mohler (eds.). New York: Wiley. Pp. 9–34.
- Inshakov S.M. (2011). *Teoreticheskiye osnovy issledovaniya i analiza latentnoy prestupnosti* [Theoretical foundations of research and analysis of latent crime]. M.: YuNITI. (In Russ.)
- Kolennikova O., Kosals L., Ryvkina R., Simagin Y. and Wilson D. (2008) The “Economic Activities” of Russian Police // *International Journal of Police Science & Management*. 10 (1). Pp. 65–75.
- Lee R.M. (1993). *Doing Research on Sensitive Topics*. London: Sage Publications.
- Light M., Prado M.M., Wang Y. (2015) Policing following political and social transitions: Russia, Brazil, and China compared // *Theoretical Criminology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 216–238.
- Nisnevich Yu.A. (2016). Problemy kontseptualizatsii fenomena korruptsii. Ch. I [Problems of conceptualizing the phenomenon of corruption. Part I] // *Evraziyskiy Soyuz: Voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy*. No. 1 (15). Pp. 106–119. (In Russ.)

- Nisnevich Yu.A. (2016). Problemy kontseptualizatsii fenomena korruptsii. Ch. II [Problems of conceptualizing the phenomenon of corruption. Part II] // *Evraziyskiy Soyuz: Voprosy mezhdunarodnykh otnosheniy*. No. 2(16). Pp. 39–54. (In Russ.)
- Protivodeystviye korruptsii v Rossiyskoy Federatsii. (2017). Amara M.I., Nisnevich Yu.A., Panfilova E.A. (eds.). Bibliografiya (1991–2016 gg.) [Anti-corruption in the Russian Federation. Bibliography (1991–2016)]. M.: Izdatelstvo Yurayt. (In Russ.)
- Riccardi M., Sarno F. (2014). Corruption // *Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice* / G. Bruinsma, D. Weisburd (eds.). New York, NY: Springer, 2014. Pp. 630–640.
- Rochlitz M., Kazun A., Yakovlev A. (2020). Property rights in Russia after 2009: from business capture to centralized corruption? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 36. No. 5–6. Pp. 434–450.
- Shakhnazaryan N. (2015). Antikorruptsiyonnyye mery v kontekste reformy dorozhnoy politsii v Armenii: revolyutsiya, evolyutsiya ili fasad? [Anti-Corruption Measures in the Context of Traffic Police Reform in Armenia: Revolution, Evolution or Facade?] // *Acta Slavica Iaponica*. № 36. Pp. 73–103. (In Russ.)
- Tourangeau R., Yan T. (2007). Sensitive questions in surveys // *Psychological Bulletin*. 133(5). Pp. 859–883.
- Wedel J. (2012). Rethinking Corruption in an Age of Ambiguity // *Annual Review of Law and Social Science*. No. 8. Pp. 453–498.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.А. Бураков

*Научный сотрудник, Институт экономики РАН; научный сотрудник,
Государственный институт искусствознания (Москва)*

НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ АКТИВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В ОТРАСЛИ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты оценки вклада нематериальных активов в экономический рост отрасли культуры. Работа содержит описание ключевых этапов становления и развития теории роста и обоснование включения в современную модель экономического роста фактора нематериальных активов. Для формирования валидных значений данного фактора предлагается использовать эконометрическую модель информационных агрегатов, способных отразить накопленный нематериальный ресурс как на уровне отдельных организаций, отраслей, так и на уровне государства. В статье представлены результаты апробации предложенной методологии, а также анализ влияния сформированных факторов нематериальных активов на контрольные переменные, отражающие экономическое состояние учреждений культуры.

Ключевые слова: *теория экономического роста, нематериальные активы, информационные агрегаты, экономика культуры, рейтинг.*

JEL: A10, O42, O47, Z1.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_92_104.

Современные характеристики и признаки экономического развития и развития общества в целом всегда вызывают интерес профессионального сообщества экономистов. В период послевоенного роста производства одними из основных причин, оказавших влияние на лидеров мировой экономической системы, стали развивающиеся наукоёмкие отрасли, позволившие быстро конвертировать научное знание в инженерные разработки, а затем и в конечные продукты, подходящие под различные сегменты рыночного спроса¹ [Жуков, 1998. С. 579–587; *Post-war reconstruction ...*, 2017. С. 23–48].

Со временем экономисты стали всё чаще выявлять несоответствие между промышленным развитием государств и уровнем благосостояния населения. Во многом это можно объяснить глобализацией и усилением конкуренции на мировой арене, которые стали оказывать заметное давление на экономических агентов и, как следствие, на регионы, от которых зависит успех производственных единиц. С течением времени относительная важность обеспеченности физическими ресурсами как основной движущей силой регионального роста снижалась вследствие того, что подобный фактор к настоящему периоду становится повсеместно доступен в развитых и развивающихся странах [Suriñach, Moreno, 2012].

Изучение происходящих экономических процессов на микро- и макроуровнях подтолкнуло исследователей к анализу непрямых причин роста экономики

¹ Italy since 1945. The economic miracle. <https://www.britannica.com/place/Italy/The-economic-miracle> (дата обращения 26.08.2021).

как самостоятельных факторов. Наиболее широко распространился подход, основанный на количественной оценке воздействия на экономическое развитие государства отдельных структурных характеристик [*World Development Report*, 2009; *Зубаревич*, 2009; *Земцов*, *Смелов*, 2018; *Новая...*, 2018; *Бобылева*, 2021]. При этом особо стоит выделить «незримые» производственные факторы, связанные с ограниченным знанием. Именно такие факторы находят отражение в теории эндогенного роста, которая рассматривает человеческий капитал и знания как движущие силы роста экономики в промышленно развитых и развивающихся странах. Данные факторы производства в настоящей работе будут обозначены под общепринятым названием «нематериальные активы».

1. Нематериальные активы и экономический рост

Еще в начале 2000-х годов термин «нематериальный актив» был напрямую связан с принципами финансовой отчётности компаний [*Daum*, 2003]. Основой для выделения данного фактора развития предприятий стал проект 1978 г. по «Учету деятельности по исследованиям и разработкам» в рамках совершенствования международных стандартов финансовой отчётности 9 (МСФО 9)², вступивший в силу 1 января 1980 г. С развитием МСФО и укреплением нематериальных активов как самостоятельного стандарта (МСФО 38) в исследовательских работах возникли предположения о влиянии данного фактора на развитие отдельных экономических отраслей и государств в целом [*Corrado, Hulthen, Sichel*, 2005]. Итогом обсуждений стало включение данного фактора в международную систему национальной счетов (СНС) в редакции 2008 г. При этом под нематериальными активами понимались «контракты, договоры аренды и лицензии, которые могут рассматриваться как активы при определенных обстоятельствах», «гудвилл и маркетинговые активы», а также отдельно была выделена категория «продукты интеллектуальной собственности»³. Таким образом, термин «нематериальный актив» был признан как на микро- так и на макроэкономическом уровне анализа.

Как говорилось ранее, нематериальные активы всё чаще становятся основным из факторов, который обуславливает несоответствие между фиксируемым в статистике уровнем развития отдельных компаний, отраслей, регионов и стран и их реальным экономическим положением [*Corrado, Hulthen, Sichel*, 2005]. Многофакторная модель экономического роста, основанная на производственной функции, является основным эмпирическим инструментом, применяемым в рамках экономической теории для объяснения основных тенденций развития различных экономических объектов. Данная модель, разработанная и популяризированная в 1950-х и 1960-х гг. Солоу [*Solow*, 1956, 1957], Своном [*Swan*, 1956], Денисоном [*Denison*, 1962] и другими, предполагает распределение темпов изменения выпуска на три взвешенных фактора: труд, капитал и фактор эффективности выпуска, называемый «общей факторной производительностью».

Факторная концепция анализа экономического роста, несмотря на очевидные преимущества, также была подвержена критике со стороны своего основателя: «...вы видите компьютерную революцию повсюду, кроме данных о производительности» [*Solow*, 1987]. Позднее Нордхаус заметил, что данные, отражённые в официальной статистике, «...пропускают самые важные технологические революции в истории» [*Nordhaus*, 1997]. В итоге большое внимание при анализе факторов роста стало уделяться именно технологии, разработкам, патентам и др.

² IAS 38 — Intangible Assets. Delloite. <https://www.iasplus.com/en/standards/ias/ias38> (дата обращения 10.08.2021).

³ Система национальных счетов 2008. <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/sna2008russian.pdf> (дата обращения 10.08.2021)

В теории экономического роста, использующей производственные функции в качестве основного инструмента [Solow, 1957; Mankiw, Romer, Weil, 1990], наряду с фактором технологий используется и такая экономическая категория, как человеческий капитал [Hulten, 1979; Adarov, Stehrer, 2019]. Сочетание знаний, общественных и индивидуальных характеристик, реализованных в новых способах создания продукции с добавленной экономической стоимостью, позволяет выделить человеческий капитал в отдельный фактор, отличный от иных типов капитала [Bekker, 1962].

В то же время существует ограничение, которое возникает при анализе вышеописанных факторов развития: они не могут быть выявлены путём прямого изучения базовых статистических показателей, собираемых национальными и частными профильными организациями. Поэтому для отражения межрегиональных различий чаще всего применяются социально-экономические агрегаты, отражающие различные индексы и рейтинги⁴.

Нематериальным активам в культурной сфере, как и в сфере технологий, отводится отдельная ниша в понимании их важности развития общества. Например, на уровне государства «нематериальные культурные активы», как это определено правительством Японии в Законе «О защите культурных ценностей» ещё в 1950 г., являются частью культурных ценностей, имеющих высокую историческую или художественную значимость⁵ [Бураков, 2021]. В то же время ЮНЕСКО отмечает важность нематериального культурного наследия не как проявление культуры, а в большей степени как богатство знаний и навыков, которые передаются через него из поколения в поколение. Социальная и экономическая ценность такой передачи знаний актуальна как для малых групп, так и для основных социальных групп внутри государства и столь же важна для развивающихся государств, как и для развитых⁶.

Рассматривая ценность культурных благ как некую совокупность факторов, стоит отметить подход Тросби [Throsby, 2001], выделявшего несколько источников возникновения дополнительной стоимости в отрасли культуры. Среди основных слагаемых, по многим признакам относящихся к нематериальным активам, были названы эстетическая и духовная ценность, стоимость социальных, исторических и символических аспектов, дополняющих собой общую ценность того или иного предмета или института культурной сферы. При этом автор разделяет стоимость данных объектов на экономическую (материальную) и культурную (нематериальную), предполагая, что культурная стоимость может быть отражена в готовности оплачивать нематериальную ценность предмета потребителем в дополнение к его реальной стоимости на рынке [Throsby, 2001]. Таким образом, именно сумма материальных и нематериальных активов наиболее полно отражает совокупную стоимость культурных благ.

Интересный подход к пониманию фактора нематериальной ценности в культуре предложен в дискуссии о развитии креативной экономики: «Креативность становится наиболее значимым фактором, влияющим на производство продукции в экономически развитых странах, поскольку она способна реализовывать замыслы в процессе труда и создания капитала. И хотя креативность нематериальна, она благодаря новым оригинальным идеям без особых дополнительных затрат труда и капитала позволяет повысить уровень производства. Кроме того, эта способность человека составляет неограниченные ресурсы» [Клоудова, 2010. С. 114]. В работе также отмечается, что для создания достаточного спроса на блага, производимые в креативных отраслях эконо-

⁴ Human Capital Index (HCI). <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (дата обращения 03.08.2021); Human Development Index (HDI). <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi> (дата обращения 03.08.2021).

⁵ Закон о защите культурных ценностей. <https://kotobank.jp/word/%E6%96%87%E5%8C%96%E8%B2%A1%E4%BF%9D%E8%AD%B7%E6%B3%95-128343> (дата обращения 29.07.2021).

⁶ UNESCO. <https://ich.unesco.org/en/what-is-intangible-heritage-00003> (дата обращения 10.08.2021).

мики, необходимо, чтобы «...потребитель обладал развитым культурно-эстетическим вкусом, а также высоким уровнем общей потребительской культуры. Развитие креативного сектора требует, чтобы его потребитель обладал способностью к эстетическому восприятию, чтобы он уделял внимание в первую очередь не только полезности и функциональности, но и эстетической стороне предлагаемой продукции» [Клоудова, 2010. С. 116].

Отдельно стоит выделить серию работ Рэйчел Соловейчик, посвященных оценке активов в сфере культуры [Soloveichik, 2013, 2017]. Исследования содержат обоснование учёта, особенности амортизации и авторские оценки поступлений от производства театральных постановок, телевизионных программ, книг и прочих произведённых благ отрасли культуры как одних из значимых источников экономического роста. Приводится примерная корректировка доходов государства с учётом нематериальных активов, созданных в отрасли с 1900 г. и не капитализированных ввиду несовершенства статистической информации вплоть до 2013 г. [Soloveichik, 2017].

Основываясь на рассмотренных выше определениях в рамках экономической теории можно предположить, что нематериальные активы в отрасли культуры вносят свой вклад в развитие производства и рост производительности как внутри организации (через человеческий и организационный капитал, интеллектуальные активы, бренд и др.), так и за её пределами (через локальные внешние факторы, правовые и институциональные рамки, систему образования, защиту прав собственности, социальный капитал и др.). При этом они подвержены стандартным провалам рынка, связанным с отсутствием конкуренции и исключительности в потреблении.

2. Модель композитных факторов

Вклад нематериальных активов в экономический рост достаточно трудно поддаётся оценке. Это обусловлено особенностью подсчёта такого рода активов как в случае с РСБУ и МСФО, так и в случае СНС. Не погружаясь в тонкости статистического анализа, отмечу, что современные способы и существующие формы финансового отражения нематериальных активов не всегда могут отразить их реальный накопленный объем. Например, это наблюдается при оценке комплекса программных продуктов или «экосистем», которые активно продвигаются крупными IT-компаниями. Отдельные программы и интернет-ресурсы, конечно, подвергаются оценке как производство информационных, инновационных, технологичных и прочих единиц. Однако вся совокупность информационной инфраструктуры сегодня сложна для состоятельной оценки, при этом изолированной от других нематериальных активов.

При этом за пределами отрасли информационных технологий существуют как целые отрасли, так и отдельные организации, развитие которых во многом зависит от подобных статистически ненаблюдаемых факторов. Одной из таких сфер общественной деятельности, относящейся к отрасли культуры, можно считать сферу театрального производства.

Для того, чтобы наиболее точно оценить вклад накопленных нематериальных активов в экономический рост, необходимо отразить не поддающиеся прямому финансовому учёту факторы. В рамках решения данной задачи на примере изучения отрасли культуры предлагается использовать модель композитных факторов. Данная модель является развитием предложенной ранее модели потенциалов регионального развития [Бураков, Бухвальд, Кольчугина, 2019. С. 152; Бураков, Рубинштейн, 2020].

В широком смысле «композитный фактор» (композит) отражает некоторую совокупность накопленных ресурсов на уровне как отдельной организации, группы организа-

ций или отрасли, так и в государстве и обществе в целом. При этом композитный фактор является универсальным экономическим понятием, которое может отражать накопление как материальных, так и нематериальных активов общества на макро- и микроуровнях экономического анализа:

$$Y = F(C_1; C_2; \dots; C_n) = \sum_{n=1}^k \varphi_n C_n, \quad (1)$$

где Y — совокупный композитный фактор, состоящий из n -го числа частных композитных факторов; $C_n = F_n(x_n)$ — частный композитный фактор, $x_1; \dots; x_n$ — соответствующие наборы статистически наблюдаемых показателей; $\varphi_1; \dots; \varphi_n$ — веса частных композитных факторов в модели. Для выявления системы весов при каждом композитном факторе в настоящей модели предполагается использование многомерного статистического анализа. В качестве основного применяется метод «Multiway Analysis», позволяющий исследовать взаимное влияние различных признаков в трёхмерном информационном пространстве данных [Рубинштейн, Слуцкий, 2018]. Данный метод позволяет сформировать совокупный композит таким образом, что полученные значения для каждого объекта выборки также можно использовать для ранжирования этих объектов.

Предлагаемая модель композитных факторов наиболее удачно подходит для исследования отраслей гуманитарного сектора экономики, в который входят отрасли культуры, науки и образования. В процессе производства благ организациями данного сектора происходит и создание активов, не поддающихся прямой материальной оценке. Театральная сфера как часть отрасли культуры обладает схожими характеристиками функционирования учреждений, входящих в её состав. При этом в театрах особую роль играют такие не очевидные на первый взгляд нематериальные активы, как актерский состав, режиссёрский талант, уникальность постановок и др.

Театральная отрасль заметно дифференцирована по уровню развития в различных регионах страны. В связи с этим необходимо уделить особое внимание основным показателям, характеризующим деятельность театров. В качестве основных факторов выделяют зрительскую аудиторию, творческую активность и экономические условия функционирования учреждений [Театр и зритель..., 2019].

В данной работе уровень развития театральной сферы в отдельном регионе отражён значением совокупного рейтинга, который способен достигнуть регион в зависимости от сформированных в нем зрительского и творческого композитных факторов, а также фактора условий ведения экономической деятельности организаций. При этом проверке подлежит следующая гипотеза: частные композитные факторы, формирующие совокупный рейтинг театральных организаций и отражающие в том числе накопленные ими нематериальные активы, оказывают влияние на экономический рост данных учреждений.

Важно подчеркнуть, что используемый алгоритм при изучении театральных организаций в регионах России также может быть использован для анализа иных типов организаций культуры и всего гуманитарного сектора в целом.

3. Результаты моделирования композитных факторов

Прежде чем перейти непосредственно к моделированию, отметим, что данная работа является продолжением исследования, направленного на изучение нематериальных активов в сфере культуры. [Бураков, 2021]. Ранее были получены результаты одного из

композитных факторов, названных творческим потенциалом театральных организаций. Текущая статья содержит результаты для двух других композитов: зрительского и композита экономических условий, которые вместе с творческим композитом позволяют ранжировать организации театральной сферы и оценить вклад нематериальных активов в экономический рост данных учреждений (рис.).

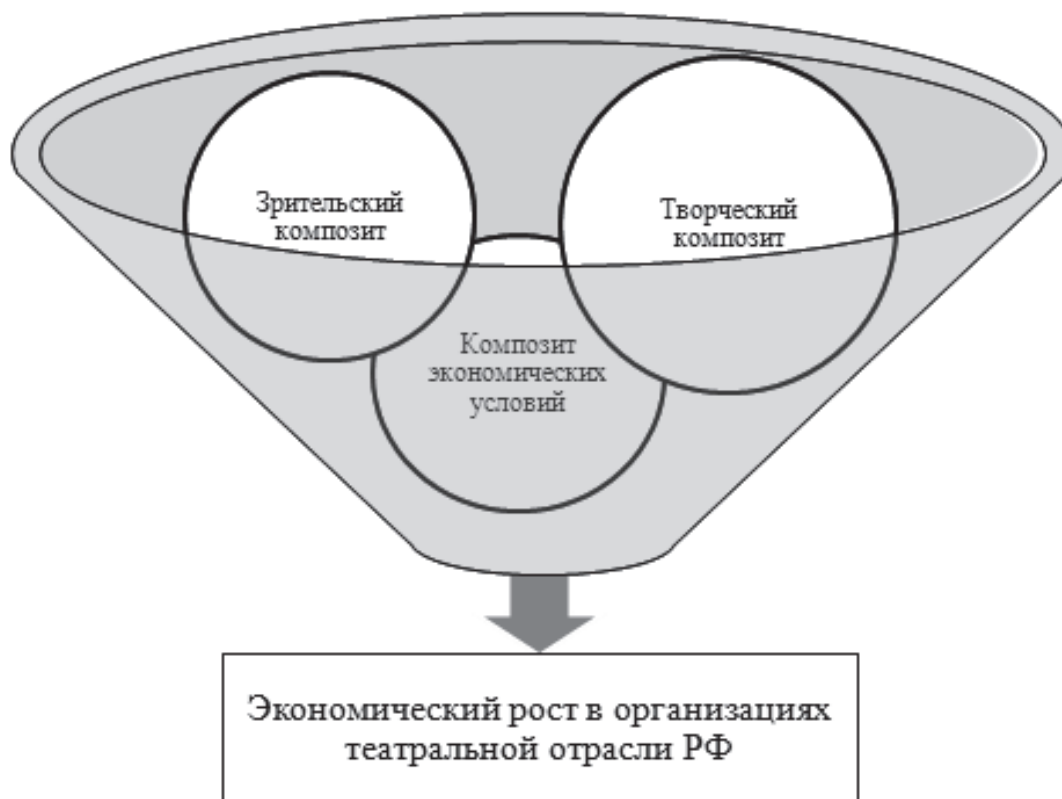

Рис. Факторы, определяющие развитие театральных организаций

Источник: составлено автором.

Все статистические данные, используемые для формирования композитных факторов исследования, можно разделить на две группы по источникам происхождения. В первой группе были использованы данные из открытых источников баз ГИВЦ МК РФ и ФСГС РФ, а также уникальные данные, собранные непосредственно самими организациями культуры. Вторая группа показателей была сформирована на основе данных полученных у респондентов в рамках первого Всероссийского социологического опроса театральных зрителей.

На основе первичной статистики была создана уникальная база данных, содержащая чуть менее 5 млн наблюдений и включающая в себя описание 11 показателей совокупного рейтинга театральных организаций, 82 субъектов России и 10 183 мнений респондентов. Все статистические данные отражают ситуацию в театральной отрасли за 2019 г. Для повышения репрезентативности выборка была скорректирована — из 82 субъектов, по которым получены социологические данные, были исключены 24 региона. Основным критерием исключения регионов из исследования стало количество респондентов, принявших участие в опросе. Точкой исключения было выбрано значение, равное 20-ти респондентам для одного региона [Бураков, 2021].

Теперь рассмотрим результаты моделирования зрительского композита (табл. 1, 2), композита экономических условий (табл. 3, 4), композита творческого потенциала (табл. 5, 6) (более подробно рассматривается в: [Бураков, 2021]) и результирующего показателя: совокупного театрального рейтинга (табл. 7, 8).

Таблица 1
Показатели зрительского композита

№	Показатели	Вес показателя, %
1	Удовлетворённость существующим репертуаром	25,7
2	Высшее образование респондента	24,9
3	Личный доход, обеспечивающий доступность театров	24,4
4	Потребность в традиционных постановках	15,9
5	Потребность в новаторских постановках	9,1

Источник: составлено автором по результатам MW-анализа.

Таблица 2
Ранжирование регионов по зрительскому композиту

Регион	Значение	Ранг
Москва	6,74	1
Санкт-Петербург	2,91	2
Свердловская область	1,49	3
Красноярский край	1,36	4
Челябинская область	1,30	5
Республика Татарстан	1,29	6
Самарская область	1,20	7
Республика Башкортостан	1,17	8
Пермский край	1,16	9
Нижегородская область	1,03	10
Омская область	1,00	11
Новосибирская область	0,91	12
Ростовская область	0,90	13
Воронежская область	0,62	14

Источник: составлено автором по результатам MW-анализа.

Таблица 3
Показатели композита экономических условий

№	Показатели	Вес показателя, %
1	Коммерческая вместимость залов	34,3
2	Размер аудитории	33,0
3	Общее число работников театров	32,7

Источник: составлено автором по результатам MW-анализа.

Таблица 4
Ранжирование регионов по композиту экономических условий

Регион	Значение	Ранг
Санкт-Петербург	3,11	1
Москва	2,74	2
Омская область	1,25	3
Новосибирская область	1,18	4
Красноярский край	1,16	5
Пермский край	1,15	6
Свердловская область	1,11	7
Челябинская область	1,04	8
Республика Татарстан	1,03	9
Нижегородская область	1,01	10
Самарская область	0,87	11
Республика Башкортостан	0,75	12
Воронежская область	0,72	13
Ростовская область	0,63	14

Источник: составлено автором по результатам MW-анализа.

Таблица 5
Показатели творческого композита

№	Показатели	Вес показателя, %
1	Наличие в театре актёров-звёзд	23,7
2	Наличие в театре репертуара, соответствующего зрительским предпочтениям	23,7
3	Наличие в театре достаточного количества новых постановок	21,7
4	Наличие в театре известных режиссёров	19,3
5	Наличие достаточного количества новых театров	11,6

Источник: [Бураков, 2021].

Таблица 6
Ранжирование регионов по творческому композиту

Регион	Значение	Ранг
Москва	6,74	1
Санкт-Петербург	2,91	2
Московская область	1,60	3
Свердловская область	1,49	4
Красноярский край	1,37	5
Челябинская область	1,30	6
Республика Татарстан	1,29	7
Самарская область	1,20	8
Республика Башкортостан	1,17	9
Пермский край	1,16	10
Нижегородская область	1,03	11
Омская область	1,00	12
Саратовская область	0,97	13
Новосибирская область	0,91	14

Источник: [Бураков, 2021].

Таблица 7
Показатели совокупного композита

№	Показатели	Вес показателя, %
1	Композит экономических условий	48,6
2	Зрительский композит	25,9
3	Творческий композит	25,5

Источник: составлено автором по результатам MW-анализа.

Таблица 8
Ранжирование регионов по совокупному театральному композиту

Регион	Значение	Ранг
Москва	2,97	1
Санкт-Петербург	2,45	2
Пермский край	1,08	3
Свердловская область	1,07	4
Красноярский край	1,06	5
Омская область	1,03	6
Челябинская область	1,01	7
Новосибирская область	1,00	8
Республика Татарстан	0,91	9
Нижегородская область	0,89	10
Самарская область	0,86	11
Республика Башкортостан	0,79	12
Ростовская область	0,68	13
Воронежская область	0,62	14

Источник: составлено автором по результатам MW-анализа.

Анализ расчётов зрительского композита и композита экономических условий привел к ожидаемым результатам для регионов с развитой театральной традицией — Москвы и Санкт-Петербурга. Эти субъекты возглавили сформированные рейтинги. Отметим, что северная столица стала лидером по потенциалу экономических условий, который основывается на показателях коммерческой вместимости залов, размере аудитории и общем числе работников театров в регионе.

Группы ТОП-14, представленные в таблицах, содержат большое количество повторяющихся регионов, что свидетельствует о некоторой связи между предложенными показателями для трёх частных композитов, требующей отдельного изучения. Так, во всех лидирующих группах представлены Красноярский край, город Москва, Нижегородская область, Омская область, Пермский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Самарская область, город Санкт-Петербург, Свердловская область и Челябинская область. Эти 11 субъектов также составили основу ТОП-14 и в совокупном театральном композите.

Анализ совокупного композита выявил наибольший вес экономического фактора в развитии театральной отрасли. При этом показатели самого экономического компо-

зита имеют почти равное влияние на совокупный театральный композит. Одним из часто используемых в исследованиях показателей для определения экономического роста является ВВП. При этом согласно СНС совокупный доход театров входит в этот показатель, что даёт возможность использовать его в качестве объясняемой переменной для частного случая производственной функции театральной отрасли на микроуровне.

Стоит сделать одно замечание относительно приведённых значений рангов субъектов, которые являются демонстрацией возможностей модели композитных факторов. В зависимости от показателей, входящих в частные композиты, конкретные веса и, соответственно, места регионов в рейтингах могут меняться. Сам набор показателей требует дополнительного экспертного анализа и выходит за рамки текущей работы.

Предлагаемая в исследовании методология позволяет оценить вклад частных театральных композитов в экономический рост на микроуровне. Для этого, согласно концепции совокупного дохода [Рубинштейн, 2021], в качестве зависимой переменной используется сумма собственного дохода театров и выделяемой учредителем субсидии, а в качестве независимых переменных используются факторы совокупного театрального рейтинга, приведённого в табл. 7.

Таблица 9
Результаты регрессионного анализа

Независимые переменные		Зрительский композит	Творческий композит	Композит экономических условий	Константа (С)	Нормированный R-квадрат	Количество наблюдений
Зависимые переменные	Совокупный доход театров	0,03	0,88***	0,12**	-0,72	0,91	58
	Посещения театральных мероприятий	0,02	0,89***	0,12**	-0,52	0,95	58

***, ** — значимость коэффициентов регрессии на уровне 1% и 5%, соответственно.

Источник: составлено автором.

Регрессионный анализ факторов совокупного театрального композита выявил заметное влияние, оказываемое частными композитами, отражающими творческое начало в театрах и текущие условия их производственной активности на экономическое положение театров (табл. 9). При этом творческий композит имеет большее влияние, что выражается как в высокой значимости на 1% уровне, против 5% уровня для экономического композита, так и в самих коэффициентах регрессии при переменных: 0,88 против 0,12. Таким образом, можно говорить о статистическом доказательстве гипотезы о положительном влиянии нематериальных активов, выраженных через творческий композит, на экономический рост в театральной отрасли.

4. Заключительные выводы

Результаты текущего этапа исследования композитных факторов свидетельствуют об актуальности применения этой модели для изучения вклада нематериальных активов в экономический рост на уровне предприятий и отдельных отраслей экономики. Данная

модель позволяет агрегировать реальные экономические показатели деятельности и различные нефинансовые показатели и формировать композиты, сопоставимые между собой и отражающие наиболее точную картину функционирования экономических субъектов.

Изучение вклада композитных факторов в экономический рост на примере театральных организаций позволило выявить следующие закономерности. Основными факторами, участвующими в формировании экономического роста в театральной отрасли, являются творческий и экономический частные композиты. При этом зрительский композит не оказывает заметного влияния на исследуемый показатель развития театров. Как и в случае с совокупным доходом, являющимся зависимой переменной в уравнениях, регрессионный анализ натурального показателя — посещений мероприятий — выявил схожие закономерности воздействия композитов на экономический рост.

В рамках анализа нематериальных активов различных организаций перспективной выглядит методология и методика определения композитных факторов. Проведённый на их основе анализ совокупного театрального композита позволил оценить уровень регионального развития театров и сопоставить субъекты между собой. Широкие возможности ранжирования субъектов экономической деятельности, открывающиеся в ходе формирования частных и совокупных композитов, требуют тщательного отбора исходных показателей нематериальных и материальных активов, основанного на экспертном мнении и общепризнанных методиках оценки функционирования деятельности предприятий.

Важным результатом изучения многомерной статистической базы данных театральной деятельности также можно считать разработку механизма оценки вклада отдельных показателей в соответствующие частные композиты. Построенная эконометрическая модель позволяет изучать влияние частных композитных факторов на экономический рост организаций, обладающих нематериальными активами.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобылева К.В. (2021). Вклад нематериальных активов в экономический рост: как меняются оценки при переходе от СНС 1993 к СНС 2008?: WP2/2021/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Бураков Н.А. (2021). Творческий потенциал театров в регионах России // Сцена. №2 (130). С. 51–56.
- Бураков Н.А., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2019). Ранжирование субъектов Российской Федерации на основе регионального индекса экономического развития // Федерализм. №3. С. 149–171.
- Бураков Н.А., Рубинштейн А.Я. (2020). Теоретические и прикладные аспекты измерения потенциалов экономического развития регионов России // Пространственная экономика. Т. 16. № 1. С. 24–50.
- Земцов С.П., Смелов Ю.А. (2018). Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (40). С. 84–108.
- Зубаревич Н.В. (2009). Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1–2. С. 161–174.
- История Японии 1868–1998. (1998). Т. 2. / Глав ред. А. Е. Жуков. М.: Институт востоковедения РАН.
- Клоудова Й. (2010). Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Журнал Новой экономической ассоциации. №5 (5). С. 109–124.
- Рубинштейн А.Я. (2021). Концепция совокупного дохода в экономической теории государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 34–53.
- Рубинштейн А.Я., Слуцкий Л.Н. (2018). «Multiway Data Analysis» и общая задача ранжирования журналов // Прикладная эконометрика. Т. 50. С. 90–113.
- Театр и зритель в предлагаемых обстоятельствах: Экспертно-аналитический доклад (2019) / Под ред. А.Я. Рубинштейна М.: СТД РФ. http://stdrf.ru/media/cms_page_media/2019/12/16/Доклад%20по%20Всероссийскому%20опросу%20зрителей%202019.pdf (дата обращения: сентябрь 2021).
- Adarov A., Stehrer R. (2019). Tangible and Intangible Assets in the Growth Performance of the EU, Japan, and the US: Research Report. № 442. Vienna: Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (WiiW).
- Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. Vol. 70. № 5. Part 2. Pp. 9–49.
- Corrado C., Hulten C., Sichel D. (2005). Measuring Capital and Technology. An Expanded Framework // Studies in Income and Wealth. Chicago: The University of Chicago Press. Vol. 65. Pp.11–45.
- Daum J.H. (2003). Intangible Assets and Value Creation. New York: John Wiley & Sons.

- Denison E.F. (1962). *The Sources of Economic Growth in The United States and the Alternatives Before Us*. New York: Committee for Economic Development.
- Hulten Ch.R. (1979). On the 'Importance' of Productivity Change // *American Economic Review*. Vol. 69. Issue 1. Pp. 126–136.
- Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. (1990). *A Contribution to the Empirics of Economic Growth: Working Papers / National Bureau of Economic Research*.
- Nordhaus W. (1997). Traditional Productivity Estimates Are Asleep at the (Technological) Switch // *Economic Journal*. Vol. 107. Issue 444. Pp. 1548–1559.
- Post-war reconstruction and development in the Golden Age of Capitalism: World Economic and Social Survey. (2017). Ch. 2 / United Nations. Pp. 23–48.
- Soloveichik R. (2013). *Music Originals As Capital Assets: Manuscript*. / Bureau of Economic Analysis. United States.
- Soloveichik R. (2017). *Miscellaneous Artwork as Capital Assets: Manuscript*. / Bureau of Economic Analysis. United States.
- Solow R. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. Oxford University Press. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.
- Solow R. (1957). Technical change and the aggregate production function // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 39. No. 3. Pp. 312–320.
- Solow R. (1987). *Growth Theory and After. Lecture to the memory of Alfred Nobel*. <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1987/solow/lecture> (дата обращения 05.09.21).
- Suriñach J., Moreno R. (2012). Introduction: Intangible Assets and Regional Economic Growth // *Regional Studies: The Journal of the Regional Studies Association*. Vol. 46. No. 10. Pp. 165–193.
- Swan T.W. (1956). Economic growth and capital accumulation // *American Economic Review*. Vol. 32. No. 2. Pp. 334–361.
- Throsby D. (2001). *Economics and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. (2008) / World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> (дата обращения: 25.06.2021).

Бураков Никита Александрович

burakovn@gmail.com

Nikita Burakov

*Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; researcher, State Institute for Art Studies, Moscow
burakovn@gmail.com*

INTANGIBLE ASSETS AND ECONOMIC GROWTH IN THE CULTURAL SECTOR

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of assessing the contribution of intangible assets to economic growth in the cultural sector. The paper contains a description of the key stages in the formation and development of the growth theory and the rationale for the inclusion of intangible assets factor in the modern model of economic growth. To form the valid values of this factor it is proposed to use econometric model of information aggregates that can reflect the accumulated intangible resource as at the level of individual organizations or industries and at the level of the state. The article presents the result of approbation of the proposed methodology, as well as the analysis of the influence of the formed factors of intangible assets on the control variables reflecting the economic state of cultural institutions.

Keywords: *economic growth theory, intangible assets, information aggregates, cultural economy, rankings*
JEL: A10, O42, O47, Z1.

REFERENCES

- Adarov A., Stehrer R. (2019). *Tangible and Intangible Assets in the Growth Performance of the EU, Japan, and the US: Research Report*. № 442. Vienna: Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (WiiW).
- Becker G.S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. Part 2. Pp. 9–49.
- Bobyleva K.V. (2021). Vklad nematerialnykh aktivov v ekonomicheskii rost kak meniaiutsia otsenki pri perekhode ot SNS 1993 k SNS 2008? [The contribution of intangible assets to economic growth: how are estimates changing from the 1993 SNA to the 2008 SNA?]. *WP2/2021/02*. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Burakov N.A. (2021). Tvorcheskiy potentsial teatrov v regionakh Rossii [The creative potential of theaters in the regions of Russia] // *Stsena*. N 2(130). Pp. 51–56.

- Burakov N.A., Bukhvald E.M., Kolchugina A.V. (2019). Ranzhirovanie subieektov Rossiiskoi Federatsii na osnove regionalnogo indeksa ekonomicheskogo razvitiia [Ranking of constituent territories of the Russian Federation based on a regional economic development index] // *Federalizm*. Vol. 3. Pp. 149–171.
- Burakov N.A., Rubinshtein A.YA. (2020). Teoreticheskie i prikladnye aspekty izmereniia potentsialov ekonomicheskogo razvitiia regionov Rossii [Theoretical and applied aspects of measuring the economic development potential of Russian regions] // *Prostranstvennaia ekonomika*. Vol. 16 (1). Pp. 24–50.
- Corrado C., Hulten C., Sichel D. (2005). Measuring Capital and Technology. An Expanded Framework // *Studies in Income and Wealth*. Chicago: The University of Chicago Press. Vol. 65. Pp. 11–45.
- Daum J.H. (2003). *Intangible Assets and Value Creation*. New York: John Wiley & Sons.
- Denison E.F. (1962). *The Sources of Economic Growth in The United States and the Alternatives Before Us*. New York: Committee for Economic Development.
- Hulten Ch.R. (1979). On the 'Importance' of Productivity Change // *American Economic Review*. Vol. 69. Issue 1. Pp. 126–136.
- Istoriia Yaponii 1868–1998 [History of Japan 1868–1998]. (1998). Vol. 2. Glav. red. Zhukov A.E. M.: Institut Vostokovedeniia RAN.
- Kloudova I. (2010). Vliianie razvitiia kreativnoi ekonomiki na ekonomicheski otstalye region [The impact of developing a creative economy on economically underdeveloped regions] // *ZHurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. N5 (5). Pp. 109–124.
- Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. (1990). *A Contribution to the Empirics of Economic Growth: Working Papers / National Bureau of Economic Research*.
- Nordhaus W. (1997). Traditional Productivity Estimates Are Asleep at the (Technological) Switch // *Economic Journal*. Vol. 107. Issue 444. Pp. 1548–1559.
- Post-war reconstruction and development in the Golden Age of Capitalism: World Economic and Social Survey*. (2017). Ch. 2 / United Nations. Pp. 23–48.
- Rubinshtein A.Ya., Slutskii L.N. (2018). «Multiway Data Analysis» i obshchaia zadacha ranzhirovaniia zhurnalov [“Multiway Data Analysis” and the common task of ranking journals] // *Prikladnaia ekonometrika*. Vol. 50. Pp. 90–113.
- Rubinshtejn A.Ya. (2021). Konceptsiya sovokupnogo dohoda v ekonomicheskoi teorii gosudarstva [The concept of aggregate income in the economic theory of the state] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 14. No. 3. Pp. 34–53.
- Soloveichik R. (2013). *Music Originals As Capital Assets: Manuscript / Bureau of Economic Analysis. United States*.
- Soloveichik R. (2017). *Miscellaneous Artwork as Capital Assets: Manuscript / Bureau of Economic Analysis. United States*.
- Solow R. (1956). A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*. Oxford University Press. Vol. 70. No. 1. Pp. 65–94.
- Solow R. (1957). Technical change and the aggregate production function // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 39. No. 3. Pp. 312–320.
- Solow R. (1987). *Growth Theory and After. Lecture to the memory of Alfred Nobel*. <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1987/solow/lecture> (дата обращения 05.09.21)
- Suriñach J., Moreno R. (2012). Introduction: Intangible Assets and Regional Economic Growth // *Regional Studies: The Journal of the Regional Studies Association*. Pp. 165–193.
- Swan T.W. (1956). Economic growth and capital accumulation // *American Economic Review*. Vol. 32. No. 2. Pp. 334–361.
- Teatr i zritel v predlagaemykh obstoiatelstvakh* (2019): Ekspertno-analiticheskii doklad [Theatre and the audience in the proposed circumstances. Expert and analytical report] / Pod red. Rubinshteina A. Ia. M. STD RF. 2019.
- Throsby D. (2001). *Economics and Culture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. (2008)* / World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> (дата обращения: 25.06.2021).
- Zemtsov S.P., Smelov I.U.A. (2018). Faktory regionalnogo razvitiia v Rossii geografiia chelovecheskii kapital ili politika regionov [Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human Capital, or Regional Policy] // *ZHurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. No 4. Pp. 84–108.
- Zubarevich N.V. (2009). Regionalnoe razvitie i regionalnaia politika za desiatiletie ekonomicheskogo rosta [Regional Development and Regional Policy in a Decade of Economic Growth] // *ZHurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*. No. 1–2. Pp. 161–174.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. Логинов

*к.э.н., с.н.с., Институт социального анализа и прогнозирования
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва)*

ШОК И АДАПТАЦИЯ: ГОД ПАНДЕМИИ В ОЦЕНКАХ И ЖИЗНЕННЫХ ПРАКТИКАХ РОССИЯН¹

Аннотация. На материалах репрезентативных социологических опросов российского населения, проведённых Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2020–2021 гг., проанализировано социальное самочувствие и жизненные практики различных групп населения в период пандемии коронавируса. Показано, что в течение года эпидемиологической нестабильности произошло существенное сглаживание соответствующих опасений, которые к весне текущего года были значительными в восприятии менее трети россиян. Лишь 35% опрошенных отметили, что «год пандемии» не принёс в их повседневную жизнь заметных перемен, в то время как около 30% зафиксировали значительные изменения. Наиболее остро воспринимаются трудности, связанные с невозможностью привычного проведения досуга, существенные проблемы вызвали дистанционный режим работы или учёбы, а также ограничения доступности необходимых услуг. Вынужденный переход к дистанционной занятости в период острой фазы пандемии осуществили около четверти наёмных работников, в максимальной степени — жители мегаполисов. Как показало исследование, столь массовый переход оказался скорее негативным с точки зрения качества рабочих взаимодействий, однако позволил сгладить остроту шоковой адаптации на рынке труда. Более трети опрошенных отмечают, что к весне 2021 г. их материальное положение по сравнению с началом 2020 г. изменилось не в лучшую сторону. Распространённой формой адаптации оказалось обращение к кредитным ресурсам; определённый в исследовании интегральный уровень кредитного обременения показывает, что 40% населения обладают финансовыми обязательствами, в том числе 19% характеризуются средним уровнем обременения, а 7% — высоким. В течение периода, прошедшего с начала пандемии, государством был предпринят ряд мер, направленных на сглаживание социально-экономического напряжения путём прямой поддержки различных групп населения. Большинство опрошенных реализация таких мер была замечена, но только четверть сочли их достаточными, в то время как 43% отметили недостаточность объёма социальной поддержки.

Ключевые слова: население, социально-экономическая адаптация, уровень жизни, доходы, рынок труда, социальное самочувствие, COVID-19.

JEL: Z13, I31.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_105_120.

Год, прошедший с весны 2020 г., оказался для населения России одним из самых сложных в новейшей истории. Шок «первой волны» коронавирусной инфекции, беспрецедентные меры в сферах экономической и социальной активности, направленные на ограничение распространения COVID-19, разнообразные и растянутые во времени негативные эффекты пандемии — всё это оказало существенное влияние на жизнь россиян, потребовав от многих из них специальных адаптационных усилий. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, по репрезентативным для населения России выборкам,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

был реализован ряд массовых анкетных опросов², позволяющих выявить общественное восприятие институционального контекста, а также рассмотреть распространённость и продуктивность практик адаптации к складывающимся условиям жизнедеятельности.

Подходы к исследованию процессов социально-экономической адаптации в России

За последние десятилетия население России приобрело масштабный опыт социально-экономической адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Этот опыт неизменно находится в фокусе исследовательского внимания. Начиная с ранних этапов трансформационных процессов 1990-х гг., адаптационная проблематика вышла на первый план общественных дискуссий и стала предметом проведения специальных исследований. Были выделены и проанализированы различные аспекты этой проблематики: отношения между субъектами и формирующейся новой социально-экономической, институциональной, социокультурной реальностью; типология различных моделей поведения; адаптационные результаты; факторы и ресурсы адаптации (см., например, [Заславская, 1995; Гордон, 1994; Гордон, 1995; Римашевская, 1995; Шабанова, 1995; Резник, Резник, 1995] и др.).

Значительную роль в развитии методологии изучения адаптационных процессов сыграл ресурсный подход [Тихонова, 2006]. В данном контексте адаптация рассматривается с точки зрения индивидуального рационального выбора с опорой на соответствующие требованиям контекста ресурсы. На основе выделения различных критериев исследователями рассматриваются адаптационные модели и делаются выводы о степени их реализуемости разными группами населения. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о доминировании пассивной модели адаптации при некотором нарастании тенденции распространения мобилизационной и креативной моделей [Аврамова, Дискин, 1997; Аврамова, Логинов, 2002].

В дальнейшем фокус исследований стал смещаться в сторону выявления социальных ресурсов вертикальной мобильности. На первый план выдвинулись задачи выявления доступности этих ресурсов, а также их продуктивности (см., например, [Аврамова, 2012]). В качестве основных ресурсов социальной мобильности выделялись образование (человеческий капитал) и полезные связи (социальный капитал). На основе проведенных эмпирических исследований был сделан вывод о соответствии механизма вертикальной мобильности сложившимся в России институциональным условиям.

С 2014 г. внимание стало переключаться на изучение социальных последствий экономического кризиса. Результаты исследований свидетельствуют о преобладании пассивных форм адаптации, нарастании негативных ожиданий относительно последствий кризиса для материального положения домохозяйств, перспектив занятости и экономического развития страны. Затяжной характер кризисных явлений, вызванных комплексом институциональных факторов, привел к снижению материального статуса массовых групп населения и актуализировал их адаптационную активность на основе имеющегося ресурсного потенциала [Аврамова, Малева, 2015; Российское общество..., 2016; Каравай, 2019; Козырева, Смирнов, 2018; Логинов, 2020a]. В зависимости от уровня ресурсной обеспеченности использовались два адаптационных вектора — пассивный и активный. Среди вариантов пассивной адаптации выделялись сокращение потребительских расходов, активизация возможностей личного подсобного хозяйства, наращивание долговой нагрузки,

² Социологические опросы проведены методом телефонного анкетирования по выборкам, репрезентирующим население страны в возрасте 18 лет и старше. Объём выборочной совокупности составил: март 2020 г. — 3500 респондентов, октябрь 2020 г. — 1600 респондентов, март 2021 г. — 3500 респондентов.

использование социальной помощи. Наиболее распространёнными активными формами при этом становились активизация усилий на рынке труда, инвестиции в человеческий капитал и диверсификация инвестиционно-сберегательного портфеля.

В 2020 г. актуализировалась проблема адаптации населения к новому кризису, вызванному пандемией COVID-19. Реализованные к настоящему времени исследования дают возможность представить характер восприятия изменившегося социально-экономического контекста [Логинов, 2020b; Латова, 2021], оценить спектр адаптационных усилий населения [Каравай, 2021], выявить особенности функционирования рынка труда в кризисный период [Ерицян, Русакова, Александрова, Усачева, 2021; Ляшок, 2021]. При этом незавершённость кризиса, высокий уровень неопределённости ситуации и неясность перспектив её развития являются очевидным фоном жизненных практик населения.

Восприятие ситуации и социальные ограничения

Весной 2020 г., в период первого эпидемиологического шока, населением было продемонстрировано достаточно серьёзное восприятие вирусной угрозы: почти половина опрошенных оценивали риски как существенные, в том числе 13% — как максимальные (рис. 1). Подобная оценка ситуации в совокупности с административными ограничениями экономической и социальной активности актуализировала практики жизненных ограничений. Две трети опрошенных зафиксировали у себя полное соблюдение «режима самоизоляции», предполагающего ограничение социальных контактов необходимым и разрешённым уровнем, а ещё 28% засвидетельствовали частичное соблюдение ими этого режима.

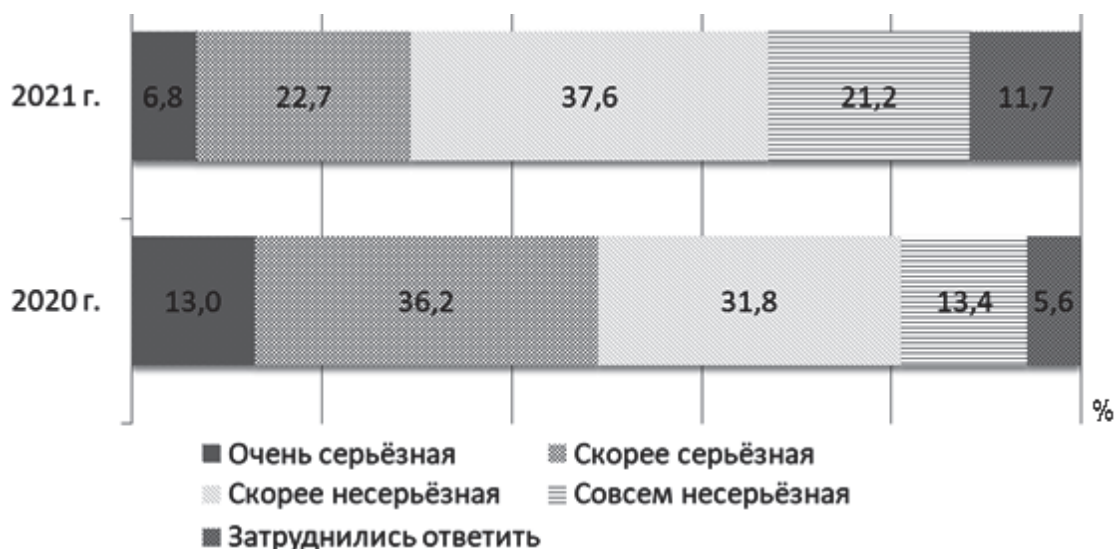

Рис. 1. Восприятие угрозы распространения коронавирусной инфекции в населённом пункте проживания

Источник: расчёты автора по данным репрезентативных социологических анкетных опросов россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2020 г., март 2021 г.

Рассмотрение социальных практик, реализуемых на стартовой фазе эпидемиологического кризиса, позволяет сгруппировать их по распространённости среди населения. Наиболее массовыми стали минимизация случаев выхода из дома (76%), использование средств индивидуальной защиты (72%) и соблюдение «социальной дистанции» (61%). Более трети опрошенных создали запасы продуктов питания и товаров первой необходимости. При этом 11% актуализировали потребительские практики, включающие доставку на дом продуктов и/или непродовольственных товаров, а каждый десятый временно сменил место жительства, переехав на дачу или в загородный дом.

Данные, полученные в марте 2021 г., иллюстрируют сглаживание первоначальной реакции на эпидемиологическую ситуацию. Первые месяцы года оказались периодом стабилизации численности инфицированных. На фоне начала массовой вакцинации и объективной усталости от многомесячных ограничений это подкрепило представления о конечности кризиса и стабилизации ситуации. В результате к концу первого квартала доля полностью и умеренно позитивных оценок ситуации приблизилась к 60%. При этом надо отметить, что распространённость мнения о сохранении достаточно серьёзной эпидемиологической угрозы, сократившись за год более чем в полтора раза, продолжала оставаться достаточно высокой (30%), а доля затруднившихся в оценке ситуации выросла почти до 12%.

Рассмотрение территориально-поселенческих различий показывает, что восприятие эпидемиологической напряжённости явным образом нарастало по мере увеличения размера населённого пункта (табл. 1). При отсутствии алармизма в оценках (максимальными вирусные риски виделись 6–8% населения в каждом из типов населённых пунктов), жители крупных городов проявляли обеспокоенность гораздо чаще. Суммируя оценки, характеризующие в большей или меньшей степени серьёзные опасения, мы видим, что различия между мегаполисами и небольшими населёнными пунктами (как городскими, так и сельскими) весьма значительны.

Таблица 1

Восприятие угрозы распространения коронавирусной инфекции в населённом пункте проживания, по типам поселений, в % по строке

Типы поселений	Очень серьёзное	Скорее серьёзное	Скорее несерьёзное	Совсем несерьёзное	Затруднились ответить
Города более 1 млн жителей	7,8	31,4	33,5	15,3	12,0
Города более 100 тыс. жителей	7,0	22,5	37,2	21,3	12,0
Города до 100 тыс. жителей	6,0	20,5	41,6	20,1	11,8
Сельские поселения	6,5	17,2	38,9	27,5	9,9
<i>В целом</i>	6,8	22,8	37,7	21,2	11,5

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

В течение года, прошедшего с начала эпидемиологического кризиса, население массово столкнулось с различными ситуациями, актуализировавшими социальный негатив. Каждый из выделенных негативных социальных эффектов оказался, в большей или меньшей степени, проблематизирован его значительными группами. Наиболее остро воспринимались трудности, связанные с невозможностью привычного проведения досуга, которые отмечают почти каждый второй из опрошенных. Проблемы, вызванные дистанционным режимом работы или учёбы, неполной доступностью необходимых услуг, а также ограничениями в прогулках, были актуальны для 28–37% россиян. Ограничения в приобретении продуктовых и непродовольственных товаров ощутили 17% опрошенных (табл. 2).

Лишь 36% опрошенных отметили, что «год пандемии» не принёс в их повседневную жизнь заметных перемен, в то время как почти 30% зафиксировали значительные изменения (табл. 3). При этом различия по гендерным и возрастным группам крайне невелики: мужчины в несколько большей степени отметили неизменность жизненной ситуации, а представители самой молодой когорты чаще были представлены в группе незначительных изменений.

Таблица 2

Проблематизация негативных социальных эффектов в период март 2020 г. — март 2021 г., по самооценке респондентов, в % по строке

Негативные социальные эффекты, в период с марта 2020 г. по март 2021 г.	Уровень проблематизации		
	не фиксируется как проблема	некоторая проблема	существенная проблема
Проблемы, вызванные необходимостью работать или учиться в дистанционном режиме	64,1	26,9	9,0
Проблемы, связанные с постоянным присутствием многих членов семьи дома	71,9	22,7	5,4
Трудности с приобретением/получением необходимых продуктов и товаров	82,4	13,5	4,1
Трудности с получением периодически необходимых услуг (банк, почта, поликлиника, бытовые услуги и т.д.)	63,2	25,6	11,2
Невозможность гулять, регулярно бывать на свежем воздухе	70,5	20,5	9,0
Ограничения привычного проведения досуга	53,5	38,8	7,7

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Таблица 3

Самооценка изменений в жизнедеятельности в результате эпидемии коронавируса и мер противодействия её распространению, по социально-демографическим группам, в % по строке

Социально-демографические группы	Самооценка изменений		
	значительные	незначительные	не произошли
<i>По гендеру</i>			
Мужчины	27,7	33,6	38,7
Женщины	29,1	37,3	33,6
<i>По возрасту</i>			
18–34 лет	26,7	39,3	34,0
35–54 лет	28,4	35,6	36,0
55 лет и старше	29,8	32,9	37,3
<i>По типу поселений</i>			
Города более 1 млн жителей	31,4	40,0	28,6
Города более 100 тыс. жителей	32,1	36,4	31,5
Города до 100 тыс. жителей	26,0	34,4	39,6
Сельские поселения	23,3	32,3	44,4
<i>По группам материальной обеспеченности (по самооценке)</i>			
Высокое/Выше среднего	22,2	36,1	41,7
Среднее	21,7	39,7	38,6
Ниже среднего	30,9	37,1	32,0
Низкое	45,3	22,6	32,1
<i>В целом</i>	28,5	35,6	35,9

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Актуализация изменений привычной жизни явным образом нарастает в мегаполисах и городах среднего размера, в которых неизменность жизненных практик в условиях пандемии отметили около 30% опрошенных. При этом среди представителей небольших городских и сельских поселений доля отметивших отсутствие изменений составляет 40–44%. Уровень материальной обеспеченности, субъективно достигающий среднего, позволял минимизировать влияние прямых и косвенных ограничений, вызванных распространением коронавирусной инфекции, но даже в соответствующих сравнительно благополучных группах более 20% опрошенных ощутили влияние перемен. Респонденты, имевшие низкий материальный статус, существенно чаще оказались затронуты изменениями внешней среды.

Таким образом, опасения, связанные с эпидемиологическими рисками, к весне 2021 г. продолжали оставаться достаточно высокими, а изменения жизненных условий на протяжении кризисного года — значимыми для массовых групп населения.

Положение на рынке труда

Сложившаяся ситуация определила изменения в трудовой сфере с массовым переходом к новым формам занятости, в первую очередь — удалённой работе. Как свидетельствуют данные, приведённые на рис. 2, более четверти наёмных работников весной 2020 г. полностью или частично перешли на удалённую работу. В наибольшей степени соответствующий переход затронул женщин, жителей мегаполисов, а также представителей молодых и средневозрастных когорт.

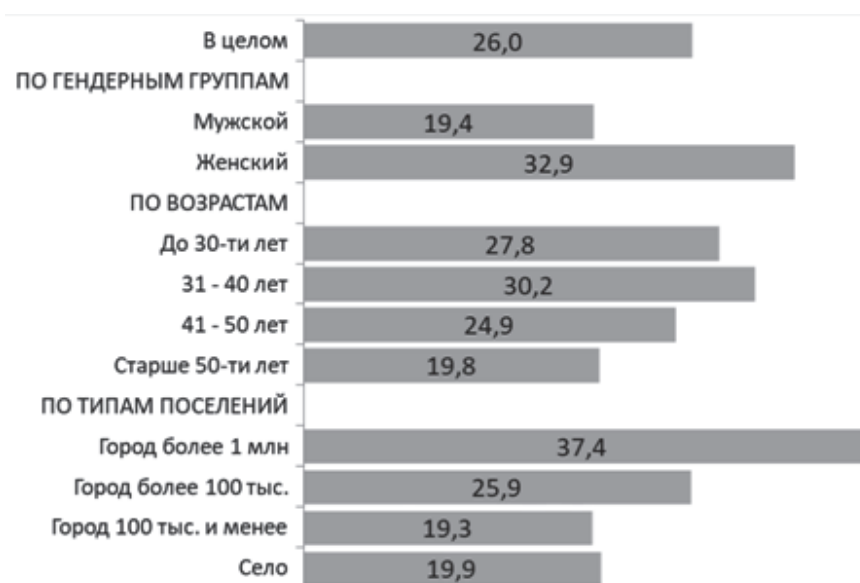

Рис. 2. Переход наёмных работников на удалённую работу в связи с вирусной обстановкой — по гендерным и возрастным группам, типам поселений, в %

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2020 г.

По активности перехода работников на дистанционную работу выделялись следующие отраслевые группы:

- ▶ финансовая сфера и информационно-коммуникационные технологии, в которых на удалённую работу перешли более половины работников;
- ▶ образовательная, здравоохранительная, научная деятельность, где рассматриваемый переход осуществили более 40% занятых;

- ▶ сферы культуры, спорта и организации досуга (около 30% сотрудников, перешедших на удалённую форму работы);
- ▶ отрасли государственного и муниципального управления, промышленности, транспорта, строительства, торговли, общественного питания и бытового обслуживания, где на удалённую деятельность перешли около 20% респондентов;
- ▶ силовые структуры и сельское хозяйство, в которых доля рассматриваемых переходов минимальна и составляет менее 10%.

Уровень образования являлся фактором, в существенной степени дифференцирующим распространённость переходов на работу в удалённом режиме: если в целом по занятым такой переход осуществили 26%, то среди имеющих высшее образование — 42%. Столь же значимы были различия по уровню материальной обеспеченности. Те, кто оценивали собственный достаток сравнительно высоко (т. е. занимали достаточно высокооплачиваемые рабочие места), заметно чаще, в около 40% случаев, осуществляли переход к соответствующему обстановке формату трудовой деятельности.

Представления респондентов о том, как повлиял переход на дистанционную занятость на эффективность трудовых взаимодействий, иллюстрируют негативное влияние данного процесса на эффективность работы. Только ничтожно малая доля (4%) осуществивших такой переход отметили улучшение трудовых взаимодействий, тогда как обратного мнения придерживаются около 38% опрошенных. Неудивительно, что по мере стабилизации эпидемиологической обстановки к концу I-го квартала 2021 г. большинство переходивших на удалённый формат занятости вернулись к привычному режиму труда, и доля работающих удалённо снизилась примерно до 9%.

Активность на рынке труда, связанная с поиском новой работы (в том числе вынужденным), традиционно выступает в числе массовых адаптационных практик в кризисных условиях. Как показывают результаты нашего исследования, в течение года после начала эпидемиологического кризиса нашли новую работу 19% занятых (в том числе 13% — сменили рабочее место). Вынужденные перемещения на рынке труда (сокращение, закрытие организации, ухудшение условий труда) произошли у 44% сменивших работу, а среди специалистов средней квалификации и рабочих — у более половины. Самая частая причина трудовой мобильности — собственная инициатива. Активнее всего на этом основании меняли работу занятые с высоким должностным статусом — руководители (около половины) и специалисты высшей квалификации (68%). Среди специалистов средней квалификации и рабочих смена работодателя по собственной инициативе происходила лишь в трети случаев, и представители этих групп существенно чаще руководителей и специалистов меняли работу вынуждено.

Более половины сменивших работу при этом перешли в новую сферу занятости. Здесь значительна дифференциация по возрасту и должностному статусу: чем моложе работник, тем с большей вероятностью он менял сферу занятости при нахождении нового рабочего места: в когорте до 35 лет таких 63%, а среди респондентов предпенсионного и пенсионного возраста — только 39%. Что касается должностного статуса, то чаще меняли сферу деятельности специалисты средней квалификации (62%) и рабочие (64%). Если учесть, что именно эти группы чаще меняли работу вынужденно, то можно предположить, что и отраслевая динамика носит во многом вынужденный характер.

Большинство занятых (63%) фиксируют наличие сложностей, связанных с выполнением рабочих обязанностей в период пандемии и эпидемиологических ограничений, в том числе 15% свидетельствуют о том, что эти сложности были весьма значительны. При этом «зона явной неудовлетворённости» занимаемыми позициями на рынке труда достаточно невелика и составляет около 15% работающих. Большинство (53%) характеризует достигнутые трудовые позиции значением «скорее удовлетворены», а каждый третий склоняется к однозначно положительной оценке.

Сберегательные возможности и кредитная нагрузка

Обладание сбережениями, наличие кредитной нагрузки и в целом особенности финансового поведения в значительной степени определяют течение и результативность адаптационных процессов. Как показывают результаты исследования, к октябрю 2020 г. на наличие сбережений указывали около 30% опрошенных. Ретроспективная самооценка показывает существенное сокращение сберегательных возможностей — 49% респондентов заявили о том, что имели какие-либо сбережения в начале прошлого года. Это иллюстрирует ситуацию негативного социоэмоционального фона — у представителей значительной группы домохозяйств существовавший до начала распространения коронавирусной инфекции «запас прочности» оказался исчерпан в течение нескольких месяцев эпидемиологического кризиса (рис. 3).

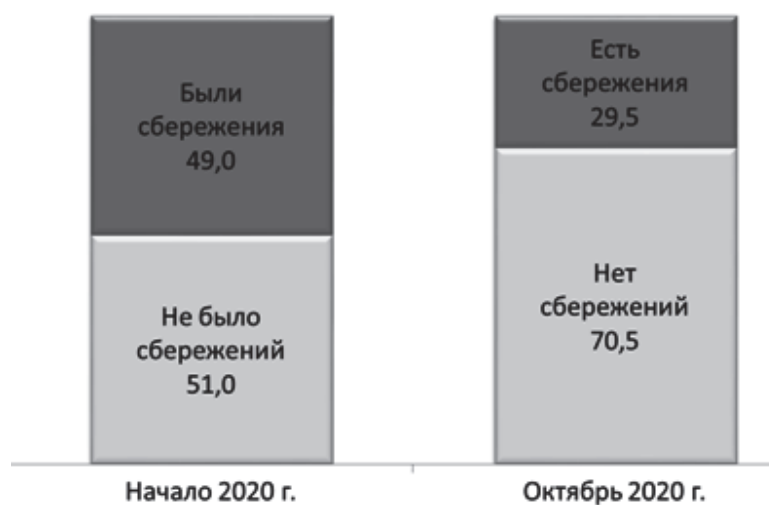

Рис. 3. Наличие сбережений в момент опроса и в ретроспективной динамике (по самооценке, в % от давших значимый ответ, октябрь 2020 г.)

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; октябрь 2020 г.

Более половины опрошенных (56%) свидетельствуют о неизменности объёма сбережений по сравнению с предкризисным периодом; в эту группу включены и те, кто не имел сбережений ни в момент опроса, ни ранее. Другая массовая группа, составляющая 39% респондентов, — те, кто заявили о снижении объёма располагаемых ресурсов. Лишь около 5% отметили рост имеющихся сбережений.

Анализ объёма сбережений показывает, что 16% населения спустя полгода после начала кризиса обладали небольшими финансовыми резервами, создающими для домохозяйства запас прочности, не превышающий трёх месяцев. Средними и крупными сбережениями (позволяющими сохранять привычную потребительскую активность на протяжении периодов, соответственно, три–шесть месяцев и более полугода) обладали 6 и 7% опрошенных. 70% респондентов, как уже отмечалось, фиксировали отсутствие сбережений. В наибольшей степени такая ситуация характеризует представителей средневозрастной когорты (35–54 года) и сельских жителей.

На наличие кредитной нагрузки указали около 41% респондентов (в том числе 13% опрошенных имели ипотечный кредит, а 31% — кредит, не связанный с приобретением недвижимости). Две примерно равные группы (около 20% имеющих кредиты) можно охарактеризовать как имеющие минимальную или максимальную кредитную нагрузку. О просроченной кредитной задолженности при этом заявили около 9% кредитополучателей.

На основании полученных данных о наличии кредитов и трудностях с их погашением был определён интегральный уровень кредитного обременения. Выделены следующие группы:

- ▶ кредитное обременение отсутствует — 59,6%;
- ▶ низкий уровень обременения (наличие кредитной нагрузки, обслуживание которой не вызывает трудностей) — 15,1%;
- ▶ средний уровень (обслуживание имеющихся кредитов вызывает некоторые сложности) — 18,7%;
- ▶ высокий уровень (кредитная нагрузка является чрезмерной, и необходимые выплаты вызывают существенные затруднения) — 6,6%.

Минимальный уровень кредитного обременения характерен для представителей старшей возрастной когорты. В средних возрастах навес кредитной нагрузки наиболее весом (табл. 4).

Таблица 4
Уровень кредитного обременения, по возрастным группам, в % по строке

Возрастные группы, лет	Отсутствует	Низкий	Средний	Высокий
18–34	48,7	21,6	23,3	6,4
35–54	50,1	18,9	21,6	9,4
55 и старше	76,1	7,1	12,8	4,0
<i>В целом</i>	59,6	15,1	18,7	6,6

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; октябрь 2020 г.

В дополнение к институциональным формам кредитования, население достаточно активно использует систему межличностных взаимодействий. Около 15% выступали как получателями, так и реципиентами долговых финансовых ресурсов (см. табл. 5).

Таблица 5
Получатели и реципиенты актуальных межличностных финансовых обязательств, в % по столбцу

Объём обязательств	Субъектность	
	получатели (имеют долги)	реципиенты (имеют должников)
Отсутствуют	85,3	84,2
Небольшой	6,1	10,1
Значительный	8,6	5,7

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; октябрь 2020 г.

На основании комплекса полученных данных построена типология кредитно-сберегательного поведения, характеризующая население страны в октябре 2020 г. выделены следующие группы:

- ▶ наиболее благополучная в финансовом отношении; её представители обладали сбережениями и/или имели существенные возвратно одолженные суммы, при этом были свободны от кредитов и значительных межличностных долгов — 20,7%;

- ▶ финансово пассивная (не имеет ни сбережений, ни кредитов, а также не вовлечена в оборот существенных межличностных долговых обязательств) — 35,6;
- ▶ группа финансовой активности, в которой были одновременно актуализированы и сбережения, и кредиты, либо заменяющие их межличностные долговые обязательства — 10,9%.

Сегмент кредитно-сберегательного неблагополучия в наибольшей степени сконцентрирован в группе среднего возраста. При этом с переходом к каждой следующей возрастной когорте снижается доля сочетающих сбережения и заёмные средства и растёт наполненность финансово пассивной группы.

Уровень жизни

Распространение коронавирусной инфекции и связанная с этим социально-экономическая динамика, безусловно, отразилась на материальном благополучии россиян. Более трети опрошенных (37%) отметили, что к весне 2021 г. их материальное положение, по сравнению с началом 2020 г., изменилось не в лучшую сторону. Каждый второй при этом констатировал неизменность своего финансового положения, а 11% — его улучшение.

О падении доходов в годовой динамике сообщили представители всех социально-демографических групп, при этом с трудностями в наибольшей степени столкнулись как мужчины, так и женщины средневозрастной когорты. Доли работающего и не занятого населения, указавшие на сокращение доходов, сопоставимы. Однако занимающие высокие должностные позиции, а также квалифицированные специалисты, значительно чаще дают оптимистичную оценку: доля отметивших улучшение среди этих категорий составляет около 20%. В ситуации кризиса в наибольшей степени пострадали те, кто входят в состав низкодоходных групп — среди них доля сообщивших об ухудшении материального положения составила 57% (табл. 6).

Таблица 6

Динамика материального положения в период пандемии, по группам материальной обеспеченности, в % по строке

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Динамика материальной обеспеченности		
	ухудшилась	не изменилась	улучшилась
Низкий / ниже среднего	56,6	38,5	4,9
Средний	23,3	62,4	14,3
Выше среднего / высокий	12,6	53,1	34,3
В целом	37,5	51,0	11,5

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

В связи со снижением доходов две трети опрошенных столкнулись с необходимостью экономить на потреблении привычных товаров и услуг. Результаты опроса показывают, что распространённость модели потребительской экономии слабо зависит от таких факторов, как место проживания, уровень образования, занятость и сфера профессиональной деятельности. Очевидно, что в максимальной степени на необходимости сокращения привычных расходов сказывается материальное положение — чем выше его уровень, тем, соответственно, менее была распространена подобная практика (табл. 7).

Таблица 7

Экономия на приобретении обычных для себя товаров и услуг в период пандемии, по группам материальной обеспеченности, в % по строке

Уровень материальной обеспеченности (по самооценке)	Экономия, отказ от покупки того, что обычно приобреталось ранее	
	предпринимали	не предпринимали
Низкий / ниже среднего	80,4	19,6
Средний	55,7	44,3
Выше среднего / высокий	35,4	64,6
В целом	65,4	34,6

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

В результате треть опрошенных зафиксировали ухудшение уровня и качества своей жизни за год, прошедший с начала вирусной эпидемии, и лишь 9% характеризовали ситуацию как улучшение социального самочувствия. Ощущение удовлетворённости жизнью, безусловно, зависит от имеющегося уровня материального положения: существенно чаще об ухудшении говорили те, кто оценивают собственный достаток как «ниже среднего». Наиболее распространена позитивная динамика в молодёжных когортах, а гендерные различия практически отсутствуют (табл. 8).

Таблица 8

Динамика удовлетворённости жизнью в целом по сравнению с началом 2020 г., по половозрастным группам, в % по строке

Половозрастные группы	Динамика удовлетворённости жизнью (по самооценке)			
	ухудшилась	не изменилась	улучшилась	
Мужчины	18–34 года	24,4	54,4	21,2
	35–54 года	34,9	55,2	9,9
	55 лет и старше	37,8	58,5	3,7
Женщины	18–34 года	24,2	60,1	15,7
	35–54 года	36,2	56,9	6,9
	55 лет и старше	36,1	60,6	3,3
В целом	32,9	57,8	9,3	

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

При этом значительная часть россиян выражают надежду на улучшение своего благополучия (такой оптимистический настрой спустя год после начала коронакризиса наблюдался у четверти опрошенных), а почти половина респондентов предполагает его стабильность. Чаще остальных об опасениях ухудшения собственной финансовой ситуации свидетельствуют те, чья материальная обеспеченность уже снизилась в течение кризисного года, и наоборот, — наибольшая доля настроенных оптимистично наблюдается среди респондентов, для которых кризис не актуализировал индивидуальных материальных рисков (табл. 9).

Таблица 9

Самооценка перспектив изменения материального положения в 2021 г., в зависимости от динамики материального положения в период пандемии, в % по строке

Динамика материальной обеспеченности	Самооценка перспектив изменения материального положения в 2021 г.			
	ухудшится	останется без изменений	улучшится	затруднились ответить
Ухудшилась	37,6	36,4	17,6	8,4
Не изменилась	7,3	61,2	24,0	7,5
Улучшилась	3,6	34,0	56,8	5,6
В целом	18,3	48,6	25,4	7,7

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Респонденты, по-разному оценивающие своё материальное положение, не совпадают в своих прогнозах относительно его перспективной динамики. Имеющие сравнительно высокий уровень благосостояния демонстрируют гораздо больший оптимизм. Те же, чьё материальное положение неблагоприятно, в три раза чаще, по сравнению с представителями среднедоходной группы, опасаются дальнейшего ухудшения.

Запрос на социальную поддержку

Массовые группы российского общества традиционно рассчитывают на государство в решении основных социально-экономических проблем и демонстрируют значительный уровень запроса на государственное содействие (см., например, [Аврамова, 2001; Салмина, 2012; Аникин, Лежнина, Мареева, Слободенюк, 2020]). Можно предполагать, что и в ситуации пандемии, когда, с одной стороны, россияне столкнулись с новой серьёзной угрозой, а с другой — государство декларировало включённость в решение эпидемиологической проблемы, подкрепив эту декларацию комплексом ограничительных мер, произойдет существенная актуализация соответствующего запроса. Мнения, высказанные россиянами весной текущего года, подтверждают это предположение: 52% опрошенных заявили, что нуждались в помощи во время пандемии, в том числе 16% отметили острую нуждаемость (табл. 10).

Очевидно, что запрос на социальную поддержку максимален среди респондентов с низким и ниже среднего показателями материальной обеспеченности. В этих группах потенциальными получателями помощи себя назвали, соответственно, 65 и 81% опрошенных. О том, что они нуждались в поддержке государства, заявили более 70% тех, чья материальная обеспеченность за рассматриваемый период снизилась. Существенным дифференцирующим фактором выступает также наличие в домохозяйстве одного или нескольких детей. Представители старшей возрастной когорты, жители мегаполисов и мужчины представляют группы, в которых соответствующий запрос оказался сравнительно низок, однако половозрастные и поселенческие различия составляют в каждом случае лишь несколько процентных пунктов.

За период, прошедший с начала пандемии, государством был предпринят ряд мер, направленных на сглаживание социально-экономического напряжения путём прямой поддержки различных групп населения. Большинство опрошенных реализация специальных мер поддержки оказалась замечена (лишь у 20% респондентов было зафиксировано суждение о том, что государство не предпринимает сколько-нибудь значимых мер, а 12% затруднились с ответом). Но только четверть опрошенных сочла реализуемые меры достаточными. В то же время 43% отметили их наличие, но посчитали объём социальной поддержки недостаточным.

Таблица 10

Социально-демографические группы, в которых максимизирован запрос на социальную поддержку в условиях эпидемиологического кризиса, в %

Социально-демографические группы	Доля нуждавшихся в социальной поддержке и помощи	В том числе доля остро нуждавшихся в социальной поддержке и помощи
Имеющие низкую самооценку материальной обеспеченности	80,7	40,9
Зафиксировавшие снижение материального статуса в период пандемии	72,5	29,5
Имеющие в составе домохозяйства одного или нескольких детей младше 18 лет	63,0	20,6
Жители сельских и малых городских населённых пунктов	53,9	17,4
Представители возрастной группы 35–54 года	55,3	19,1
Женщины	55,6	18,4
В целом	52,0	16,4

Источник: расчёты автора по данным репрезентативного социологического анкетного опроса россиян, ИНСАП РАНХиГС; март 2021 г.

Оценивая ситуацию в собственном домохозяйстве, 40% респондентов отметили факт получения помощи со стороны государства в условиях коронакризиса, в том числе для 15% оказанная помощь оказалась существенной. Ограничения эмпирической информации не позволяют провести дифференцированное рассмотрение действий, направленных на помощь различным группам населения, оказавшихся для их получателей действительно значимыми в кризисной ситуации. Можно предположить, что в данном случае речь идёт о комплексной рефлексии респондентов в отношении как постоянно действующих мер социальной поддержки, так и тех, которые были специально реализованы в течение прошедшего года.

* * *

Обобщая, стоит отметить изменение эмоционального фона восприятия ситуации спустя год после начала пандемии. Острота оценки эпидемиологических рисков по сравнению с «шоковой фазой» весны прошлого года существенно снизилась, однако к марту 2021 г. уровень соответствующих опасений продолжал оставаться достаточно заметным. При этом потери, связанные с ограничениями экономической и социальной активности, оказались для значительных групп населения страны крайне существенными.

Весной 2020 г. каждый четвёртый из занятых по найму приобрёл опыт дистанционной работы. Российский рынок труда получил новый критерий массовой дифференциации с взрывным расширением сегмента трудовых позиций, к которым применим дистанционный формат. Опыт дистанционной работы, полученный в условиях крайне ограниченной подготовленности трудовой и бытовой инфраструктуры, оказался скорее негативным с точки зрения качества рабочих взаимодействий, однако позволил сгладить остроту адаптации на рынке труда.

Время, прошедшее с начала коронакризиса, оказалось для населения периодом снижения уровня жизни. Треть опрошенных зафиксировали его ухудшение, в то время как

рост благополучия отмечался более чем втрое реже. Неудивительно, что в таких условиях произошло сжатие сберегательных возможностей и активизация практик потребительской экономии.

Реализация государством специальных мер социальной поддержки в кризисный период была замечена большинством населения. При этом только четверть опрошенных сочли эти меры достаточными, в то время как более 40% отметили их дефицит.

ЛИТЕРАТУРА

- Авраамова Е.М. (2001). Ожидания населения в меняющемся институциональном мире // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 22–29.
- Авраамова Е.М. (2012). Социальные ресурсы вертикальной мобильности: в ожидании модернизации // *SPERO*. №17. С. 85–96.
- Авраамова Е.М., Дискин И.Е. (1997). Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // *Общественные науки и современность*. №1. С. 24–33.
- Авраамова Е.М., Логинов Д.М. (2002). Социально-экономическая адаптация: ресурсы и возможности // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 24–34.
- Авраамова Е.М., Малева Т.М. (2015). Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // *Вопросы экономики*. № 11. С. 86–99.
- Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2020). Кто и почему ищет государственной поддержки в новой России? // *Мир России*. Т. 29. № 1. С. 31–52. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52.
- Гордон Л.А. (1994). Социальная адаптация к современным условиям // *Социологические исследования*. № 8–9. С. 3–15.
- Гордон Л.А. (1995). Область возможного: Варианты социально-политического развития России и способность российского общества переносить тяготы переходного времени. М.: ИМЭМО РАН.
- Ерицын К.Ю., Русакова М.М., Александрова А.А., Усачева Н.М. (2021). Пережить локдаун: изменения в занятости и психологическое благополучие населения в эпоху пандемии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №3. С. 250–270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>.
- Заславская Т.И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // *Социологический журнал*. № 3. С. 5–21.
- Каравай А.В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // *Terra Economicus*. №17(3). С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.
- Каравай А.В. (2021). Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №2. С. 121–137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2018). Жизнь в условиях неопределённости кризисного общества: опыт и ожидания // *Социологические исследования*. № 6. С. 66–78. DOI: 10.7868/S0132162518060065.
- Латова Н.В. (2021). Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // *Социологические исследования*. 2021. № 4. С. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250013734-0.
- Логинов Д.М. (2020а) Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // *Вопросы экономики*. №12. С. 41–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>.
- Логинов Д.М. (2020b). Социальное самочувствие российского населения в период острой фазы эпидемиологического кризиса // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. №6. С. 470–487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>.
- Ляшок В.Ю. (2021). Российский рынок труда: время адаптации // *Экономическое развитие России*. Т. 28. №1. С. 61–63.
- Резник Т.Е., Резник Ю.М. (1995). Жизненные стратегии личности // *Социологические исследования*. №12. С. 100–105.
- Римашевская Н.М. (1995). О социальной цене реформ // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития*. М.: Аспект-Пресс. С.364–367.
- Российское общество и вызовы времени. (2016). М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) Кн. 3. М.: Весь Мир.
- Салмина А.А. (2012). Социальные запросы россиян к государству: факторы формирования и межстрановые сравнения // *Мир России*. Т. 21. № 3. С. 133–164.
- Тихонова Н.Е. (2006). Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // *Экономическая социология*. Т. 7. № 3. С. 11–26.
- Шабанова М.А. (1995). Социальная адаптация в контексте свободы // *Социологические исследования*. №9. С. 81–88.

Логинов Дмитрий Михайлович

loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov

PhD (Econ), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Moscow, Russian Federation

loginov-dm@ranepa.ru

A SHOCK AND THE ADAPTATION: THE YEAR OF THE PANDEMIC IN ASSESSMENTS AND LIFE PRACTICES OF THE RUSSIANS

Annotation. Basing on the materials of representative sociological surveys held by the RANEPA Institute of Social Analysis and Forecasting in 2020 — 2021, social well-being and life practices of various population groups within the period of coronavirus pandemic have been analyzed. It is shown that significant cutback in epidemiological fears, which had been substantial in perception of less than a third of population by the spring of the current year, has taken place during the year of epidemiological instability. Only 35% of respondents mentioned that the pandemic year did not make any changes in their daily life, whereas around 30% of respondents noticed significant changes. The most sharply perceived difficulties are associated with having customary leisure time, significant problems have been caused by remote regime of work and study, and availability restrictions in obtaining the necessary services. Forced switch to the remote employment whilst the acute stage of the pandemic had to accomplish around a fourth of employees, in majority dwellers of megapolises. As the survey showed, such a mass switch turned out to be rather negative from the point of working interactions quality, however, allowed to smoothen the acute stage of shocking adaptation at the labour market. More than a third of respondents pointed out that their financial status had not changed for the better by the spring 2021 in comparison with the beginning of 2020. The most common form of adaptation was an appeal to credit obligations and the defined in the survey level of credit encumbrance shows that 40% of population has financial obligations including 19% are characterized by an average level of encumbrance, and 7% are characterized by the high level. Over the pandemic period the government has implemented the set of measures directed at socio-economic tension settling down through the direct support of various groups of population. The majority respondents noticed implementation of the special supportive measures but only a fourth of respondents considered the measures to have been sufficient whereas 43% mentioned insufficiency of social support.

Keywords: *population, socio-economic adaptation, level of life, incomes, labour market, social well-being, COVID-19.*
JEL: Z13, I31.

REFERENCES

- Avraamova E.M (2001). Ozhidaniya naseleniya v menyayushchemsya institucional'nom mire [Expectations of the population in a changing institutional world] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3. Pp. 22–29. (In Russ.).
- Avraamova E.M (2012). Social'nye resursy vertikal'noj mobil'nosti: v ozhidanii modernizacii [Social resources of vertical mobility: awaiting modernization] // *SPERO*. No. 17. Pp. 85–96. (In Russ.).
- Avraamova E.M, Diskin I.E. (1997). Adaptatsiya naseleniya i elit [Adaptation of the population and elites] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1. Pp. 24–33. (In Russ.).
- Avraamova E.M., Loginov D.M. (2002). Socialno-ekonomicheskaya adaptatsiya: resursy i vozmozhnosti [Socio-economic adaptation: resources and opportunities] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 24–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-6-86-102>. (In Russ.).
- Avraamova E.M., Maleva T.M. (2015). Socialnye resursy naseleniya v usloviyah poteri ekonomicheskoy stabilnosti [Social Recourses of the Population under Conditions of Losing Economic Stability] // *Voprosy ekonomiki*. No. 11. Pp. 86–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-86-99>. (In Russ.).
- Anikin V.A., Lezhnina Yu.P., Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. (2020). Kto i pochemu ishchet gosudarstvennoj podderzhki v novej Rossii? [Who and why is looking for state support in the new Russia] // *Mir Rossii*. Vol. 29. No. 1. Pp. 31–52. DOI: [10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-1-31-52). (In Russ.).
- Eritsyun K.Y., Rusakova M.M., Aleksandrova A.A., Usacheva N.M. (2021). Perezhit lokdaun: izmeneniya v zanyatosti i psihologicheskoe blagopoluchie naseleniya v epohu pandemii [Surviving a Lockdown: Changes in Employment and Psychological Well-being of the Population in the Pandemic Era] // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 250–270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1893>. (In Russ.).
- Gordon L.A. (1995). Oblast' vozmozhnogo: Varianty socialno-politicheskogo razvitiya Rossii i sposobnost' rossijskogo obshchestva perenosit tyagoty perekhodnogo vremeni [Scope of possibilities: Options for the socio-political development of Russia and the ability of Russian society to endure the hardships of transition time]. Moscow: IMEiMO RAN. (In Russ.).

- Gordon L.A. (1994). Social'naya adaptaciya v sovremennyh usloviyah [Social adaptation in modern conditions] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No.8-9. Pp. 3-15. (In Russ.).
- Karavay A. V. (2021). Deistviya rossiiyan po uluchsheniyu sobstvennogo materialnogo polozheniya v epohu COVID-19 [The Behavior of Russians Aimed at Improving Their Financial Situation in the Era of COVID-19] // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. Pp. 121–137. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837>. (In Russ.).
- Karavay A.V. (2019). Osnovnye modeli socialno-ekonomicheskoy adaptacii v raznyh stratah rossijskogo obshchestva [Basic Models of Socio-Economic Adaptation in Different Strata of Russian Society] // *Terra Economicus*. No. 17(3). Pp. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145. (In Russ.).
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2018). Zhizn' v usloviyah neopredelyonnosti krizisnogo obshchestva: opyt i ozhidaniya [Life in an uncertain crisis society: experience and expectations] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 6. Pp. 66–78. DOI: 10.7868/S0132162518060065. (In Russ.).
- Latova N.V. (2021). Situaciya v strane i perspektivy ee razvitiya cherez prizmu obshchestvennogo mneniya v period pandemii [The situation in the country and the prospects for its development through the prism of public opinion during the pandemic]. *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 4. Pp. 37–49. DOI: 10.31857/S013216250013734-0. (In Russ.).
- Loginov D.M. (2020a). Kak rossijskoe naselenie perezhilo krizis vtoroj poloviny 2010-h godov [How the Russian population went through the crisis of the second half of the 2010s] // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 41–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-41-61>. (In Russ.).
- Loginov D.M. (2020b). Social'noe samochuvstvie rossijskogo naseleniya v period ostroj fazy epidemiologicheskogo krizisa [Social Well-Being of the Russian Population During the Acute Stage of the Epidemiological Crisis] // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. Pp. 470–487. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1708>. (In Russ.).
- Lyashok V.Yu. (2021). Rossijskij rynek truda: vremya adaptacii [The Russian labor market: the time of adaptation] // *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. Vol. 28. No. 1. Pp. 61–63. (In Russ.).
- Reznik T.E., Reznik Yu.M. (1995). Zhiznennye strategii lichnosti [Personal life strategies] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 12. Pp. 100–105. (In Russ.).
- Rimashevskaya N.M. (1995). O social'noj cene reform / Kuda idet Rossiya?.. *Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya* [About the social cost of reforms / Where is Russia going?.. Alternatives to social development]. Moscow: Aspekt-Press. Pp. 364–367. (In Russ.).
- Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. (2016). Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (eds.) Kn. 3 [Russian society and challenges of the time. Book III]. Moscow: Ves' mir. (In Russ.).
- Salmina A.A. (2012). Social'nye zaprosy rossiiyan k gosudarstvu: faktory formirovaniya i mezhsranovye sravneniya [Social demands of Russians to the state: factors of formation and cross-country comparisons] // *Mir Rossii*. Vol. 21. No. 3. Pp. 133–164. (In Russ.).
- Shabanova M.A. (1995). Social'naya adaptaciya v kontekste svobody [Social adaptation in the context of freedom] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 9. Pp. 81–88. (In Russ.).
- Tikhonova N.E. (2006). Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyh issledovaniyah [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies] // *Ekonomicheskaya sociologiya*. Vol. 7. No. 3. Pp. 11–26. (In Russ.).
- Zaslavskaya T.I. (1995). Socialnyj mekhanizm transformacii rossijskogo obshchestva [Social mechanism of transformation of the Russian society] // *Sociologicheskij Zhurnal*. No. 3. Pp. 5–21. (In Russ.).

С.А. Васильев

д.э.н., профессор, Международный Центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

РЕФОРМАТОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИТАЕ В ЭПОХУ ДИНАСТИИ СЕВЕРНОЙ СУН

Аннотация. В течение XI в. Средневековый Китай в правление династии Сун переживал беспрецедентный экономический подъем, сопровождавшийся радикальным повышением производительности труда в сельском хозяйстве, интенсивной индустриализацией, ростом городов и развитием рыночных отношений в экономике. В политическом плане этот период характеризуется попытками проведения комплексных экономических, политических и социальных реформ, нацеленных на адаптацию государственного аппарата к быстрым экономическим изменениям. Эти реформы, проходившие в три этапа, включали: монетизацию налоговой системы и внедрение принципов фискального федерализма, создание системы централизованного аграрного кредита, замену натуральных и трудовых повинностей населения налогами, создание земельного кадастра и выравнивание норм поземельного налогообложения. В социальной сфере была создана интегрированная система образования, национальная система здравоохранения и социальной помощи. Реформы эпохи Сун могут рассматриваться как первый исторический эпизод формирования инклюзивных экономических институтов.

Ключевые слова: *Китай, Империя Сун, реформаторские движения XI–XII вв.*

JEL: N45.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_121_137.

Династия Сун стоит совершенно особняком в истории имперского Китая. Период правления этой династии отмечен беспрецедентным для средневекового мира экономическим ростом, интенсивными социальными сдвигами и высокой упорядоченностью политической системы. Совокупность этих явлений позволяет говорить о социально-экономическом развитии Китая в этот период как о ранней модернизации, аналогичной тем процессам, которые происходили в Западной Европе в Новое Время [Васильев С., 2020].

В институциональном отношении эпоха Сун является начальным пунктом перехода от аристократического к бюрократическому типу управления империей. Система экзаменов для назначения на государственные должности, которая в предшествующую эпоху Тан была весьма ограниченной по масштабам и использовалась преимущественно для валидации претензий представителей аристократических фамилий на занятие высших должностей, принимает теперь всеобщий характер, формируя своеобразное «образованное сословие», которое фактически становится управляющим классом Империи вплоть до начала XX в.

Именно в этом сословии в середине XI в. формируется реформаторское движение, которое, с одной стороны, было реакцией на драматические изменения в жизни Империи, вызванные процессами ранней модернизации, а с другой стороны, само по себе стало фактором трансформации традиционных институтов и их адаптации к реалиям Нового Времени.

Реформы в Китае имели довольно длительную традицию: вспомним, например, «легистские» реформы Шан Яна (IV в. до н.э.), положившие начало могуществу государ-

ства Цинь, или весьма радикальные реформы Ван Мана (I в. н.э.). Однако основная канва всех реформ, проводившихся в Древнем Китае, да и в других аграрных империях, была единой: речь шла об укреплении государственного начала в противовес происходившим спонтанно процессам приватизации [Васильев Л., 1982]. Целью таких реформ всегда было ограничение политической и экономической власти так называемых «сильных домов» — как в аграрной, так и в торговой сферах, перераспределение земель в пользу рядового крестьянства, уравнительное землепользование и, в конечном счете, улучшение финансового положения государства. Все это происходило, однако, в неизменных условиях аграрной экономики и простого воспроизводства.

Ситуация в XI в. изменилась радикальным образом. Начался серьезный рост экономики, причём во всех сферах — в сельском хозяйстве, промышленности, торговле. Этот рост экономики сопровождался её стремительной монетизацией, переходом от натурального хозяйства к рынку. При этом концентрация богатств в руках земледельческой и торговой элит существенно превосходила масштабы, достигнутые в предыдущие эпохи. Эта концентрация не имела для страны тяжёлых финансовых последствий. Действительно, богатые землевладельцы, как и в прежние времена, стремились всячески преуменьшить свои земельные активы и добиться налоговых привилегий. Но снижение нормы сельхозналогов более чем компенсировалось увеличением производства в аграрном секторе, а также многократным ростом торговых налогов и доходов от деятельности государственных монополий.

Концентрация богатства в руках земельной и торговой элиты имела негативные социальные последствия. Происходило массовое обезземеливание рядового крестьянства, причём на фоне значительного общего роста населения Китая (в три раза за 150 лет). Безземельные и малоземельные крестьяне становились полузависимыми арендаторами (кэху), уходили на заработки в быстрорастущие города или пополняли ряды бродяг и разбойников. Значительное увеличение численности наемной армии Китая в начале XI в. объясняется стремлением властей абсорбировать в ней избыток трудоспособного населения.

Такая армия, состоящая преимущественно из пехоты и набранная фактически из отбросов общества, была малоэффективной и не могла противостоять мобильной коннице соседей Империи — государств киданей и тангутов, которые в X в. захватили северные провинции исторического Китая. Тема возвращения северных провинций была постоянным раздражителем для имперской элиты и являлась важным политическим аргументом реформаторов.

Дело в том, что финансов Империи обычно хватало для условий мирного времени. Ведение же продолжительных войн на севере вызывало кратный рост военных расходов и очень быстро приводило страну к финансовому кризису. Поэтому тема укрепления государственных финансов, поддержания профицитного бюджета и накопления финансовых резервов в целях финансирования будущих войн всегда находилась в центре внимания реформаторов.

Исторически активная реформаторская деятельность в Китае эпохи Северной Сун может быть разделена на три фазы:

- ▶ фаза так называемой Новой политики эры Цинли (1036–1044 гг.) в правление императора Жэнь-цзуна;
- ▶ фаза реформ эры Синин (1068–1076 гг.) при императоре Шэнь-цзуне;
- ▶ фаза эры Чуннин (1102–1120 гг.) при императоре Хуэй-цзуне.

Если кратко охарактеризовать эти три фазы, то первая фаза была отмечена преимущественно формированием идеологии реформ и консолидацией реформаторского лагеря, вторая фаза отмечена быстрым проведением ряда радикальных реформ, не всегда удачно реализованных, в третьей фазе произошла институционализация реформаторской идеологии и практики.

В межреформенные периоды, как правило, проводилась политика, нейтральная в отношении реформаторского наследия — за исключением эры Юанью (1085–1093 гг.),

когда при несовершеннолетнем императоре Чжэ-цзуне всеми делами в империи заправляла вдовствующая императрица Гао. Именно в этот период не только были полностью отменены законы эры Синин, но также были отправлены в ссылку многие известные реформаторы.

1. Первый этап реформаторского движения. Эра Цинли

Реформаторское движение в Китае началось середине 30-х гг. XI в. К этому времени система экзаменов на замещение государственных должностей существовала уже более 50 лет, количество её выпускников росло, они занимали все более высокие должности в аппарате управления и, наконец, осознали себя как отдельное сословие.

По своей роли в реформаторском движении эти чиновники делились на две условные категории — «идеологов» и «оппортунистов». Именно идеологи формулировали основные идеи реформ и пытались провести их в своей деятельности. Оппортунисты же могли ситуативно присоединяться к идеологам в период высокой реформаторской конъюнктуры, но затем легко переходили в лагерь противников реформ.

Такая ситуация весьма типична для любых развитых бюрократических структур. Особенность Китая состояла в том, что доля идеологов в составе чиновничьего корпуса была довольно высока, что, видимо, связано с особенностями конфуцианской политической культуры, ориентированной на служение обществу и обеспечение благосостояния народа. Более того, идеологи добивались более высоких позиций, чем оппортунисты. Причина этого понятна — императоры предпочитали видеть на высших позициях в иерархии людей, имеющих собственное мнение и умеющих его отстаивать.

Правда и то, что быстрый карьерный рост идеологов нёс для них серьёзные риски — при изменении политической конъюнктуры они могли потерять должность, а то и отправиться в ссылку.

Консолидация будущих реформаторов произошла в период правления главного советника Люй Ицзяня, который своим авторитаризмом и консерватизмом настроил против себя образованную элиту общества. Во главе реформаторского движения встал Фань Чжунъянь, занимавший в то время важную должность префекта столичного региона. В 1036 г он направил императору четыре меморандума, критикующих деятельность Люй Ицзяня и содержащих основы будущей реформаторской программы.

Непосредственным результатом этого выступления стал перевод автора меморандумов на периферию, а также высылка из столицы трех высокопоставленных чиновников, поддержавших Фань Чжунъяня.

Однако после начала войны с тангутами (1040–1044 гг.), которая показала полную небоеспособность имперской армии, император Жэнь-Цзун вернул в 1043 г. в столицу всех реформаторов и поручил им формирование правительства и разработку новой политической программы.

Программа реформ в большей степени затрагивала вопросы государственной службы и образования. Основные предложения реформ в этой сфере включали следующие направления:

- реформа системы экзаменов: с меньшим упором на литературные достижения и с большим — на философские, исторические и политические знания кандидатов;
- создание единой системы образования, включающей провинциальные и уездные школы;
- сокращение местного бюрократического аппарата;
- возвращение от денежного жалованья, выплачиваемого чиновникам к системе должностных земель [*Cambridge History of China*, 2009. Pp. 318–319].

В сфере общеполитической предложения были весьма расплывчатыми: предлагалась разработка государственной программы ирригационных и мелиоративных работ, создание «военных поселений», в которых крестьяне сочетали бы аграрный труд с военной службой, а также уменьшение трудовых повинностей крестьянства.

Одним из главных направлений реформ стала борьба за отмену так называемой «защитной привилегии». Дело в том, что в соответствии с традицией высшие чиновники имели право назначать своих родственников на должности в государственном аппарате без прохождения государственных экзаменов. Чем выше была должность чиновника, тем больше своих родственников он мог пристроить в администрацию. Это, конечно же, резко снижало уровень компетентности административного аппарата и вызывало конфликты между низкообразованными «родственниками» и чиновниками, прошедшими все стадии экзаменов.

Реформаторы поставили перед собой задачу либо полностью искоренить принцип «защитной привилегии», либо свести его влияние на кадровые назначения к минимуму. При этом они не только планировали изменить принципы комплектования аппарата, но и попытались в первый же год реформ провести чистку центральной и местных администраций от некомпетентных чиновников.

Это была принципиальная ошибка реформаторов. Практически вся верхушка администрации, дворцовые службы, генералитет — все пользовались этой привилегией. Они ещё могли бы смириться с поэтапной отменой защитной привилегии, но здесь речь шла о немедленном увольнении их детей и племянников.

Общественное мнение по отношению к реформаторам быстро перевернулось на 180 градусов. С каким энтузиазмом общество приветствовало их приход к власти в 1043 г., таким же напором в 1044 г. все требовали отстранения реформаторов от власти, что и произошло в середине 1044 г. Таким образом, реформы эры Цинли закончились едва начавшись [*Cambridge History of China*, 2009. Pp. 320–321].

Единственный пункт программы реформаторов, который был в какой-то мере реализован, — это создание единой образовательной системы и приспособление экзаменационной системы к нуждам администрации.

Именно в это время было принято решение о создании общедоступных школ в каждом уезде, с выделением каждой из школ участков казённой земли для их содержания и формированием за государственный счёт школьных библиотек. В программе экзаменов большее внимание стало уделяться политическим наукам и меньшее — стихосложению. Программа создания школ в это время не была полностью реализована, к этой теме реформаторы вернулись в начале XII в., когда было завершено формирование интегрированной образовательно-экзаменационной системы включающей начальное, среднее и высшее образование.

Несмотря на отказ императора Жэнь-Цзуна от курса реформ, многие реформаторы остались во властных структурах. Фань Чжунъянь умер сравнительно рано, в 1052 г., зато его младший сподвижник Оуян Сю, выдающийся историк и литератор, был возвращён в столицу и в течение 1054–1068 гг. занимал высшие административные должности и пользовался огромным авторитетом у императора, в правительстве и обществе.

2. Второй этап реформ

Второй этап реформ — Эра Синин — является наиболее изученным и известным эпизодом реформаторского движения в Империи Сун. Он отождествляется с деятельностью самого известного китайского реформатора — Ван Аньши и действительно представлял собой попытку осуществления глубоких реформ во всех сферах общественной жизни.

Ван Аньши был существенно младше реформаторов эпохи Цинли, он родился в 1021 г., а императорский экзамен сдал в 1042 г., накануне начала реформ Цинли.

В дальнейшем он служил на различных постах в региональных администрациях и очень хорошо знал, как реально устроена жизнь в китайской провинции. Последняя должность Ван Аньши перед его приходом в центральное правительство — префект Нанкина. Впоследствии в эпоху реформ Синин он привлёк в правительство других способных региональных деятелей, так что реформаторов эпохи Синин было трудно упрекнуть в академизме и незнании реальной жизни.

Более того, многие реформаторские идеи были реализованы в виде пилотных проектов в отдельных провинциях, буквально начиная с 40-х гг., и уже в ходе реформ широкому внедрению некоторых мер предшествовали региональные экономические эксперименты.

В китайской историографии Ван Аньши известен в большей степени как выдающийся литератор, он входит в восьмерку великих писателей и поэтов эпох Тан и Сун. В то же время его реформаторская деятельность оценивается весьма неоднозначно.

Уже в молодости яркий талант Ван Аньши привлёк к нему внимание столичных чиновников реформаторского направления. Репутация «молодого дарования» ещё в большей степени закрепились за Ван Аньши после того как он направил императору меморандум «Десять тысяч слов», в котором изложил основные направления будущей программы реформ (перевод на русский в книге А.И. Иванова [Иванов, 1909. С. 51–79]).

После этого столичные реформаторы активно пытались привлечь его на службу в столицу, однако Ван Аньши несколько раз отказывался это сделать. Для этого у него были веские основания. Император Жэнь-Цзун к этому времени был уже в преклонном возрасте и было ясно, что он не будет затевать второй раунд радикальных реформ. Ван Аньши также понимал, что для успеха реформ нужно иметь единомышленников во всех властных структурах и, более того, изменить процедуры принятия решения в имперской администрации.

Эти процедуры опирались на традиционную культуру оппонирования при принятии политических решений. В администрации существовали три равновеликие структуры — Императорские Секретариат и Канцелярия, а также Департамент Внутренних Дел (аппарат правительства), каждая из которых могла эффективно блокировать принятие важных решений. Вне структуры исполнительной власти находились контрольные органы: Цензорат и Бюро Возражений, имевшие право прямого доклада Императору. Такое же право имели высокопоставленные советники императора. По этой причине важно было, с одной стороны, укомплектовать верхние этажи администрации сторонниками реформ, а с другой стороны — упростить процедуры принятия решений.

Звёздный час Ван Аньши наступил в 1067 г., когда после смерти в раннем возрасте императора Ин-Цзуна (1063–1067 гг.) на престол взошёл его старший сын, император Шэнь-Цзун, которому было всего 19 лет. Он был хорошо образован и имел большие амбиции, прежде всего в отношении восстановления внешнеполитических позиций империи — возвращения отторгнутых тангутами и киданями северных провинций Китая.

Ему было ясно, что с традиционной наёмной армией и при текущем состоянии имперских финансов он эти задачи реализовать не сможет. Его также не устраивали советы представителей старшего поколения реформаторов, которые теперь стали проповедниками пацифизма и консерватизма, а решение национальных проблем видели в умиротворении северных соседей, экономии государственных расходов и моральном самосовершенствовании.

В такой ситуации Ван Аньши, предложивший пакет радикальных социально-экономических, финансовых и военных реформ, получил в 1068 г. у императора карт-бланш на их проведение. В течение 1068–1070 гг. Ван Аньши смог провести на высшие государственные должности сторонников реформ, а также создать своеобразный штаб реформ — так называемую Комиссию по финансовому планированию. В сотрудники этого управления он мог набирать людей, минуя традиционные бюрократические процедуры и невзирая на формальный ранг назначаемых.

Следует подчеркнуть, что предложенный Ван Аньши пакет реформ вызвал жесткое неприятие со стороны почти всех деятелей первого этапа реформ — эры Цинли, и в частности Оуян Сю. Однако наиболее активным оппонентом реформ стал выдающийся историк и литератор Сыма Гуан, имевший большое влияние на императора.

С административной точки зрения реформы вводились последовательно принимаемыми законодательными актами, изданными в период 1069–1073 гг. и получившими название «Новые Законы».

Реформы эры Синин, по сути, имели две важные цели: существенное увеличение финансовой базы государства и облегчение положения крестьянства и других низших слоев населения. Источником средств для решения этих задач должны были стать растущие доходы торговой и землевладельческой элиты. Атака государства на доходы богатой и влиятельной прослойки населения должна была вызвать сильнейшее общественное сопротивление реформам, что и произошло на самом деле.

3. Основные направления реформ

Реформы эры Синин были весьма разнообразны и взаимосвязаны между собой. Их группировка по категориям была бы затруднительна, поэтому в дальнейшем изложение содержания отдельных направлений реформ будет вестись просто в хронологическом порядке — в том порядке, в котором принимались «Новые законы» [*Cambridge History of China*, 2009. Pp. 394–414].

3.1. Монетизация налоговой системы (Закон об уравнивании потерь)

В средневековом Китае налоги традиционно собирались в натуральной форме — зерном и шёлком. Собранное зерно частично расходовалось на содержание местной администрации, частично отправлялось в столицу на содержание императорского дома и армии или же накапливалось в региональных хранилищах на случай неурожая или чрезвычайной ситуации.

Закон об уравнивании потерь предполагал использовать зерно, накопленное в местных хранилищах, для сглаживания колебаний в ценах на местных рынках: в периоды неурожая зерно должно было продаваться из государственных хранилищ, в периоды высокого урожая и низких цен местные администраторы должны были покупать зерно на рынке для пополнения хранилищ и поддержания закупочных цен. Эта система была выгодна как крестьянам, так и казне: крестьянам обеспечивались более стабильные условия сбыта зерна, казна получала дополнительные доходы, которые в определенной пропорции разделялись между центральным и местным правительством, формируя дополнительные финансовые ресурсы на местах. Эти меры помогали также местному несельскохозяйственному населению, стабилизируя продовольственный рынок. Фактически закон выбивал почву из-под ног крупных торговцев зерном, забирая их сверхприбыли в бюджет.

Вторым элементом системы был переход на уплату сельхозналога деньгами. В результате большая доля зерна стала поступать на рынок. Это позволило уменьшить государственные поставки зерна в столицу и сократить транспортные издержки (частные перевозки зерна по очевидным причинам были более эффективными). Теперь казна стала закупать все большую часть зерна на рынке, ориентируясь на текущую конъюнктуру.

3.2. Аграрный кредит (программа «зелёные всходы»)

Создав на местах финансовый резерв за счет Закона об уравнивании потерь, Ван Аньши нашёл ему применение. Теперь средства финансового резерва должны были использоваться местными властями для льготного сезонного кредитования крестьян-

ских хозяйств. Этот закон был прямо направлен против местных богатеев, которые, имея в своём распоряжении немалые средства, выдавали крестьянам кредиты под высокие проценты, а затем, в случае невыплаты кредита, обращали взыскание на земли должника. Это был один из важнейших факторов обезземеливания крестьян.

Однако надо отметить, что программа «зелёные всходы» не встретила большого сопротивления на местах. Отчасти потому, что она не вводила новых налогов, отчасти потому, что кредиты могли получать не только бедные, но и зажиточные землевладельцы.

3.3. Расширение площадей обрабатываемых земель и ирригация

Эта мера была предложена ещё в рамках реформ эры Цинли и в целом не вызывала больших политических разногласий. Проблема расширения площадей обрабатываемых земель стояла в это время наиболее остро на севере страны в долине реки Хуанхэ, которая в середине XI в. несколько раз меняла русло и каждый раз выводила из сельскохозяйственного оборота большие территории. Программа включала меры по ирригации, строительству дамб и регулированию стока рек, а также по улучшению судоходства.

В целом программа имела большой успех, за 6 лет между 1070 и 1076 гг. в хозяйственный оборот было возвращено примерно 2 млн га земель (360 тыс. циней).

3.4. Введение новой программы государственных экзаменов

Реформирование системы государственных экзаменов также входило в программу реформ эры Цинли. В новой системе экзаменов приоритетом становилось изучение классической литературы, политической теории и юриспруденции. Ван Аньши уделял огромное внимание развитию образования и формированию единой системы ценностей у будущих чиновников. Эти усилия вполне окупились на третьем этапе реформ в начале XII в., когда реформаторы эры Чуннин смогли опираться на поколение чиновников, получивших образование в 70–80 гг. и разделявших реформаторские устремления Ван Аньши.

3.5. Освобождение от трудовых повинностей

Одним из элементов традиционных взаимоотношений крестьян и государства в Имперском Китае была система трудовых повинностей. В основном эти повинности были связаны с мелиоративными работами, строительством каналов и дорог. Однако существовал целый ряд повинностей административного характера, которые не могли быть выполнены простыми крестьянами, так что к выполнению этих повинностей привлекались более зажиточные землевладельцы. Им поручали, например, сопровождение поставок хлеба в столицу, функции операторов зернохранилищ, счетоводов, писцов, посыльных и даже полицейских.

Ван Аньши считал крайне нецелесообразным отвлечение крестьян и землевладельцев от их основных функций, особенно в условиях значительного аграрного перенаселения. Его идея состояла в том, что на несельскохозяйственных работах крестьяне и землевладельцы должны быть заменены постоянными наемными работниками – профессионалами.

С этой целью был введён специальный налог для оплаты труда наемных работников, причём поначалу он распространялся только на самые обеспеченные группы землевладельцев, а также на городских жителей, которые до этого вообще не платили никаких налогов, кроме налога на недвижимость. Введение этого налога вызвало взрыв недовольства в городах (и особенно в столице), так что потребовалось сильное давление самого императора, чтобы эти меры были приняты.

3.6. Государственная торговая политика

В той степени, в которой меры в области сельского налогообложения и сельского кредита должны были уменьшить доходы сельских спекулянтов и ростовщиков, меры в области государственной торговой политики распространяли этот подход на всю экономику.

К середине XI в. в Китае сформировался единый товарный рынок с высокой степенью региональной специализации, при этом дальняя торговля оказалась монополизированной несколькими десятками купеческих семейств, имеющих связи в государственном аппарате, а иногда и при императорском дворе. В результате они могли скупать задёшево товары у мелких посредников и завышать цены на городских рынках.

С целью разрушения торговых монополий реформаторами были учреждены государственные торговые бюро, в управление которым были переданы значительные запасы товаров, находившихся в казённой собственности. Бюро покупало товары массового спроса при низких ценах на них (или давало льготные кредиты торговцам на покупку этих товаров). Если цены на товары повышались — Бюро приступало к реализации запасов. Несмотря на жалобы императорских родственников, система понравилась Шэнь-цзуну до такой степени, что он капитализировал ее за счёт личных средств (так называемого Внутреннего Казначейства).

3.7. Меры по стимулированию коневодства

Отсутствие достаточного количества лошадей было хронической проблемой китайской армии. Крестьянам, желавшим участвовать в проекте, выделялись специальные субсидии. В обмен на это коневоды были обязаны выставить одного из пяти участников программы для участия в военных действиях в виде полностью вооруженного конника. Среднеазиатских лошадей для реализации этого проекта закупали в провинции Сычуань, граничащей с Тибетом, который осуществлял посреднические функции. Торговая квота (20 000 лошадей в год) была совершенно недостаточной для обеспечения нужд армии.

3.8. Создание земельного кадастра

Недобор налогов в сельском хозяйстве был в большой степени связан с тем, что значительная часть сельхозземель не была учтена в земельных переписях и, таким образом, была скрыта от налогообложения. Это были в основном земли богатых владельцев, которые подкупали с этой целью местных чиновников.

Программа действовала в течение 1072–1085 гг. и за это время в дополнение к учтённым 27 млн га (4,6 млн циней) было выявлено ещё 15 млн га (2,5 млн циней). Расширение учтённых посевных площадей и распределение их по пяти категориям качества позволило более равномерно распределить налоговое бремя между богатыми и бедными землевладельцами.

3.9. Система взаимной безопасности

Исторически в китайских деревнях существовали добровольные отряды местной самообороны, которые охраняли порядок на местах и боролись с уголовным элементом. Эта система в XI в. находилась в упадке, ставшим следствием существенного имущественного расслоения в деревне. Результатом стал рост бандитизма и иной преступности.

Для борьбы с этими явлениями была создана единая система взаимной безопасности. Ее основным звеном стали объединения пяти дворов, которые формировали базовые ячейки местной милиции, каждые пять ячеек формировали ячейку среднего уровня, а пять ячеек среднего уровня образовывали местное подразделение региональной милиции. Функции милиции включали ночное патрулирование, борьбу с воровством и информирование властей о выявленных преступных деяниях.

Изначально не планировалось использование милиции в военных целях, однако вскоре Ван Аньши решил использовать местную милицию для проведения военной реформы: он предполагал заменить наемную армию крестьянской (что вполне соответствовало китайской традиции). Он не питал никаких иллюзий по поводу повышения боеспособности существующей армии и надеялся, что формирование армии по призыву повысит ее боевой дух и существенно снизит военные расходы.

Ополченцев начали привлекать к несению гарнизонной службы на ротационной основе. Затем приступили к обучению милиции военным профессиям — стрельбе из лука и арбалета, выезде. В конце концов вся система в 1075 г. была подчинена Бюро по военным делам.

3.10. Замена натуральных повинностей цехов и гильдий

По аналогии с аграрным сектором, ремесленники и купцы также несли натуральные повинности по отношению к государству. Это могли быть либо поставки товаров для императорского двора, либо откомандирование работников для выполнения определенных функций при дворе. Повинности развёрстывались цехами и гильдиями между их членами.

Теперь система менялась: вводился специальный универсальный налог для финансирования госзакупок, а товары государство должно было закупать на рынке.

4. Оценка реформ эры Синин

Почти все меры, предпринимаемые Ван Аньши, сталкивались с сопротивлением высшего чиновничества. В критических ситуациях Ван Аньши угрожал императору отставкой и всегда добивался своего, но к 1074 г. его позиция стала незащитимой, и император отправил Ван Аньши в отставку, хотя и с большими почестями. Однако большинство сторонников Ван Аньши остались на своих местах, и курс реформ был продолжен до самой смерти Шэнь Цзуна (1085 г.)

Споры относительно реформ имели два аспекта: теоретический и практический. В теоретическом плане консерваторы придерживались той точки зрения, что количество благ, производимых в Империи, является величиной неизменной, и любое увеличение государственных доходов (и, соответственно, расходов) приводит только к обеднению крестьянства. Ван Аньши в свою очередь утверждал, что грамотно построенная система фискальных и кредитных стимулов позволяет существенно увеличить производство продукции, одновременно увеличивая и доходы государства, и благосостояние населения.

Ван Аньши очень спокойно относился к росту чиновничьего аппарата: главное, говорил он, состоит в том, чтобы результаты работы чиновников многократно окупали расходы на их содержание.

Надо сказать, что в условиях начавшегося экономического роста позиция Ван Аньши была более близка к реальности. По крайней мере, все источники, относящиеся к XI в., фиксируют существенное увеличение площадей обрабатываемых земель, повышение урожайности и производительности труда, рост потребления зерна на душу населения.

В практическом же плане, консерваторы утверждали, что сложные в техническом плане реформы Ван Аньши очень многое отдают на откуп местным чиновникам, создавая почву для давления на крестьянство (например, были сообщения о том, что крестьян заставляли принудительно участвовать в программе «зелёные всходы»).

Надо сказать, что Ван Аньши понимал эту проблему, но надеялся путём поиска способных и заинтересованных чиновников её решить. Все же людей катастрофически не хватало. Некоторые меры хорошо себя зарекомендовали в ходе экономических экспериментов, проводившихся в нескольких провинциях под надзором эмиссаров из столицы. Но, будучи распространёнными на всю страну, буксовали — отчасти из-за пассивности чиновников, отчасти вследствие сознательного саботажа. Кроме того, консерваторы специально поручали своим сторонникам в провинциальном аппарате писать негативные, а зачастую и лживые доклады о проведении реформ на местах. Потом эти документы ложились на стол императора.

Собственно, вся программа Ван Аньши по реформе высшего образования была направлена на создание когорты квалифицированных чиновников, к тому же индоктринированных реформаторскими идеями. Эти усилия реально дали эффект в начале XII в. на третьем этапе реформ, когда правительство располагало значительным количеством квалифицированных кадров и могло проводить реформы по широкому фронту гораздо более эффективно, чем на втором этапе реформ.

Если же говорить об объективных результатах проведённых реформ, то обратим внимание на три факта.

Во-первых, в Китае во времена правления Шэнь-Цзуна не было никаких существенных крестьянских волнений и беспорядков, что говорит об общей удовлетворенности крестьян их положением.

Во-вторых, в это время продолжился бурный рост численности населения Китая, что говорит о сравнительном материальном благополучии основной массы населения.

В-третьих, состояние государственного бюджета радикальным образом улучшилось: от хронических дефицитов он переходит к устойчивым профицитам. Такая ситуация привела к концентрации значительной части денежной массы в государственной казне и дефициту платежных средств. Именно это послужило стимулом к введению бумажных денег.

Надо отметить, что с точки зрения денежной теории это был совершенно правильный шаг. По сути, бумажные деньги были эквивалентом монетарного запаса правительства. Другое дело, что успех проекта привёл к избыточной эмиссии бумажных денег и развитию инфляционных процессов.

В историографии существуют различные точки зрения на реформы Ван Аньши. Некоторые рассматривают их как провозвестие государственного социализма и даже коммунизма. Другие называют их протокейнсианскими, имея в виду широкое развитие государственного предпринимательства [Zhao, Drechsler, 2018]. Действительно, сам Ван Аньши дал для этого основания, утверждая, что государственные расходы стимулируют производство дополнительного продукта. С другой стороны, его политика устойчивых профицитов бюджета не ложится в кейнсианские рамки.

Мне представляется, что наиболее адекватно политику реформ середины XI в. определять как социал-демократическую. Ван Аньши стремился к улучшению положения низших слоев населения и более равномерному распределению доходов и богатства, видя в этом средство для ускорения экономического развития. С другой стороны, он опирался на существующие рыночные механизмы и не собирался их демонтировать.

В этом смысле направление оппонентов Ван Аньши можно охарактеризовать как либерально-консервативное. Они, с одной стороны, не хотели ничего менять в общественном устройстве, с другой стороны, они были сторонниками экономии государственных расходов, выступали против роста государственного аппарата и расширения экономических функций бюрократии. Они не верили в благожелательное чиновничество, а верили в естественный ход вещей. Их возражения против государственного вмешательства в экономику и сейчас звучат достаточно актуально.

Активисты реформ эры Синин радикальным образом отличались от деятелей первой волны реформ. В начале 40-х гг. повестку реформ определяла столичная интеллектуальная элита. Теперь во главе процесса реформ встали региональные деятели. Многие из них не имели даже достаточного уровня классического образования. Используя возможность внеочередного назначения чиновников в Комиссию по финансовому планированию, Ван Аньши быстро продвигал их по карьерной лестнице, что вызывало недовольство и критику со стороны истеблишмента. Позднее при создании системы государственной торговли в торговые бюро назначались даже торговцы и финансисты. Заметим, что на третьем этапе реформ кадровый состав реформаторов снова поменялся: в правительство пришло новое поколение чиновников технократического склада.

5. Эпоха фракций и ее последствия

В последующей историографической критике реформ эры Синин одним из главных системных дефектов модели проведения реформ выставляется появление фракций в политическом руководстве и начало ожесточенной фракционной борьбы. Эти упреки во многом справедливы.

Действительно, традиционная китайская система управления была основана на системе сдержек и противовесов. Чиновники с разными политическими пристрастиями назначались на должности не по взглядам, а по способностям. В результате император всегда имел доступ к различным точкам зрения и разнородной информации. Создание фракций не поощрялось, более того слово фракция в китайском языке первоначально имело негативное значение «клика» (вспомним Банду четырёх).

Политические деятели, впавшие в немилость у императора, просто отправлялись на службу в провинции, иногда с понижением формального чина, иногда даже и без понижения. В любом случае у них всегда были неплохие шансы вернуться в политику.

Проведённая Ван Аньши зачистка всего госаппарата от консерваторов привела к фактическому оформлению фракций и началу ожесточённой политической борьбы, которая вскоре вышла за традиционные рамки. В эру Юанью при регентском правлении императрицы Гао были не только отменены законы эры Синин, но и все сторонники реформ были отправлены в отставку. Водоразделом здесь стал процесс над бывшим главным советником Цай Цюэ, который по сфабрикованному обвинению был сослан в малярийный район на юге Китая, где вскоре и умер. Были лишены должностей даже некоторые умеренные консерваторы, которые не одобряли эти действия вдовствующей императрицы. Среди них был и Фань Чуньжэнь, сын Фань Чжунъяна, лидера реформ эры Цинли, человек весьма уважаемый в обществе. Он заявил, что осуждение Цай Цюэ создаёт опасный прецедент и жертвы фракционной борьбы вскоре будут исчисляться десятками.

Он как в воду глядел — после смерти вдовствующей императрицы новый император Чжэ Цзун вернул к власти реформаторов, восстановил действие Новых Законов и действительно в массовом порядке начал ссылать в малярийные районы Юга деятелей эры Юанью. Противники реформ лишались чинов, их родственники также не могли поступать на государственную службу. Репрессии коснулись даже тех чиновников, которые ушли в мир иной — их лишали статуса посмертно.

Репрессии против консерваторов были продолжены и впоследствии, при императоре Хуэй Цзуне. Одним из последствий такой политики стали массовые добровольные отставки чиновников, особенно происходивших с юга страны. Выходя в отставку, они возвращались в свои местности, где занимали почётное положение в обществе, даже не имея формальных чиновничьих должностей.

Именно благодаря этой группе чиновников на юге возникли зачатки гражданского общества, где ряд общественных функций стали брать на себя представители образованного класса. Они учреждали частные школы, создавали благотворительные фонды и общественные житницы, занимались организацией местной милиции. Такая активность позволила впоследствии (уже в эпоху Южной Сун) передать часть государственных функций местному самоуправлению, существенно уменьшить размеры государственного аппарата и масштабы его финансирования.

Южные провинции Китая впоследствии пострадали от иноземных вторжений (монголов и маньчжуров) меньше, чем северные провинции, поэтому региональные элиты Юга стали одним из основных факторов долгосрочного политического развития Китая. Большинство освободительных движений в Китае зарождалось именно на Юге, столица Империи Мин располагалась изначально в Нанкине, как и столица республиканского правительства во времена Синьхайской революции. Большинство деятелей национально-

освободительного движения также были южанами и происходили из семейств образованного класса.

Изначально, однако, южные элиты были весьма консервативны. Они всячески препятствовали доступу представителей других сословий к высшему образованию и сдаче государственных экзаменов, а также были проводником идеологии неоконфуцианства, возникшей отчасти как реакция на быструю общественную модернизацию и реформы в Империи Северной Сун. Именно идеология неоконфуцианства стала важным фактором стагнации общественного развития при последующих китайских династиях, в частности при Мин и Цинь.

6. Реформы эпохи Чуннин

Как уже говорилось выше, действие Новых Законов эры Синин было восстановлено при достижении императором Чжэ-Цзуном совершеннолетия и окончании периода регентства в 1093 г. Но в действительности новый этап реформ начался в 1102 г. при императоре Хуэй-Цзуне после назначения главным советником Цай Цзина. Цай Цзин находился у власти очень долго (с небольшими перерывами до 1120 г.) и имел достаточно времени для реализации своих реформаторских планов.

При Цай Цзине были полностью восстановлены все институты эры Синин, но вдобавок к этому была провозглашена крайне амбициозная программа социальных реформ, охватывающая сферы образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Цай Цзин в китайской историографии описан как жёсткий аппаратчик и беспринципный интриган. Он действительно был искусным политическим оператором и неоднократно быстро возвращался к власти после кратковременных периодов опалы. Однако у него была чёткая политическая программа, которую он смог последовательно реализовать, имея поддержку большого количества квалифицированных единомышленников в аппарате. Цай Цзин в действительности был самым успешным реформатором за весь период реформ.

В сфере образования им было завершено формирование единой трёхуровневой системы образования, создание которой началось еще в эпоху Цинли, на первом этапе реформ. Экзамены стали частью образовательного процесса, так что теперь их могли сдавать только выпускники школ и Университета. Первый этап обучения проходил в провинциальных и уездных школах, их лучшие выпускники отбирались для учебы в столичном Университете. Окончившие с отличием Университет допускались к программам высшего уровня, которые только и давали доступ к руководящим должностям в Имперской Администрации. Экзамены у выпускников третьей ступени принимал лично император (это было довольно разумно — он уже на ранней стадии знакомился с потенциальными руководителями своей администрации).

Для обеспечения деятельности региональных школ правительство выделило большое количество государственных земель, доходы с которых должны были обеспечивать их деятельность, централизованно печатались учебники и пособия. Число обучающихся на всех ступенях образования достигло в начале XII в. 200 тыс. человек.

Одной из первых мер правительства Цай Цзина стало открытие специализированных высших школ: военной, юридической, математической, медицинской, а также школ живописи и каллиграфии. Высшие специализированные школы были по сути отдельными факультетами Большого Университета. Обучение здесь велось по 80 различным программам, выпускники в соответствии с заслугами получали классные чины [Ebrej, 2014. Pp. 119–123].

Концентрация студентов двух высших ступеней в столице стала серьезным политическим фактором, среди студентов зародились политические движения достаточно ради-

кального толка, а вскоре начались и студенческие волнения. Причём если в средневековых европейских университетах требования студентов имели корпоративный характер, то в Кайфене (столица Северной Сун) они сразу стали политическими.

Совершенно новым начинанием эры Чуннин стало создание системы общедоступного медицинского обслуживания и социальной помощи. Медицинские знания в Империи Сун находились на весьма высоком уровне, однако лечение по понятным причинам было платным. Поэтому бедняки обращались со своими проблемами не к врачам, а к знахарям, которых в Китае всегда было много. Правительство ещё с начала XI в. вело интенсивную борьбу с нетрадиционными методами лечения, в частности, большими тиражами издавались и распространялись по провинциям пособия по повышению медицинской грамотности населения.

В XII в. было решено создать во всех провинциях систему общедоступных клиник для бедных. Эксперименты по созданию таких клиник проводились уже в конце XI в. в отдельных провинциях, в частности, таким экспериментом руководил в провинции Ханчжоу известный китайский философ и администратор Су Ши, причём это делалось, как выразились бы сейчас, «на основаниях частно-государственного партнёрства», с использованием бюджетных денег и средств благотворительных фондов.

Организация работы клиник была по тем временам весьма продвинутой. Больных сортировали по степени тяжести их заболеваний, особо отделяя инфекционных больных. Врачи получали специальные бонусы за вылеченных пациентов. При каждой больнице было открыто аптечное отделение для обеспечения лекарствами собственно больницы и для продажи лекарств неимущим по сниженным ценам.

Отдельная программа была создана для системы социальной защиты. Ее бенефициарами стали одинокие люди старше 50 лет, вдовы, сироты и брошенные дети. Соответственно, создавались приюты для бедных, богадельни и дома младенца. Для незащищённых слоёв населения, имеющих собственное жилье (например, вдовы, сироты, одинокие старики), была введена система натуральных выдач продуктов, одежды и дров по централизованно установленным нормативам.

Ещё одним элементом социальной программы Цай Цзина стало создание общественных кладбищ для бедных, в том числе с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний [Ebrey, 2014, Pp. 105–107].

Я пытался найти аналог подобной системы в современности, и первое, что мне пришло в голову, — это программа «Великое общество» Линдона Джонсона — сравнимая с реформами Чуннин по универсальности охвата. В действительности за программой распространения образования и широкой социальной помощи лежала достаточно глубокая политическая идея: общество, где широко распространено образование, где есть доступная медицина и помощь бедным, станет более совершенным в моральном плане и менее конфликтным в плане социальном.

7. Финансовое перенапряжение сил Империи

Очевидно, что три вышеупомянутые социальные программы требовали огромных средств. И такие средства государство имело. Дело в том, что к началу XII в. технологии сбора налогов в рамках системы Новых Законов достигли высокой степени совершенства. Современники отмечали, что в сравнении с уровнем доходов от новых налогов в эпоху Ван Аньши эти доходы при Цай Цзине выросли в несколько раз. Видимо именно в это время уровень налогообложения достиг беспрецедентного для аграрной цивилизации уровня в 20% валового внутреннего продукта.

Эти доходы использовались для финансирования образовательных и социальных программ, для финансирования военных расходов. (В начале XII в. китайцы впервые победили

тангутское царство — после длительной серии военных неудач). Однако огромные расходы шли также на содержание двора: численность прямых потомков основателей династии Сун к этому времени достигла нескольких тысяч (первые два императора династии были родными братьями). Здесь правительство предприняло ряд мер по экономии расходов: в частности, строились дворцы для совместного проживания принцев младших генеалогических линий. Цай Цзин также пытался привлечь принцев к управлению государством, набирая их на обучение в Университет, хотя привлечение особ императорской крови к чиновничьей деятельности традиционно считалось нецелесообразным, а случаи службы принцев на высоких должностях в Администрации можно пересчитать по пальцам.

На пике финансового изобилия Правительство запустило два мегапроекта, которые ещё больше увеличили давление на финансы Империи. Первый проект предполагал строительство огромного Университетского комплекса в южной части Кайфена, который не был до конца реализован. Другой мегапроект, реализованный в очень короткие сроки — это создание парка с огромным искусственным холмом посередине. В парке были собраны образцы флоры и фауны со всего Китая, а для строительства холма использовались разнообразные горные породы. [*История Китая с древнейших времён...*, 2016. С. 758]. Доставка горных пород из южных провинций Китая потребовала мобилизации больших человеческих ресурсов и использования значительной части коммерческого речного флота. В конечном счёте была практически полностью парализована речная торговля, что вызвало большое недовольство населения — тем более, что все знали, для каких целей огромные камни перевозятся в столицу. Неслучайно именно в среднем течении Янцзы в 1120 г. началось мощное народное восстание под предводительством Фан Ла, совпавшее по времени с не менее серьёзным выступлением повстанцев в долине Хуанхэ, которое впоследствии было описано в классическом романе «Речные заводи».

8. Падение Северной Сун

К началу 20-х гг. XII в. годов Империя Сун оказалась в тяжёлой геополитической ситуации. На севере сформировалась новая угроза безопасности — государство чжурчженей, которое приступило к регулярным атакам на империю киданей. В этот момент руководители Северной Сун совершили крупнейшую стратегическую ошибку — они решили заключить союз с чжурчженями с целью возвращения Империи шестнадцати северных префектур, отторгнутых киданями в 938 г.

Однако в реальности ситуация сложилась так, что войска Империи Сун не смогли оказать никакой поддержки чжурчженям в их войне с киданями. Сначала имперские силы понесли большие потери в войне тангутами в 1114–1119 гг., затем армия была отвлечена на подавление внутренних восстаний. Вступив в войну с киданями в 1122 г., китайцы не смогли захватить их южную столицу Яньцзин (современный Пекин) и потерпели ряд тяжёлых поражений.

Между тем в течение нескольких лет чжурчжени самостоятельно завоевали почти всю территорию государства Ляо и отдали китайцам только шесть префектур из шестнадцати. Наблюдая военную слабость Империи Сун и используя в качестве предлога несоблюдение условий союзного соглашения, чжурчжени в 1125 г. начали массированное вторжение на центральную равнину Китая, в 1127 г. захватили Кайфен, пленили императора и почти всех его сыновей. Тем не менее чжурчжени не смогли закрепиться в долине Янцзы, и в южных провинциях Китая сохранилась власть династии Сун.

Падение Северной Сун стало тяжелейшей психологической травмой для китайской нации и отбросило длинную тень на всю историю реформ в Северной Сун. Реформаторы были серьёзно дискредитированы военным поражением и к власти в Южной Сун пришли

неоконфуцианцы консервативного толка. Контрреформаторы были посмертно возведены, реформаторы — посмертно оплёваны. Хотя с позиций сегодняшнего дня представляется, что падение Северной Сун стало результатом серьёзных дипломатических и военных ошибок и отсутствия лидерства в высшем руководстве, а вовсе не следствием финансовых затруднений и экономических реформ.

9. Оценка реформаторского движения

Китайские реформы представляют особый интерес для исследователей, поскольку это была первая попытка создания инклюзивных экономических институтов в истории [Аджемоглу, Робинсон, 2015]. Из истории нам хорошо известны инклюзивные политические институты античности (Греция и Рим), в то же время экономические институты античности при всем желании трудно назвать инклюзивными: наиболее известные экономические реформы античности – отмена долгового рабства при Солоне или введение уравнительного землепользования в Риме при Гракхах — являются вполне традиционными для аграрных сообществ.

Только в реформах эпохи Сун фактически появились понятия централизованного аграрного кредита, системной поддержки малого бизнеса и антимонопольной политики, фискального федерализма, государственно-частного партнёрства, общественных работ, общедоступной системы образования, национальной системы здравоохранения, таргетированной помощи малоимущим. Даже та терминология, которой мы пользуемся для описания этих процессов — это терминология современного общества, что подтверждает гипотезу о начале перехода к модерну в Китае эпохи Сун.

Некоторый парадокс новых институтов, созданных в период реформ, связан с их смешанным инклюзивно-экстрактивным характером. Почти все Новые Законы предполагали сосуществование социально-уравнительных механизмов с фискальными. Понятно, что по логике вещей со временем фискальная компонента начинала превалировать. Так, налог для компенсации отмены трудовых повинностей поначалу имел прогрессивный характер, бедные хозяйства не подлежали налогообложению. Однако аппетит приходит во время еды: через несколько лет он был распространён на все население, а доходы от него существенно превышали потребности оплаты наемных работников и использовались для пополнения казны.

Попытка построить в Китае «великое общество» была прервана иноземным вторжением и эксперимент не был завершён. Видимо, такой эксперимент и не мог увенчаться успехом: инклюзивные экономические институты в Китае не были дополнены инклюзивными политическими институтами — фискальные аппетиты казны не балансировались демократией налогоплательщиков. Более того, я полагаю, что достигнутый в Китае уровень налоговой нагрузки на экономику был несовместим с существовавшим уровнем развития производительных сил. Налоговые изъятия на уровне 20% ВВП стали возможны в Европе только при переходе к фабрично-заводской стадии индустриализации, в то время как Китай в XI в. только вступил в её мануфактурную стадию.

С политической точки зрения китайские «социал-демократы» XI в. тоже «бежали впереди паровоза». В отличие от Европы, где социал-демократия возникла на волне рабочего движения, бенефициары Новых Законов представляли собой безгласные низы общества — это были малоземельные крестьяне, мелкие ремесленники и торговцы. Процесс зарождения гражданского общества в Китае шёл практически параллельно с проведением реформ. Это происходило на уровне верхов, когда образованное сословие начало брать на себя функции местного самоуправления (в Южном Китае). На уровне низов это проявилось в широком распространении грамотности (вслед за изобретением книгопечатания), в цеховом самоуправлении, в появлении бесцензурных средств массовой информации

(частные газеты), в росте политического самосознания студенчества и студенческих выступлениях, в развитии частной адвокатуры.

Мы используем здесь термин «гражданское общество» с некоторыми оговорками, поскольку в Китае жители городов формально не выделялись из общей массы населения, а сами города не имели никакого особого статуса. Речь здесь идёт о том, что в эпоху Сун начался процесс эмансипации общества от государства — как в экономическом, так и в политическом отношении.

Дальнейшие события показали, что соседство со степными народами, находящимися на протогосударственной стадии развития, плохо сочетается с социал-демократическими экспериментами и планами построения «великого общества». Реформы в Северной Сун были уничтожены нашествием чжурчженей, высокоразвитая империя Южная Сун была завоёвана монголами, наконец, все надежды на продолжение процесса модернизации Китая исчезли после маньчжурского вторжения в XVII в. и последующих двух с половиной веков оккупации страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: Издательство АСТ.
- Васильев Л.С. (1982). Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в Средние века: Сб. статей / Отв. ред. Л.Б. Алаев. М.: Наука, 1982. С. 60–99.
- Васильев С.А. (2020). Ранняя модернизация в Китае в эпоху Сун // Вопросы теоретической экономики. №3. С. 130–156.
- Иванов А.И. (1909). Вань-Ань-ши и его реформы XI в. СПб.: Тип. И.М. Стасюлевича.
- История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. (2016) / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си-Ся (907–1279) / Отв. ред. И.Ф. Попова; Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука – Вост. лит.
- The Cambridge History of China (2009) // Vol 5. Part One: The Sung Dynasty and its Precursors, 907–1279 / D. Twitchett, P.J. Smith (Eds). N.Y.: Cambridge University Press.
- Ebrey, P.B. (2014). Emperor Huizong. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press.
- Emperor Huizong and Late Northern Song China. The Politics of Culture and the Culture of Politics. (2006) // Harvard East Asian Monographs. Vol. 266. / P.B. Ebrey, M. Bickford (Eds.). Harvard: Harvard University Asia Center.
- Zhao X., Drechsler W. (2018) Wang Anshi's economic reforms. Proto-Keynesian economic policy in Song Dynasty China. Cambridge Journal of Economics. Vol. 42 (5). Pp. 1239–1254.

Васильев Сергей Александрович

savasiliev.78@gmail.com

Sergei Vasiliev

Dr. Soc. (Economics), Academic director of International Centre for Social and Economic research “Leontief Centre” (Saint-Petersburg)

savasiliev.78@gmail.com

THE REFORM MOVEMENT IN CHINA DURING THE NORTHERN SONG DYNASTY

Abstract. During 11-th century China witnessed unprecedented economic growth accompanied by radical increase of agricultural productivity, rapid industrialization, urbanization and market development. This period is also characterized by a complex of economic, political and social reforms targeted at adjustment of state institutes to rapid social changes. The reforms did include monetization of tributary system and partial introduction of fiscal federalism, the system of centrally regulated rural credit, substitution of corvee labour and compulsory delivery of goods for state needs by specific taxes, more equitable land taxation. Later in the early 12-th century were created an integrated educational system, national health care system and social security system. These reforms do represent the first historical case of inclusive economic institutions.

Key words: China, Sung Empire, reformat movement 11–12-th centuries.

JEL: N45.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012). *Why Nations Fail: the origins of Power, prosperity and poverty*. N.Y.: Crown Publishers.
- The Cambridge History of China* (2009) // Vol 5, Part One. The Sung Dynasty and its Precursors, 907–1279 / D. Twitchett, P.J. Smith (Eds). N.Y.: Cambridge University Press.
- Ebrey P.B. (2014). *Emperor Huizong*. Cambridge, Mass.; L.: Harvard University Press.
- Emperor Huizong and Late Northern Song China. The Politics of Culture and the Culture of Politics. (2006) // *Harvard East Asian Monographs*, Vol. 266. / P.B. Ebrey, M. Bickford (Eds.). Harvard: Harvard University Asia Center.
- Istoriya Kitaya s drevneishih vremen do nachala 21 veka* / T. IV. *Period pyati dinastiy, imperiya Sung, gosudarstva Liao, Jin i Xi Xia, (907-1279)* (2016). [Chinese history from prehistorical times to 21-st century / Vol. 4. Period of five dunasties, Sung empire, states of Liao, Jin and Xi Xia (907–1279)]. Moskow: Nauka. (In Russ.)
- Ivanov A.I. (1911). *Wang Anshi i ego reforms odinatsatogo veka*. [Wang Anshi and his reforms of 11-th century]. Saint-Petersburg: Tipographiya I.M. Stasyulevicha. (In Russ.)
- Vasiliev L.S. (1982). Fenomen vlasti-sobsvennosti // *Tipy obshchestvennyh otnosheniy na Vostoke v sredniye veka*. [Phenomenon of power-property // Modes of social interaction in the East in the Middle Ages] / Otv. red. L.B. Alaev. Moscow: Nauka. Pp. 60–99. (In Russ.)
- Vasilev S.A. (2020). Rannya modernizatsiya v epohu Sun [Early modernization in Sung China] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 130–156. (In Russ.)
- Zhao X., Drechsler W. (2018). Wang Anshi's economic reforms. Proto-Keynesian economic policy in Song Dynasty China // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 42 (5). Pp. 1239–1254.

М.А. Фельдман

д. ист. н., профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Екатеринбург)

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ)¹

Аннотация. Рациональному размещению производительных сил в СССР придавалось особое значение: оно должно было быть дополнительным источником повышения темпов социалистического строительства и помочь догнать и перегнать капиталистический Запад. Но конкретные условия реализации планов первой пятилетки внесли изменения в идеальную схему размещения производительных сил: реальная картина распределения капиталовложений во многом складывалась под воздействием инерционных процессов размещения производительных сил; удобства для государственных ведомств наращивания индустриального потенциала в центре страны; наличия квалифицированных кадров.

Ключевые слова: размещение, пространство, промышленность, регионы, планы.

JEL: N60, N70, N90, O25.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_138_149.

Методология анализа проблемы

Возникшая в первой четверти XIX в. научная школа штандорта (изучения оптимальной локализации производства) свои основные усилия направила на исследования формирования экономических зон в зависимости от их расстояния от центра, оптимального размещения промышленного производства и сосредоточения мест рыночных обменов. Многие работы школы штандорта были опубликованы в СССР в 1920-е гг., где существовали свои исследователи пространственной экономики. Например, в ходе разработки плана ГОЭЛРО изучались проблемы оптимального размещения локальных энергетических, транспортных и промышленных систем, а также проводилась корректировка сетки административно-территориального деления страны для более полного учета их экономической специфики.

В начале 1920-х гг. С.В. Бернштейн-Коганом была разработана теория экономического ландшафта и рационального размещения промышленности, основанной на таком территориальном разделении труда, в рамках которого субъектами специализации выступают страны и отдельные регионы [Бокарев, 2012. С. 113].

Общепринятая парадигма размещения производительных сил, способствовавшая пониманию процессов размещения производства, трактовала размещение производительных сил, в частности отдельных предприятий, с микроэкономических, «точечных», пози-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта 21-09-43024 СССР. Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат.

ций, а выбор конкретного оптимального местоположения предприятия связывался с ориентацией его на минимизацию затрат, которые определяли три основных фактора — транспортный, трудовой и агломерационный. Дальнейшее развитие производительных сил, сопровождающееся расцветом индустриальной эпохи и переходом ко второму и третьему технологическим укладам, показало ограниченность чисто микроэкономического подхода к проблемам размещения [Анимица, Анимица, Денисова, 2014. С. 23].

Исследователи приходили к выводу о том, что при соотношении *территориальной организации промышленности и пространственного размещения промышленности* первое понятие шире и её основными формами являются промышленные районы, комплексы и узлы [Бакланов, 2012. С. 32]. В условиях централизованной плановой экономики ведущими выступали процессы управления. Последние включали экономическое районирование, разработку и реализацию Генеральных схем развития и размещения производительных сил, районные планировки, территориальное планирование и управление.

Желание максимизировать экономию от масштаба вело к увеличению размеров предприятий, что в сочетании с установкой на равномерное пространственное развитие выражалось в деконцентрации промышленности и сверхспециализации территорий. Знаменитые советские территориально-производственные комплексы усиливали преимущества межотраслевой кооперации, но подавляли положительные эффекты внутриотраслевых связей и кластеризации, характерные для развитых стран с рыночной экономикой. Привязка «соцкультбыта» к предприятиям заставляла рабочих и членов их семей расселяться в непосредственной близости от новых промышленных объектов [Белов, 2012. С. 10].

В СССР активно преобразовательный подход к размещению производительных сил основывался на так называемых «принципах социалистического размещения производства» — планомерность, комплексность, приближение к источникам сырья и центрам потребления, выравнивание уровней развития и др. [Анимица, Анимица, Денисова, 2014. С. 26]. Рациональному размещению производительных сил в СССР придавалось особое значение: оно должно было стать дополнительным источником повышения темпов социалистического строительства и помочь догнать и перегнать капиталистический Запад. Но конкретные условия первых пятилеток внесли изменения в идеальную схему размещения производительных сил: необходимость технического перевооружения страны вела к повышению роли машиностроения, что возлагало дополнительные задачи на старые промышленные районы. Первостепенное значение приобретали и сугубо оборонные задачи [Твердюкова, 2010. С. 412].

В СССР с конца 1920-х гг. разрабатывалась идея промышленного комбината, предполагавшая тесные связи производственного объекта с другими предприятиями района, с местными источниками сырья, топлива и рабочей силы, а также потребителями продукции. Большинство комбинатов располагались на Урале, в Донбассе, в Центральном районе. Однако комбинирование оказывалось зачастую оторванным от жизни задачи [Твердюкова, 2010. С. 414].

Особенности советской модели размещения экономического потенциала включали излишнюю специализацию регионов и недостаточную концентрацию промышленности. Положительной чертой этого было укрупнение предприятий и снижение издержек, отрицательной — неустойчивость монокультурной структуры и слабость эффектов концентрации и кластеризации [Белов, 2012. С. 12].

С развертыванием индустриализации для плановых органов наиболее значимым показателем эффективности были темпы развития промышленности, именно с этой точки зрения рассматривались выгоды того или иного размещения промышленности, а главным рычагом изменений становились капиталовложения. В приложении к третьему тому Первого пятилетнего плана дан перечень свыше 1400 новостроек по республикам и районам. На практике проекты планов в течение всего предвоенного десятилетия в значительной степени представляли собой сумму заявок с мест, в два-три раза превышающих реаль-

ные возможности регионов, стремившихся получить от Центра максимально возможную сумму вложений [Твердюкова, 2010. С. 414]. Но проблема заключалась не только в количественных показателях темпов роста, а и в изменении подходов к пространственному размещению промышленности в годы первой пятилетки.

Идеология и практика «социалистической экономики»

Осмысление драматических событий первых лет пятилетки шло на всех уровнях [Фельдман, 2020а]. Идеология «социалистической экономики» обладала удивительным свойством: впитывать научные мысли, вытекающие из развития мировой и отечественной экономической науки, и одновременно пропагандировать мифологические парадигмы, порожденные марксистской теорией. Показателен в этом отношении сборник тезисов Института промышленно-экономических исследований, подготовленный в конце 1931 г. к Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил [Принципы..., 1932].

Радикальный тезис — «предполагается уничтожение старой системы общественного разделения труда» — соседствовал с бодрым утверждением о способности социализма а priori «обеспечить равномерное размещение промышленности по всей стране» [Принципы..., 1932. С. 8]. Как видно, идеологическая установка на способность социализма «создавать наиболее эффективное размещение промышленности» не вызвала сомнений у учёных рубежа 1920–1930-х гг.

Вместе с тем присутствовал ряд научно обоснованных тезисов, например, что «основным принципом социалистического размещения промышленности должно быть комплексное использование сырьевых и энергетических ресурсов», требующее «определения профиля и предела промышленной и сельскохозяйственной специализации экономики района и перспективы их развития» [Принципы..., 1932. С. 8].

По мнению учёных, объективные экономические процессы специализации и кооперирования должны были проходить на основе «минимизации затрат на основе хозрасчёта, а основным критерием для размещения предприятия или комбината должны являться наличие рынка сбыта, хозрасчётное обоснование места; энергетическая достаточность». Авторы тезисов подчеркивали: «...развитие кооперирования должно происходить на основе укрепления хозрасчёта; договорной дисциплины; механизма контроля рублем — неустоек штрафов» [Принципы..., 1932. С.10, 12].

Для начала 1930-х гг. весьма смелым утверждением звучали слова о недопустимости простого администрирования, расширения административного вмешательства в руководство предприятиями (!), а также о необходимости разукрупнения громоздких предприятий, сокращения радиусов кооперирования, специализации небольших предприятий [Принципы..., 1932. С. 32, 33]. Причиной подобной смелости следует считать наличие «за спиной» авторов сборника тезисов документов первого пятилетнего плана, исповедующих подобные взгляды.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР большое значение придавал пространственному размещению промышленности. Из трех томов пятилетнего плана этой проблеме был посвящен отдельный том — третий — сфокусированный на районном разрезе индустриальных процессов.

Признание «сложности межрайонных отношений, в ходе процесса планирования» привело к тому, что разработчики первого пятилетнего плана подчеркивали: «...том претендует лишь на краткую обобщенную характеристику сложных хозяйственных процессов... Углубленный анализ межрайонных процессов, а также детальная разработка внутрирайонной системы организации экономик должны явиться задачей последующих работ

плановых органов» [Пятилетний..., 1930. С. 6]. Обоснованием последнего утверждения была и оговорка авторов издания — «том готовился в ускоренном режиме, обусловленном необходимостью выпуска его к Пятому Всесоюзному съезду Советов» [Пятилетний..., 1930. С. 6].

Издание третьего тома стало последним делом руководства Госплана во главе с Г.М. Кржижановским [Фельдман, 2020b], и в Предисловии к третьему тому содержалось указание на многомесячную борьбу за соблюдение научных принципов планирования: «...в основу построения плана народно-хозяйственного строительства СССР в районном разрезе был положен «оптимальный» вариант, отправной же вариант получил отражение лишь в её основных суммарных проектировках плана» [Пятилетний..., 1930. С. 6].

В этой связи оптимистические надежды разработчиков на то, что при социализме «географическое разделение труда превращается в планомерно осуществляемый метод территориальной организации труда на основе порайонной его специализации в целях достижения максимально возможной эффективности», основывались на *системе подвижных индикативных индикаторов* [Пятилетний..., 1930. С. 10].

Подход команды Г.М. Кржижановского к экономическому районированию, как к организации «рационально-построенной и планомерно развивающейся системы сотрудничества экономических районов», сочетался с указанием, во-первых, на необходимость совпадения границ административно-территориальных объединений и экономических районов; во-вторых, на установление определенной хозяйственной самостоятельности руководства республик и областей [Пятилетний..., 1930. С. 11]. Без такой степени самостоятельности «организация рационально-построенной и планомерно развивающейся системы сотрудничества экономических районов», и её обратная сторона — «организация сложного межрайонного сотрудничества» [Пятилетний..., 1930. С. 10] — превращались в трудно достижимое дело.

В качестве положительного примера приводилось создание восьми областей, чьи территории (например, Уральской области) были близки к границам крупных экономических районов [Пятилетний..., 1930. С. 11, 12]. При этом впервые вводилась идея рассмотрения ряда областей (в частности, Урала, Донецко-Криворожского района) как «крупнейших территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих плановость и высокую эффективность затрат общественного труда» [Пятилетний..., 1930. С. 16].

Другим вектором пространственного размещения промышленности стало целенаправленное приоритетное размещение производственных мощностей в восточных регионах СССР. Показательно, что если на 1 октября 1928 г. в трех старых промышленных районах (Центрально-промышленном районе, УССР и Ленинграде) было сосредоточено 65,3% всех основных производственных фондов государственной промышленности, то к концу первой пятилетки их доля должна была существенно сократиться — до 54,7%. В то же время, как следует из данных табл. 1, по наметкам первого пятилетнего плана доля Уральской области стремительно возрастала: с 4,27 до 10,36%, а вместе с Башкирией — с 4,58 до 10,73%. Для достижения поставленной задачи Уральскому экономическому району выделялось 12,6% всех всесоюзных капиталовложений.

Казалось бы, приоритет пространственного размещения промышленности на территории восточных районов пронизывал всё планирование второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. Еще в мае 1926 г. президиум Госплана СССР издал циркулярный материал о проекте развития экономики на 10–15 лет. В этом документе развивалась идея создания в СССР промышленных комбинатов как наиболее рациональной структуры использования природных ресурсов с наименьшей себестоимостью выпускаемой продукции. Идея Урало-Кузбасского комбината (УКК) была названа в числе первоочередных в проектировках Генерального плана развития промышленности до 1941 г. [Тимошенко, 2010. С. 168].

Таблица 1

Динамика движения капиталовложений в промышленность, стоимость основных производственных фондов по основным индустриальным регионам СССР в 1928–1933 гг.

Регион, страна	Октября 1928 г.				1 октября 1933 г.		
	стоимость фондов, млн руб.	%	капиталовложения в промышленность за пятилетку, млн руб.	%	стоимость фондов, млн руб. (план)	%	
ЦПР	2182	30,8	2820	17,5	4337	21,2	
УССР	1735	24,5	4200	26,1	5350	26,17	
Ленинградская обл.	705	9,96	1017	6,3	1487	7,28	
Уральская обл.	302	4,27	1962	12,2	2118	10,36	
Башкирия	22,6	0,31	74,5	0,4	76	0,37	
СССР	7792	100	18638	100	22517	100	

* Источники: Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. М.: Плановое хозяйство, 1930. С. 38–40; 554–555; 562–563.

Однако одновременное финансирование ряда промышленных комбинатов, гигантов электроэнергетики и транспортных магистралей было признано невозможным. 6 ноября 1926 г. на пленарном заседании Президиума Госплана, рассматривавшем очередность строительства самых крупных объектов, вошедших в Генеральный план развития промышленности, приоритет был отдан сооружению Днепрогэса и Турксиба [Тимошенко, 2010. С. 168].

Черёд УКК пришел осенью 1928 г., когда, по решению ВСНХ СССР, Госплан разработал план ускоренного строительства предприятий, входивших в его состав [Тимошенко, 2010. С. 177]. Однако период последующих месяцев — времён острой внутрипартийной борьбы — привёл не только к безудержному росту количественных показателей пятилетнего плана, но и к перемене подходов к пространственному размещению промышленности.

Например, если во второй половине 1920-х гг. руководство Уральской области рассматривало в качестве необходимого элемента региональной экономики создание производства завершённого цикла, то в 1930-е гг. такой проект не мог рассчитывать на поддержку со стороны руководства страны, поскольку основным принципом выделения экономического района стал признак его специализации во всесоюзном масштабе. Планы 1920-х гг., нацеленные на выявление и использование местных производственных возможностей, были дезавуированы. Так, Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» (15 мая 1930 г.) предлагало ВСНХ и Госплану в кратчайшие сроки разработать и представить в СНК единый жёстко централизованный план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны [Тимошенко, 2010. С.178].

В конечном же счёте ни один из вариантов создания единого УКК так и не был осуществлен в чистом виде. Фактически Уральский район создавался при отрицании естественных местных экономических связей, вместо них создавалась жёсткая управленческая вертикаль, характерная для всех регионов СССР [Твердюкова, 2010. С. 415]. Подобная негативная тенденция встретила (в сдержанно-критическом формате) противодействие учёных-экономистов. Жёстко централизованный, ведомственный характер управления экономикой, диктующий формирование хозяйственных связей Урала и Кузбасса по отраслевому признаку, был подмечен весной 1931 г. на конференции научно-отраслевых инсти-

тутов, ведущих разработку УКК, и охарактеризован как препятствующий осуществлению метода межотраслевого и внутрирайонного комбинирования [Бакунин, Бедель, 1994. С. 53]

Научное видение проблемы межрегионального сотрудничества прозвучало на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил (апрель 1932 г.) Так, в докладе В.Ф. Васютина — участника разработки проекта Урало-Кузбасса и одновременно одного из первых исследователей начальной стадии реализации индустриальной программы — Урало-Кузбасс рассматривался прежде всего как пример масштабного межрайонного комбинирования, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а в рамках единого хозяйственного комплекса [Васютин, 1932. С. 8–9].

Метод комбинирования, разъяснял В.Ф. Васютин, включал в себя приближение к стопроцентному использованию всех перерабатываемых веществ; максимальное комбинирование и использование всех видов энергии, комбинированное использование всех видов транспорта; внедрение элементов комбинирования в использование самого труда. Комбинирование в широких масштабах позволяло обеспечить подлинное использование всех достижений науки и техники, высокую эффективность производства [Васютин, 1932. С. 5–6].

Определение В.Ф. Васютина представляло более глубокое и развернутое понимание рассматриваемой индустриальной программы в сравнении с формулировкой первого пятилетнего плана. Там Урало-Кузбасс определялся как *система сложного межрайонного сотрудничества*, нацеленная на специализированное производство продукции на всесоюзный рынок [Пятилетний..., 1930. С. 10]. Программа сотрудничества в тексте первого пятилетнего плана практически сводилась к *управляемому сверху обмену углем и рудой* между Уральским и Кузнецким районами.

Доклад В.Ф. Васютина «Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития», прочитанный на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, проходившей в Свердловске в 1932 г., предлагал более широкую трактовку понимания задач планирования и реализации Урало-Кузбасского проекта. Судя по тому, что доклад в переработанном и дополнительном виде был издан отдельной брошюрой в Москве в том же 1932 г., его содержание было одобрено властными структурами. Это отражало процесс определенного переосмысления руководителями СССР итогов первых лет пятилетки.

Доклад и брошюра В.Ф. Васютина указывали на задачи промышленности Восточных районов. В машиностроении ставилась задача строительства ряда новых специализированных комбинатов; проблема их кооперации адресовалась центральным плановым органам. При этом акцент делался не на кооперацию внутри машиностроительной отрасли в УКК, а между машиностроением УКК и машиностроением других частей СССР [Васютин, 1932. С. 47–48].

Заметным явлением стало выступление Г.И. Ломова, заместителя председателя Госплана СССР, на открытии Всесоюзной конференции по размещению производительных сил в УКК 7 апреля 1932 г. Исключительное значение имели слова Г.И. Ломова, руководившего в начале 1920-х гг. Сибпромбюро ВСНХ, Уралэкономсоветом, а во второй половине 1920-гг. «Нефтесиндикатом» и трестом «Донуголь», о вреде увлечения «гигантизмом промышленных комбинатов» [Труды..., 1933. С. 12]. По сути, Г.И. Ломов воспроизвел известное в управленческой науке 1930-х гг. суждение: эффект масштаба имеет пределы, за которыми издержки начинают расти, а объединение предприятий — пределы роста и управляемости [Шпотов, 2009. С. 31].

Г.И. Ломов обратил внимание и на вред абсолютизации количественных показателей. По его мнению, упор в реализации Урало-Кузбасского проекта в годы второй пятилетки необходимо было сделать на освоении уже созданных промышленных предприятий; на качественные показатели и максимальное использование оборудования [Труды..., 1933. С. 13]. Он также указал на существенный недостаток проекта Урало-Кузбасса: недостаточное внимание

со стороны центральных и местных плановых органов развитию легкой и пищевой промышленности. Например, в районе УКК создавались только два мясокомбината — в Орске и Семипалатинске, то есть за пределами Урала и Кузбасса [*Труды...*, 1933. С. 12].

Опытный хозяйственник обратил внимание на слабую сторону межрайонного сотрудничества двух регионов, подчеркнув, что опыт истекших лет показал: связь Урала и Кузбасса каждый год зимой, в трудных погодных условиях нарушается, не позволяя Уралу выполнять плановые задания в металлургии. Между тем именно транспортное сообщение двух регионов называлось специалистами и учёными «наиболее лимитирующим фактором форсированного создания комбината». А невыполнение главного звена транспортной программы — электрификации железнодорожного сообщения между Уралом и Кузбассом [*Труды...*, 1933. С. 11, 35] (осуществлённой только в послевоенный период) — отмечалось в качестве одной из причин, препятствующих всесторонней реализации единого Урало-Кузнецкого угольно-металлургического предприятия. Можно только сожалеть, что указанный критический анализ соиздания Урало-Кузбасса остался без должного внимания, а сам Г.И. Ломов уже в 1933 г. был выведен из числа работников Госплана и переведен на восторостепенную работу.

В своеобразном диалоге советских учёных-экономистов и сторонников жёсткой централизации управления присутствовала и «третья сторона»: в январе 1931 г., после полутора лет напряженных дискуссий, руководство страны утвердило план развёртывания (через два-три года!), армии, оснащенной тысячами новых самолетов, танков и орудий. Непрерывающиеся пересмотры планов реконструкции РККА усугубили приспособление экономики к реализации мобилизационных программ [*Кен*, 2002. С. 159, 160, 191].

Формирование (с 1931 г.) обширной группы машиностроительных и металлургических предприятий, включенных в оборонно-промышленный комплекс, имело чётко выраженный пространственный аспект: мобилизационные заказы чаще получали заводы с уже устоявшимся производством в западной части страны, а значит, с меньшими рисками при выполнении плановых заданий. Территориальное размещение предприятий Военпрома на Урале в годы первой пятилетки включало в себя или традиционное производство винтовок и орудий (Ижевск и Пермь), холодного оружия (Златоуст); либо расконсервирование мощностей по выпуску боеприпасов, налаженному в годы Первой мировой войны [*Соколов*, 2012. С. 171, 179].

Однако само себе возобновление производства боеприпасов на уральских заводах проходило с большим трудом. Так, в аналитическом обзоре Госплана СССР отмечалась низкая квалификация набранных рабочих, а также тяжелейшие жилищные условия: военная промышленность могла «обслужить этой площадью только $\frac{1}{4}$ всех работающих, при совершенно недопустимой норме площади — около $3,5 \text{ м}^2$ на человека» [*Итоги...*, 2008. С. 750–755]. Как отмечалось в Докладной записке начальника Сектора обороны Госплана СССР С.О. Ботнера руководству Госплана СССР, острой проблемой являлась обеспеченность военной промышленности кадрами [*Становление...*, 2011. С. 140–142]. Как видно, на пути запланированного советским руководством сдвига промышленности на Восток отчетливо встал «человеческий фактор».

Вместе с тем, с точки зрения долговременной перспективы, планирование строительства машиностроительных заводов в районах Урала и Сибири в обязательном порядке включало в себя раздел «специального» (оборонного) производства. Проектные организации обязывались увязывать свою работу с мобилизационными заданиями, нацеленными на «ассимиляцию» гражданского и военного производства. В качестве образца предлагался опыт Уралмашстроя, в проекте которого были органически увязаны общая и «специальная» секретная часть» [*Итоги...*, 2008. С. 750–755].

История борьбы ведомств и региональных руководителей за конкретное распределение и перераспределение капиталовложений в годы Первой пятилетки еще ждет своего исследователя. Из материалов табл. 1 вытекает следующий вывод: удельный вес Украины

в распределении промышленных капиталовложений (26,2%) существенно превышал её удельный вес в промышленном производстве (19,1%) [*Пятилетний...*, 1930. С. 563], а также в распределении производственных фондов (24,5%). Обратим внимание и на следующее обстоятельство: капиталовложения в промышленность Украины почти в 1,5 раза превышали вложения в промышленность ЦПР, обладающую большим производственным потенциалом. Стоимость производственных промышленных фондов Украины за пятилетку должна была вырасти в 3,1 раза при аналогичном показателе по промышленности СССР в 2,9 раза [*Пятилетний...*, 1930. С. 554].

С точки зрения генерального курса государства — сдвига промышленности на Восток — такая ситуация была труднообъяснима, и на подобное противоречие обратили внимание специалисты Госплана. При этом подчеркивалось, что эти вложения были распределены по территории Украины крайне неравномерно: «...из 1345 млн руб. вложений в новое строительство на промышленность Донбасса, Запорожья и Криворожья, территорий, где проживали 6,5 млн чел. населения, приходится 1 200 млн руб. в новое промышленное строительство, а на остальную часть Украины с 22,5 млн населения приходится лишь 145 млн вложений» [*Ковалевский*, 1929. С. 62].

Капиталовложения в промышленность Украины имели следующую особенность: $\frac{1}{2}$ вложений направлялась на новое строительство, а $\frac{2}{3}$ — на реконструкцию [*Ковалевский*, 1929. С. 62]. Для сравнения отметим: на Урале более $\frac{9}{10}$ вложений шли в *новое строительство*. Разительны были контрасты в распределении средств на лёгкую промышленность: Украина получала 13,7% общесоюзных капиталовложений в группу отраслей «Б»; Уральская область — только 2,9% — втрое меньше, чем Ленинградская область [*Пятилетний...*, 1930. С. 554, 563].

Драматизм ситуации определялся тем, что на Украину — район, расположенный у границы с капиталистическими странами, — в 1928 г. приходилось $\frac{4}{5}$ добываемого в СССР угля, 70% — железной руды, $\frac{3}{5}$ выплавки черных металлов. В то же время вся Сибирь давала 0,9 %, Дальний Восток — 0,5% промышленной продукции СССР [*Пятилетний...*, 1930. С. 119, 563].

Чем же можно объяснить такой перекося в распределении капиталовложений? Судя по реакции специалистов Госплана [*Ковалевский*, 1929. С. 62–65] — инерцией планирования. Более совершенные в техническом отношении заводы Донбасса, Запорожья и Криворожья могли дать более быструю и эффективную отдачу, чем предприятия востока страны.

Реальная картина распределения капиталовложений во многом складывалась в силу инерционных процессов размещения производительных сил; удобства для государственных ведомств наращивания индустриального потенциала в центре страны; возможности лоббирования интересов центральных регионов со стороны массива москвичей, ленинградцев, киевлян в составе союзного руководства. Таким образом, исходя из различных источников инициации решений, государство использовало разные форматы активности и приоритетов.

Реализация политики по сдвигу промышленности на восток

Реализацию государственной политики по сдвигу промышленности на восток можно было проследить по такому критерию, как реальное расходование капиталовложений по регионам. Бесспорно, в реальной жизни распределение капиталовложений отличалось от плановых наметок. Приведу такой пример. В годы первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4% всех союзных капиталовложений. В реальности промышленность региона получила 7,8%, то есть в полтора раза меньше [*Пятилетний...*, 1930. С. 562, 563].

Показательно, что замысел увеличить долю основного индустриального бастиона восточных районов — Уральской области в производстве промышленной продукции СССР за годы первой пятилетки с 4,27 до 10,36%, а вместе с Башкирией — с 4,58 до 10,73% не увенчался успехом. В 1932 г. на долю Урала (вместе с Сибирью и Дальним Востоком!) приходилось 9,17% всесоюзной промышленной продукции [Итоги..., 1939, С. 44]. В 1937 г. Уральский экономический район произвел только 6,2% всесоюзной промышленной продукции [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 132.].

Указанные тенденции пронизывали весь период первых пятилеток, обусловив и отклонение от плановых задач. Существует возможность провести сравнительный анализ пространственного размещения промышленности и в рамках экономики в границах СССР (см. табл. 2).

Таблица 2

Региональный аспект индустриализации в 1913–1940 г., %

Страна, регион	Удельный вес в промышленном производстве России в 1913 г.	Удельный вес в промышленном производстве СССР в 1940 г.
Российская империя/СССР	100	100
Урал	5,5	6,7
Украина	20,1	18
Ленинград	10,6	10,14
Поволжье	6,6	4,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4575. Л. 29.

В данном случае прослеживается уже указанная закономерность: сохранение «северной столицей» своего места в союзной промышленности. Видна и новая черта: в указанный период *Урал и Поволжье* поменялись своими позициями в иерархии российской и советской индустрии. Выскажу мнение, что решающим фактором стало не только наличие на Урале более комплексного потенциала сырьевых ресурсов, опыта развёртывания военной промышленности в Первую мировую войну, но и существование единой Уральской области в 1923–1934 гг. Объединение усилий научных, плановых и хозяйственных органов Урала позволило выработать такой уникальный документ, как «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия». Ни один регион СССР, насколько мне известно, не представил союзному руководству аналогичного проекта. Но в целом позитивные сдвиги в пространственном размещении промышленности СССР не привели к устранению отставания восточных районов по ряду качественных показателей.

Таким образом, если в 1900 г. производительность труда рабочего Урала в два раза уступала общероссийской производительности труда [Кафенгауз, 1994. С. 63, 67], то в 1940 г. отставание измерялось, соответственно, в 1,2 раза². Сложнее обстояло дело в соревновании с Петербургом/Ленинградом. В 1900 г. производительность труда рабочего Урала в 2,4 раза уступала производительности труда петербургского рабочего и в 2,3 раза — ленинградского в 1940 г. [Кафенгауз, 1994. С. 63, 67]. Отставание от московского рабочего за указанный период также сократилось: примерно с четырех до трех раз. Собственно говоря, перед нами определённый итог индустриального развития Урала — наиболее индустриально развитого региона на востоке страны. В этих итогах отражены и результаты сдвига промышленности на восток (табл. 3).

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 11–12.

Таблица 3
Региональный аспект индустриализации на 1940 г.

Страна, регион	Удельный вес в промышленном производстве СССР, %	Удельный вес в составе рабочих промышленности СССР, %	Ежегодная выработка промышленной продукции в среднем на одного рабочего, тыс. руб.	Производительность труда рабочего в сравнении с общесоюзной, %
СССР	100	100	11,97	100
Урал	6,83	8,2	9,93	83
Ленинград	10,14	5,4	22,53	188
Москва	14,7	6,6	26,67	223

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 11–12. (Данные по всей промышленности: крупной и мелкой).

Знаменательно, что подводя итоги первой пятилетки, авторы обобщающего труда «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», (вместо ожидаемого анализа первых результатов создания Урало-Кузбасского комплекса), отметили «заново созданную металлургическую базу» и «более рациональное размещение угольной промышленности» [*Итоги...*, 1933. С. 18].

Вывод

Сам факт создания второй угольно-металлургической базы на востоке страны, даже в незавершенном к началу второй пятилетки виде, без сомнения, повышал обороноспособность СССР. Однако масштаб сдвига промышленности на Восток был существенно меньше, чем это намечалось директивами Первого пятилетнего плана. Не менее важно было и то, что вместо комплексного развития регионов создавалась жёсткая управленческая вертикаль, характерная для всех республик, краев и областей СССР. В такой ситуации создание областей, чьи территории были близки к границам крупных экономических районов, оказывалось ненужным. Ликвидация Сибирского края (1930 г.), Уральской области (1934 г.), других подобных объединений ослабляла возможности кооперирования на местах, достижения подлинной планомерности и комплексности развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Денисова О.Ю. (2014). Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. № 2. С. 21–32.
- Бакланов Т.Я. (2012). Территориальное размещение промышленности и её региональное развитие // Вестник Арго. № 1. С. 32–49.
- Бакунин А.В., Беделёв А.Э. (1994). Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН.
- Белов А.В. (2012). К вопросу о пространственном размещении факторов промышленности в современной России // Пространственная экономика. № 2. С. 9–28.
- Бокарев Ю.П. (2012). Виртуально-пространственный подход в экономической компаративистике. Компаративные исследования экономической истории // История мировой экономики. Вып. I: Сб. статей. М.: Институт экономики РАН. С. 109–160.
- Васютин В.Ф. (1932). Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития: Докл., перераб. и доп. М.-Л.: Соц-эконом. издат.
- Итоги оборонной подготовки промышленности в первой пятилетке (2008). // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. (1927–1932). М.: Терра. С. 735–755.

- Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. (1933). М.-Л.: Госплан.
- Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. (1939). М.: Госпланиздат.
- Кафенгауз Л.Б. (1994). Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е гг. XX в.). М.: Эпифания.
- Кен О.Н. (2002). Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
- Ковалевский Н.А. (1929). Районный разрез в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. №3. С. 53–90.
- Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке (1932). Сб. тезисов: Институт промышленно-экономических исследований. М.: Изд-во НКТП СССР.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. (1930). Т. 3. М.: Плановое хозяйство.
- Соколов А.К. (2012). От военного к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. М.: Новый хронограф.
- Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933–1937). (2011). М.: Терра.
- Твердюкова Е.Д. (2010). Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Центр и регионы в истории России. М.: Скифия-Принт. С. 412–430.
- Тимошенко А.И. (2010). Урало-Кузбасская проблема в дискуссиях и решениях Советского правительства // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сб. ст. и док. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН. С. 149–180.
- Труды первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. (1933). Т. 4. М.: Советская Азия.
- Фельдман М.А. (2020a). Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 1. С. 78–84.
- Фельдман М.А. (2020b). Судьба российского марксиста на переломе эпох: приказано выжить // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 111–121.
- Шпотов Б.М. (2009). Формирование американского пути индустриального развития (конец XIX — начало XX века // Новая и новейшая история. № 2. С. 20–36.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex

Mikhail A. Feldman

Doctor of History, Professor Ural Institute of Management- Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia)

feldman-mih@yandex

THE FIRST FIVE-YEAR PLAN: THE PROBLEM OF SPATIAL DISTRIBUTION OF INDUSTRY (MODERN APPROACHES)

Abstract. The rational allocation of productive forces in the USSR was given special importance: it was supposed to be an additional source of increasing the pace of socialist construction and help catch up and overtake the capitalist West. But the specific conditions of the First Five-year plan made changes to the ideal scheme for the allocation of productive forces: the real picture of the distribution of capital investment was largely formed due to the inertial processes of the allocation of productive forces; the convenience for government departments of building industrial potential in the center of the country; the availability of qualified personnel.

Keywords: *location, space, industry, regions, plans.*

JEL: N60, N70, N90, O25.

REFERENCES

- Animitsa E.G., Animitsa P.E., Denisova O.Yu.* (2014). Evolyuciya nauchnyh vzglyadov na teoriyu razmeshcheniya proizvoditel'nyh sil [Evolution of scientific views on the theory of the distribution of productive forces] // *Ekonomika regiona*. No. 2. Pp. 21–32. (In Russ.).
- Baklanov T.Ya.* (2012). Territorial'noe razmeshchenie promyshlennosti i ee regional'noe razvitie [Territorial distribution of industry and its regional development] // *Vestnik Argo*. No. 1. Pp 32–49. (In Russ.).
- Bakunin A.V., Bedel A.E.* (1994). *Ural'skij promyshlennyj kompleks* [Ural Industrial Complex]. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

- Belov A. V. (2012). K voprosu o prostranstvennom razmeshchenii faktorov promyshlennosti v sovremennoj Rossii [On the issue of spatial placement of industrial factors in modern Russia] // *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 2. Pp. 9–28. (In Russ.).
- Bokarev Yu. P. (2012). Virtual'no-prostranstvennyj podhod v ekonomicheskoj komparativistike. Komparativnye issledovaniya ekonomicheskoj istorii [Virtual-spatial approach in economic comparative studies. Comparative Studies of Economic History] // *Istoriya mirovoj ekonomiki. Vyp. I: Sbornik statej* [History of the World Economy, vol. I: Collection of articles]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Pp. 109–160. (In Russ.).
- Feldman M. A. (2020a). Trudnaya popytka osmysleniya (novyj vzglyad na sobytiya XVII konferencii VKP(b)). [A difficult attempt to comprehend (a new look at the events of the XVII Conference of the All-Union Communist Party (b))] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Volume 27. No. 1. Pp. 78–84. (In Russ.).
- Feldman M. A. (2020b). Sud'ba rossijskogo marksista na perelome epoch: prikazano vyzhit'. [The Fate of the Russian Marxist at the Turning point of epochs: ordered to survive] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 111–121. (In Russ.).
- Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuzo SSR. (1933). [Results of the implementation of the first five-year plan for the development of the national economy of the USSR]. Moscow-Leningrad: Gosplan. (In Russ.).
- Itogi vypolneniya vtorovogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuzo SSR. (1939). [Results of the implementation of the second five-year plan for the development of the national economy of the USSR]. Moscow-Leningrad: Gosplanizdat. (In Russ.).
- Itogi oboronnoj podgotovki promyshlennosti v pervoj pyatiletke (2008) [From the analytical review of the State Planning Committee of the USSR “Results of defense training of industry in the first five-year plan”] // *Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR*. [Formation of the military-industrial complex of the USSR.(1927–1932)]. Moscow: Terra. Pp. 735–755. (In Russ.).
- Kafenhauz L. B. (1994). Evolyuciya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX — 30-e gg. XX v.). [The evolution of industrial production in Russia (the last third of the XIX-30s of the XX century)]. Moscow: Epifaniya. (In Russ.).
- Ken O. N. (2002). Mobilizacionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konec 1920-h — seredina 1930-h gg) [Mobilization planning and political decisions (late 1920s — mid-1930s.). St. Petersburg: Publishing House of the European University. (In Russ.).
- Kovalevsky N. A. (1929). Rajonnyj razrez v pyatiletnem plane [Regional section in the five-year plan] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 3. Pp. 53–90. (In Russ.).
- Principy geograficheskogo razmeshcheniya tyazhelej promyshlennosti vo vtoroj pyatiletke: Sb. tezisov. Institut promyshlenno-ekonomicheskikh issledovanij. (1932). [Principles of the geographical location of heavy industry in the second five-year plan. Collection of theses of the Institute of Industrial and Economic Research]. Moscow: Publishing House of the NKTP SSSR. (In Russ.).
- Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR. (1930). T. 3. [Five-year plan of national economic construction of the USSR. Vol. 3]. Moscow: Planned economy. (In Russ.).
- Shpotov B. M. (2009). Formirovanie amerikanskogo puti industrial'nogo razvitiya (konec XIX — nachalo XX veka) [Formation of the American way of industrial development (the end of the XIX — the beginning of the XX century)] // *Novaya i novejschaya istoriya*. No. 2. Pp. 20–36. (In Russ.).
- Sokolov A. K. (2012). Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 — iyun' 1941. [From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 — June 1941]. Moscow: New chronograph. (In Russ.).
- Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933–1937).(2011) [Formation of the USSR military-industrial complex (1933–1937)]. Moscow: Terra. (In Russ.).
- Timoshenko A. I. (2010). Uralo-Kuzbasskaya problema v diskussiyah i resheniyah Sovetskogo pravitel'stva [Ural-Kuzbass problem in discussions and decisions of the Soviet government] // *Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizacii*. [Ural-Kuzbass: from design to implementation]. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Pp. 149–180. (In Russ.).
- Trudy pervoj Vsesoyuznoj konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyh sil Soyuzo SSR T.4 (1933). [Proceedings of the First All-Union Conference on the Allocation of Productive Forces of the USSR. Vol. 4]. Moscow: Soviet Asia. (In Russ.).
- Tverdyukova E. D. (2010). Prostranstvennoe razmeshchenie promyshlennosti i naseleniya v SSSR v 1930-e gg. [Spatial distribution of industry and population in the USSR in the 1930s]. // *Centr i regiony v istorii Rossii* [Center and regions in the history of Russia]. Moscow: Scythiaprint. Pp. 412–430. (In Russ.).
- Vasyutin V. F. (1932). Uralo — Kuzbass vo vtorom pyatiletii. Osnovnye linii razvitiya (pererabotannyj i dopolnennyj doklad, pročitannyj na pervoj Vsesoyuznoj konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyh sil). [Ural-Kuzbass in the second five-year period. The main lines of development (revised and supplemented report read at the first All-Union Conference on the Allocation of Productive Forces)]. Moscow-Leningrad: Sots.-ekonom. izdat. (In Russ.).

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А.П. Заостровцев

*к.э.н., н.с., Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург),
Департамент государственного администрирования Национального
исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

«РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»: 20-я ЕЖЕГОДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИЗ ЦИКЛА «ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Аннотация. В работе представлен обзор прошедшей 10–11 сентября 2021 г. 20-й ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения» по проблеме «Региональная экономика и региональная политика». Большой интерес вызвал доклад известного специалиста по экономической географии Н.В. Зубаревич, в котором рассматривались последствия Covid-19 для регионов России. Много внимания участники конференции уделили демографическим проблемам. В центре внимания здесь оказалось выступление Ю.В. Латова, в котором он убедительно показал неэффективность демографической политики. В самом бедном регионе России — СКФО — самый большой естественный прирост населения, и, напротив, в богатом ЦФО он наименьший. Докладчиком предложено стимулировать рождаемость в успешных семьях. Проблемы домохозяйств и стимулирования рождаемости обсуждались также в докладах Р.М. Нуреева и Е.А. Капогузова, которые придерживаются иных, по сравнению с Ю.В. Латовым, позиций. Л.Э. Лимоновым и М.В. Несеной была раскрыта картина эволюции городов на протяжении всей истории России. В.Л. Тамбовцев анализировал применение институционального подхода к региональным стратегиям развития. П.А. Ореховский предложил новые критерии оценки при составлении рейтинга российских регионов. Е.А. Коломак отметила, что миграция внутри России идет с периферии в центр, с востока на запад и из регионов с добывающей промышленностью в регионы с обрабатывающей промышленностью. С.П. Земцов представил исследование распределения предпринимательской активности по регионам РФ, а А.И. Пузанов познакомил участников конференции с социально-экономическим развитием городских агломераций. Завершил конференцию доклад В.Э. Гордина и А.К. Поломарчук о культурных кластерах и их особенностях.

Ключевые слова: *регионы, города, агломерации, кластеры, миграция, демография.*

JEL: R50, R53, R58, Z1.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_150_158.

Конференцию открыл доклад широко известного экономгеографа, дгеогр.н., профессора Н.В. Зубаревич (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова) «Регины России в ковидный кризис и выход из него: экономика и бюджеты». Он начался констатации, что выход из кризиса 2015–2016 гг. не завершился: не восстановились инвестиции, доходы населения и потребление. Кризис 2020 г. — это сильный спад во II квартале, к концу года восстановилась только обрабатывающая промышленность. В 2021 г. наблюдалось быстрое восстановление во II квартале (эффект базы).

Что касается регионов, то общие итоги ковидного кризиса таковы. Во-первых, в промышленности сильнее всего пострадали добывающие регионы и они медленнее выходят из спада (кроме угольных). Во-вторых, поскольку услуги концентрируются

в крупных городах, то спад в них был очень сильным не только по причине локдаунов, но и из-за падения доходов населения. Во многих регионах выход из спада в этой сфере завершился в конце I полугодия 2021 г. В Москве наблюдался фантастический рост общепита (в 1,5 раза!). В-третьих, более сильный рост безработицы наблюдался в крупных городах (сектор услуг), но он был кратковременным. В-четвертых, не было заметных региональных различий в спаде доходов населения. При этом признавалось, что статистика здесь не очень достоверная. И, наконец, в-пятых, сильный удар по бюджетам в первую волну пандемии был только в четверти регионов, зависящих от налога на прибыль. В 2021 г. в силу эффекта низкой базы идет быстрое восстановление.

В области бюджетной политики наиболее непонятным явлением стала ничем не объяснимая дифференциация дополнительных трансфертов регионам. Так, собственные доходы Московской области выросли на 15,9 млрд руб., и в то же время она получила максимальную прибавку трансфертов, равную 50,2 млрд руб. С другой стороны, собственные доходы Тюменской области снизились на 56,1 млрд руб., а прибавка трансфертов составила только 7,1 млрд руб.

Общий вывод докладчика таков: выделить наиболее и наименее пострадавшие регионы невозможно. Есть только один субъект, где большинство индикаторов улучшилось в ковидный кризис — это Чукотский АО.

Доклад профессора Л.М. Григорьева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») был озаглавлен «Образ жизни в мире после пандемии: новая нормаль *Urbi et Orbi*?». Автор признал, что данное название чересчур амбициозно. На самом деле имеет смысл рассказать о надежных сдвигах. При этом надо опираться на доступные факты и «стилизовать их». Пандемия как необычный триггер породил необычную реакцию в сфере макрофинансов с огромным фискальным стимулом и низкими ставками. Главное: рецессия имеет место без *liquidity crunch* (краха ликвидности) — с ростом курсов акций и стоимости финансовых фондов, ростом вложений в недвижимость, снижением банкротств. Итогом стало увеличение социального неравенства по активам.

Реакция образа жизни семей на пандемию и рецессию разделена по слоям. Во-первых, массовые небогатые: сжатие массовых услуг и потеря дохода (но компенсации от бюджетов). Во-вторых, средние (3-4 квинтили) — потеря отпусков, рекреации и уход в он-лайн, вынужденные сбережения и вложения в недвижимость. В-третьих, состоятельные слои: от 10 дециля в развивающихся странах до 8-10 в США — реинвестирование сбережений, сложные схемы рекреации, вложения в недвижимость, фондовые рынки.

Государства предложили большое временное перераспределение бюджетов (в долг) в пользу бедных, хотя де-факто — состоятельным. Попытка «равенства» постепенно стала появляться в доступе к вакцинам, — хотя не от «справедливости», а вынужденно — даже в развитых стран.

«Система городов России: особенности эволюции и современные вызовы». Это исследование было представлено генеральным директором АНО МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», д.э.н., профессором Л.Э. Лимоновым и ст. научным сотрудником МЦСЭИ «Леонтьевский Центр», к.э.н. М.В. Несеной. Основными поднятыми в докладе вопросами стали эволюция российской системы городов, унаследованные и новые проблемы городов, особенности российской урбанизации, различия между большими и малыми городами России, группы городов с разными траекториями развития, особенности российских агломераций. Рассмотрение эволюции российских городов охватывало весь исторический период их становления. Было отмечено, что на последнем этапе (1991–2017 гг.) появились 76 новых городов, при этом 20 городов исчезли по причине включения их в более крупные города и превращения в посёлки городского типа и посёлки сельского типа.

Рассматривалась правомерность применения закона Ципфа к системе российских городов¹. Был сделан вывод о том, что он не выполняется. К проблемам российских городов относятся большие расстояния между городами, устаревшая инфраструктура и недостаточно развитые транспортные системы, низкие темпы капремонта жилья и обветшание жилого фонда, низкая плотность городской застройки и её расползание, гипертрофия промзон, экология и благоустройство, сохранность исторического наследия.

Более 40% городского населения России проживает в малых или относительно небольших городах (меньше 300 тыс. чел.). Из них только 25%, то есть 265 городов, демонстрируют относительную устойчивость по численности населения или рост. Население малых и средних городов России отличается от населения крупных и крупнейших городов не только по уровню доходов на душу населения и другим объективным показателям благополучия, но и по субъективным оценкам благополучия и здоровья, а также по основным жизненным установкам и ценностям.

Выявлено принципиальное различие в динамике экономического развития между городами с населением до и более 250 тыс. жителей. Причем внутри группы «малых» городов установлены следующие зависимости: чем меньше город, тем выше в среднем темп роста зарплаты в нем и тем ниже темпы роста населения. Жители «малых» городов в большей мере ждут от государства выполнения задач, связанных с обеспечением «всеобщего благосостояния». Они более привязаны к стране и сильнее ориентированы на традиции, чем жители «больших» городов.

Выделено более 20 агломераций. В России под агломерациями понимают территории, объединяющие несколько муниципальных образований, связанных между собой миграционными и транспортными потоками и образующими единую социально-экономическую систему. Концентрация большого числа людей на компактной территории не обязательно создает агломерационные эффекты, поэтому политика укрупнения существующих крупнейших городов должна быть подкреплена мерами, способствующими формированию агломерационных эффектов.

Профессор экономической географии, директор по исследованиям и инновациям Школы географии и планирования Университета Кардиффа Роберт Хаггинс представил разработку по теме «Города и будущее инноваций: предпринимательство, экосистемы и кризисы». Она базируется на двух сериях интервью с индивидами, которые могут быть определены как агенты инноваций. Они представляли 6 городов: Берлин, Лондон, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Шанхай и Токио.

В итоге были сделаны следующие выводы.

Предпринимательские экосистемы в больших городах не только обладают адаптивными качествами, но применение в них новых технологий позволяет поддерживать инновационные мощности и способности.

Наряду с адаптивной способностью, экосистемы становятся все более сложными в виде сетей и связей, охватывающих города и регионы различных размеров.

Экосистема — это распределенная и диффузная пространственная модель инноваций. При этом различные типы локаций играют различную роль в иерархии городской инновационной сети.

Глобальные города являются хабами этих распределенных сетей и остаются на вершине иерархии, однако и города второго уровня становятся все более активными в качестве локаций инноваций.

Предпринимательские инновации представляют организационные характеристики, которые останутся в центре экономического развития. В то же время это в значительно

¹ Этот закон характеризует пространственное распределение населения в городской системе: город с самым большим населением в любой стране в два раза больше, чем следующий по размеру город, и так далее.

меньшей степени относится ко многим локациям, которые изначально старались остаться устойчивыми в условиях истощающихся финансов и других ресурсов.

Свидетельства говорят о том, что отстающие локации должны фокусироваться на выработке и воплощении движимой предпринимательством стратегии развития экономики, которая сама образует каркас, поддерживающий становление предпринимательских инновационных экосистем.

Приглашенный профессор Института географических наук и исследований природных ресурсов (IGSNRR) Китайской академии наук, почетный профессор Школы глобальных исследований Университета Сассекса Майкл Данфорд посвятил свое исследование развитию Китая. Оно было озаглавлено им «Рост, неравенство и территориальное развитие в Китае: от “пусть некоторые люди и места сначала разбогатеют” до “общего процветания”, “новой урбанизации”, “оживления сельских районов” и “экологической цивилизации”». Фактически данный заголовок содержит в себе краткую аннотацию презентации.

С позиции территориального развития интерес представляет то обстоятельство, что Китай принял новую систему территориально-пространственного планирования: развитие кластеров в ряде регионов, реформа социального обеспечения (например, распространение медицинского страхования на сельские регионы), «умные города» и уплотненное энергоэффективное жилье, солнечные технологии, экологическая цивилизация и, наконец, программа оживления сельских районов (2017 г.).

Доклад д.э.н., профессора, заведующего отделом территориальных систем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН Е.А. Коломак «Механизмы и факторы пространственной дивергенции (конвергенции) в России в современных условиях» обратил внимание на то обстоятельство, что факторы, определяющие пространственные трансформации в России, имеют рыночную, технологическую и агломерационную природу. К ним относятся емкость и доступность внешних рынков, наличие крупных городских центров, концентрирующих ресурсы развития и извлекающих выгоды масштаба производства и разнообразия товаров и услуг.

Пространственное распределение факторов и результатов развития современной России меняется. Общая концентрация экономической активности сопровождается миграцией из периферии в центр, с востока на запад и из территорий добывающей специализации в регионы обрабатывающей ориентации. Темпы данных процессов не очень высокие и можно говорить, скорее, об эволюционной динамике. Эта эволюция усиливает центр-периферийную модель развития.

При существующем достаточно высоком уровне межрегиональных различий в сочетании с низкой плотностью населения и иерархической центр-периферийной моделью экономического пространства продолжение данных тенденций создаст проблемы связности и интегрированности. Эта проблема стоит, главным образом, перед восточными территориями, где значительная часть пространства имеет не только дезинтегрированный, но часто очаговый характер освоения.

Исследование по теме «Региональное регулирование развития семейных домохозяйств: зарубежный опыт и проблемы его использования в России» профессора, д.э.н. Р.М. Нуреева (Финансовый университет при Правительстве РФ) демонстрировало международный опыт демографической политики (США, Германия) и анализ его применимости к России. Прозвучал вывод о том, что в России происходит повторение немецкой ошибки: предусмотренные в национальном проекте «Демография» целевые индикаторы предполагают прирост суммарных коэффициентов рождаемости. В документах не учтены институциональные особенности регулирования рождаемости в субъектах РФ, а также межрегиональные миграционные процессы. Создание предусмотренной национальным проектом социальной инфраструктуры в регионах РФ не сможет ликвидировать различия в социально-экономических условиях рождения и воспитания детей.

В результате возникают схожие с Германией демографические риски депопуляции отдельных территорий, а также рост рождаемости в крупных агломерациях. В свою очередь, рост городских агломераций приводит к усложнению брачного рынка и расслоению института брака под влиянием пересечений множества культурно-ценностных норм. В данных условиях находят свое место нетрадиционные (современные) формы семейных отношений, в контексте которых реализуются более быстрые и упрощенные практики построения семьи.

Итоговый вывод заключался в утверждении, что российский «заповедник» традиционных семейных ценностей рискует получить статус провинциального по германскому сценарию.

Разговор о демографических проблемах продолжился в докладе д. соц. н., профессора Ю.В. Латова (главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН) «Стимулирование рождаемости или роста человеческого капитала? Общероссийские тренды и региональные особенности российской демографической политики».

Автор исходил из того, что теория демографического перехода доказывает, что стимулирование рождаемости — ложная цель, а истинная — увеличение, в соответствии с теорией, социального капитала, и что эти две цели противоречат друг другу.

Снижение рождаемости в постсоветский период рассматривается как проявление «провала» модернизации. На самом деле, вопреки обвинениям постсоветских режимов в организации «вымирания россиян», тенденция к сокращению численности населения России характеризует нашу страну как достаточно передовую страну, которая полностью (как и развитые страны Запада) завершила в XX в. весь цикл модели демографического перехода.

Далее речь шла об ошибочности политики материального стимулирования рождаемости. В её основе лежит убеждение, будто детей, родившихся в бедных и неблагополучных семьях, можно будет потом «пропустить» через систему образования и получить квалифицированных работников. На самом деле современные теории социального капитала и сигналов на рынке труда доказывают ограниченные возможности школ и вузов играть роль социальных лифтов. Поэтому, когда российские власти оказывают помощь, прежде всего, малоимущим и неполным семьям с детьми, то они создают проблемы для будущего России.

Отмечается, что самый высокий естественный прирост населения в России в самом бедном и малоурбанизированном федеральном округе — СКФО (6,8%), а самый низкий — во втором по богатству ЦФО (-2,9%).

Провозглашается необходимость «перезагрузки» демографической политики. Необходимо отказаться от политики стимулирования рождаемости по принципу «числом поболее, ценою подешевле» и перейти к политике стимулирования рождаемости главным образом в семейных домохозяйствах среднего класса по принципу «лучше меньше, да лучше». Тем самым ориентация на рост населения заменяется ориентацией на повышение человеческого капитала².

Главная конструктивная идея — необходимость дифференцировать стимулы к деторождению для разных социальных групп. Самыми высокими они должны быть для «хороших семей» — семей работников-специалистов, где супруги имеют высокое образование

² Такой подход характерен для многих экономистов, которые, следуя логике нобелевского лауреата Г. Беккера, рассматривают решения о продолжении рода как семейные «долгосрочные инвестиции», способствующие росту «человеческого капитала». Как отмечал П. Бурдьё, «...Беккер... давно уже старается объяснять этой моделью такие виды поведения, как брак, не ведая страха и ровным счётом ничего не зная о работах антропологов, теоретиков родства и т.д., он предложил теорию брака выписанную в категориях издержек, выгод и потерь» (Бурдьё П. (2019). Экономическая антропология: курс лекций в Коллж де Франс (1992–1993). М.: ИД «Дело» РАНХиГС. С. 14–15). Трудно сказать, привела бы подобная переориентация государственной демографической политики к росту общественного благосостояния — по очевидным причинам, такие дискриминационные решения до сих пор нигде не реализовывались. — *Прим. ред.*

и доходы, соответствующие уровню среднего класса. Для «плохих семей» стимулы должны быть низкими или нулевыми. Для стимулирования предлагается использовать не только денежное стимулирование семьи, дифференцированное по регионам и основанное на балльной оценке характеристик супругов, но и стимулирование свободным временем за счёт расширения женской дистанционной занятости и пенсионных льгот за «успешных» детей.

Обсуждение демографических проблем завершилось выступлением д.э.н., доцента Е.А. Капогузова (Омский государственный университет им. Ф.А. Достоевского) на тему «Региональная специфика семейной политики: от поливариантности к гармонизации». В нем говорилось, что начиная с 2011 г. отмечается возрастающий тренд по государственным расходам в сфере семейной политики: уже в 2019 г. расходы на охрану семьи и детства выросли во всех субъектах РФ в 1,5 раза, что однозначно не является следствием будущей пандемии. Таким образом, несмотря на фрагментированность семейной политики, она является последовательной. Однако COVID-19 привнес целый ряд непредвиденных обстоятельств, которые способствовали превращению семейной политики в «административный фетиш».

В России большая часть состоящих в зарегистрированном браке получает до 25 тыс. руб., тогда как для состоящих в незарегистрированном браке доля получающих 25–35 тыс. руб. также высока, однако их объём резко сокращается в более высокодоходном сегменте.

Результаты подтверждают основную причину низкого уровня рождаемости в России — невысокий уровень доходов россиян, при котором далеко не многие готовы регистрировать брак и заводить детей вопреки своему благосостоянию. Параметр субъективной бедности и его связь с отношением фактического дохода к прожиточного минимуму формируют социальный фон российской семейной политики и декларируемый «ценностный кризис».

Итогом исследования явились следующие выявленные зависимости:

Зависимости между бюджетными расходами и рождаемостью

Бюджетные расходы	Влияние семейной политики на рождаемость (при низких бюджетных расходах)	Влияние рождаемости на семейную политику (при низких бюджетных расходах)
1002 Социальное обслуживание населения	Обратная зависимость	
1003 Социальное обеспечение населения	Обратная зависимость	Прямая зависимость
1004 Охрана семьи и детства	Обратная зависимость	Прямая зависимость
0701 Дошкольное образование	Прямая зависимость	
0707 Молодежная политика	Обратная зависимость	
0900 Здравоохранение	Прямая зависимость	Обратная зависимость

Источник: разработано Е.А. Капогузовым.

Д.э.н., профессор В.Л. Тамбовцев (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова) рассматривал «Институциональный подход к региональным стратегиям развития». Теорию какого-либо объекта или процесса он предложил называть институциональной, если её предмет представлен как совокупность действий и взаимодействий людей, происходящих внутри совокупности институтов, — и прямо задающих рамки их действий и взаимодействий, и тех, которые влияют на первую группу институтов.

Институциональная теория планирования (ИТП) трактует планирование как последовательность (взаимо)действий плановиков и стейкхолдеров, их деятельности, в ходе производства непосредственных и конечных результатов планирования. Эти взаимодействия осуществляются под влиянием стимулов, возникающих во внутренней и внешней институциональной среде системы планирования. Тем самым ИТП интегрирует два аспекта планирования: содержательный и процедурный, поскольку институты влияют и на правила разработки планов, и на их цели.

В публичном секторе понятие «успех на рынке» отсутствует. Если автономность организаций публичного сектора (региональных и местных властей, государственных и местных организаций) имеет формальный характер, т.е. фактически отсутствует, ожидать появления в них стратегий, нацеленных на улучшение предоставляемых публичных услуг, не приходится.

Институциональный подход позволяет обратить внимание на аспекты стратегического планирования, которые ранее не привлекали большого интереса исследователей. Очевидно, полезность любой стратегии подтверждается только положительными последствиями её реализации. Если публичная организация, — например, региональные органы государственного управления, — фактически лишена автономии (регион является дотационным), в ней может возникнуть только квазистратегия. Её «сверхзадача» — максимизировать поступление средств из центра для решения актуальных региональных проблем, на которые не хватает собственных бюджетных средств. Если вследствие формирования стратегии такие средства удастся получить — стратегия, безусловно, полезна для региона (или любой иной публичной организации). При этом методика разработки стратегии не имеет значения.

К.э.н. С.П. Земцов (директор Центра экономической географии и регионалистики РАНХиГС) сосредоточился на проблеме «Развитие предпринимательства в регионах России». В результате её исследования были сформулированы следующие выводы.

В политике не учитывается высокая региональная дифференциация предпринимательской деятельности.

На малые и средние предприятия (МСП) влияет доступность рынков, капитала и инвестиционные риски (спрос, деньги и страх).

Важны региональные институты; прослеживается зависимость предпринимательской деятельности от предшествующего развития.

Наиболее развитые предпринимательские экосистемы в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Белгородской, Калининградской, Самарской областях, Татарстане и др., а наименее развитые — в районах с высокими издержками ведения бизнеса: Северный Кавказ, Дальний Восток и арктическая зона.

Есть объективные географические факторы, которые трудно преодолеть мерами политики: доступ к рынку, транспортные издержки, энергозатраты и т.д.

Формальные институты улучшались с 2016 г., но сохраняются ограничения с точки зрения социокультурных и иных неформальных норм и правил.

Непредсказуемость госполитики (антисанкции, хостелы, снос павильонов, повышение соцвыплат и т.д.) вела к уходу «в тень» и дроблению фирм.

Много мер, инструментов, но нет экосистемной политики в регионах.

Местные власти не заинтересованы в развитии МСП из-за малой налоговой отдачи, а местные бизнесы не хотят платить налоги «в Москву».

В докладе д.э.н., профессора П.А. Ореховского (Институт экономики РАН) «Эффективность российской пространственной структуры распределения богатства (2000–2018 гг.)» представлены построенные рейтинги инвестиционной привлекательности, которые существенно отличаются от имеющихся (РА-Эксперт, агентство Fitch). Проведенные расчёты рейтингов связаны с капиталотдачей и запасами, в то время как действующие методики в основном учитывают потоки и доходность частного капитала и т.д.

Потенциал сложившейся территориальной структуры в основном исчерпан, прежние региональные лидеры уже «замедлились» и будут «тормозить» дальше. Кроме собственно экономических причин, на это будет влиять и ориентация бюджетной политики на электоральный цикл, а также общеизвестное противоречие между долгосрочными и краткосрочными целями экономической политики. Традиционные мероприятия типа «программы реновации» и/или расширения ипотеки принесут крайне ограниченный эффект с точки зрения ускорения роста.

Резервы роста любой пространственной (и отраслевой) структуры исчерпываются, замедление роста является естественным. Прогрессистские взгляды «первой России» (по Н. Зубаревич) способствуют осуществлению политики правительства, направленной на поддержку и развитие прежних «локомотивов роста», что в условиях сохранения прежней структуры еще сильнее замедляет рост и способствует стагнации.

К. геогр. н., генеральный директор Фонда «Институт экономики города» А.И. Пузанов познакомил участников конференции с исследованием по теме «Современные тенденции социально-экономического и градостроительного развития крупнейших городских агломераций России». Его основные выводы заключались в следующих положениях.

Проблемы не комплексности законодательного регулирования агломерационного строительства не блокируют реализацию проектов развития агломераций, совершенствования моделей управления.

Развивается практика «прямого государственного управления» агломерациями путем передачи ключевых муниципальных полномочий субъекту РФ — развитие агломераций используется как очередной повод для такой передачи.

Опережающая разработка схем территориального планирования и пространственного развития агломераций в сравнении с комплексными концепциями и стратегиями развития агломераций — недостаточный фокус на институциональной интеграции, стимулировании экономического развития.

Декларативный характер большинства межмуниципальных соглашений о сотрудничестве. Межмуниципальное сотрудничество в большинстве агломераций сводится к ассоциативным формам, а деятельность — к информационно-консультационной, в т.ч. согласованию документов стратегического и территориального планирования.

Практика формирования межмуниципальных хозяйственных обществ в агломерациях не развита: существующие примеры не затрагивают территории агломераций и касаются, как правило, взаимодействия муниципального района и поселения на его территории.

Стратегии и концепции развития агломераций не используют формат разработки документов стратегического планирования на часть территории субъекта РФ в соответствии с Федеральным законом 172-ФЗ.

В заключительном докладе д.э.н., профессора В.Э. Гордина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») и менеджера лаборатории экономики культуры А.К. Поломарчук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») на тему «Особенности кластерных эффектов в сфере культуры» был проведен комплексный анализ культурных кластеров. К их целям отнесены следующие характеристики: производство совместных культурных продуктов, повышение посещаемости входящих в него резидентов, создание более комфортных условий для посетителей, улучшение логистики потока посетителей, повышение эффективности работы и доходности резидентов кластеров. Состав резидентов кластеров включает в себя организации и учреждения культуры; организации, содействующие созданию и потреблению культурных продуктов. Основными благополучателями от создания культурных кластеров являются туристы, местные жители, резиденты культурных кластеров, сервисные предприятия, девелоперы.

Авторами подробно проанализированы эффекты от кластеризации деятельности учреждений культуры. К ним относятся повышение коллаборативности между различными организациями культуры, создание условий для совместных культурных событий городского и национального масштаба; создание бренда отдельного кластера, усиливающего бренды индивидуальных кластеров отдельных резидентов; кобрендинг между резидентами культурного кластера, появление возможности системного создания и продвижения совместных культурных продуктов резидентов культурных кластеров, формирование и регулирование потоков посетителей в целях повышения аттрактивности резидентов культурного кластера, повышение уровня комфорта городской среды, повышение результативности деятельности организаций культуры — резидентов культурного кластера.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtssev

*PhD (economics), research fellow in the International Center for Socio-economics Researches “Leontief Center”, professor of National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russia
zao-and@yandex.ru*

“REGIONAL ECONOMY AND REGIONAL POLICY”: THE 20TH ANNUAL INTERNATIONAL CONFERENCE FROM THE CYCLE “LEONTIEV’S READINGS”

Summary. The paper provides an overview of the 20th annual conference from the Leontief Readings series on the issue of Regional Economy and Regional Policy, which took place on September 10–11, 2021. Great interest was aroused by the report of the renowned expert in economic geography N.V. Zubarevich, which considered the consequences of Covid-19 for the regions of Russia. The conference participants paid a lot of attention to demographic problems. The focus of attention here turned out to be the speech of Yu.V. Latov, in which he convincingly showed the ineffectiveness of demographic policy. In the poorest region of Russia — the North Caucasus Federal District — the largest natural population growth, and, on the contrary, in the rich Central Federal District, it is the smallest. The speaker proposed to stimulate the birth rate in successful families. The problems of households and the stimulation of the birth rate were also discussed in the reports of R.M. Nureev and E.A. Kapoguzov. These researchers adhere to significantly different, in comparison with Yu.V. Latov, positions. L.E. Limonov and M.V. Nesena revealed a picture of the evolution of cities throughout the history of Russia. V.L. Tambovtsev analyzed the application of the institutional approach to regional development strategies. P.A. Orekhovsky proposed new evaluation criteria when compiling a rating of Russian regions. E.A. Kolomak noted that migration within Russia goes from the periphery to the center, from the east to the west, and from regions with an extractive industry to regions with a manufacturing industry. S.P. Zemtsov presented a study of the distribution of entrepreneurial activity by regions of the Russian Federation, and A.I. Puzanov introduced the conference participants to the socio-economic development of urban agglomerations. The conference ended with a report by V.E. Gordin and A.K. Polomarchuk on cultural clusters and their features.

Key words: *regions, cities, agglomerations, clusters, migration, demography.*

JEL: R50, R53, R58, Z1.